

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ**

**ИНСТИТУТ ЕВРОПЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

**ГЛОБАЛЬНЫЕ РИСКИ XXI ВЕКА:
ПРЕДЕЛЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ**

МОСКВА 2013

**Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки**

**Институт Европы
Российской академии наук**

**ГЛОБАЛЬНЫЕ РИСКИ XXI ВЕКА:
ПРЕДЕЛЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ**

**Доклады Института Европы
№ 296**

Москва 2013

УДК 327:323.1
ББК 66.09
Г54

Редакционный совет:
Н.П. Шмелёв (председатель),
Ю.А. Борко, Ал.А. Громько,
В.В. Журкин, М.Г. Носов, В.П. Фёдоров

Под редакцией Н.П. Шмелёва, В.П. Фёдорова, Т.Т. Тимофеева,
Ал.А. Громько

Рецензенты:
Потёмкина Ольга Юрьевна, доктор политических наук
Яхимович Зинаида Павловна, доктор исторических наук

Номер государственной регистрации: № 01200905006
«Россия в многообразии мировых цивилизаций»

В подготовке материалов к печати принимала участие
Е.В. Дрожжина

Глобальные риски XXI века: пределы регулирования = Global risks in the XXI century: limits of regulation / [под ред. Н.П. Шмелёва и др.] . – М. : Ин-т Европы РАН , 2013. – 142 с. – (Доклады Института Европы = Reports of the Institute of Europe / Федеральное гос. бюджет. учреждение науки Ин-т Европы Российской акад. наук ; № 296). – Парал. тит. л. англ. – ISBN 978-5-98163-027-9.

В работе освещаются цивилизационные аспекты глобальных рисков и регулирования. Речь идёт о сущности российской, европейской, китайской и других цивилизаций, о проблемах межцивилизационной природы, о конкретных вопросах межэтнического, межкультурного, межконфессионального взаимодействия в Европе, на Ближнем Востоке, в других регионах мира.

Мнение авторов может не совпадать с мнением редакционного совета.

ISBN 978-5-98163-027-9

© ИЕ РАН, подготовка текста, 2013

Russian Academy of Sciences

Institute of Europe RAS

**GLOBAL RISKS IN THE XXI CENTURY:
LIMITS OF REGULATION**

**Reports of the Institute of Europe
№ 296**

Moscow 2013

Аннотация

В работе освещаются цивилизационные аспекты глобальных рисков и регулирования. Речь идёт о сущности российской, европейской, китайской и других цивилизаций, о проблемах междивизиционной природы, о конкретных вопросах межэтнического, межкультурного, межконфессионального взаимодействия в Европе, на Ближнем Востоке, в других регионах мира. Красной нитью в исследовании проходит мысль о том, что альтернативы принципу сотрудничества нет, и что конфронтационный подход является тупиковым. Вместе с тем, с большой тревогой говорится о возрастающих рисках, как глобального, так и регионального свойства, о слабых сторонах мультикультурализма, об опасности распространения радикального ислама.

Annotation

This collection of articles is dedicated to problems of global, regional and local risks, to mainstream scenarios of development of European and other civilizations. The authors focus their attention on possibilities and limits of regulation on different levels of world government. Further increase in ethnic and religious tensions is factored in. At the same time the emphasis is put on centrality of constructive and peaceful approach to solution of highlighted problems.

СОДЕРЖАНИЕ

Н.П. Шмелёв. Вступительное слово.....	7
А.И. Агеев. Глобальные риски в нашу эпоху: проблемы управляемости и прогнозирования.....	8
О.А. Гриневский. Обострение ситуации на Ближнем Востоке: международные последствия.....	13
Н.П. Шмелёв, В.П. Фёдоров. Наши реалии и потенциальные опасности.....	25
Т.Т. Тимофеев. «Вызовы-ответы» XXI века и некоторые аспекты глобальных взаимодействий.....	32
В.В. Попов. О сущности российской цивилизации.....	44
Ал.А. Громыко. Россия между Европой и Азией.....	48
А.В. Виноградов. Глобальные вызовы и китайская цивилизация.....	54
А.И. Липкин. Поли-цивилизационный мульти- культурализм вчера и сегодня.....	60
В.Я. Швейцер. Оживление сепаратистских тенденций.....	76
Т.Б. Ситников. Этно-конфессиональные противоречия.....	80
А.С. Железняков. О некоторых проблемах цивилизационных взаимодействий.....	90
Н.Н. Михайлов. О цивилизациях и межцивилизационных отношениях.....	106
А.А. Канунников. К вопросу о месте России в мировом цивилизационном процессе.....	123
Т.Т. Тимофеев, В.П. Фёдоров. К сотрудничеству, а не конфронтации (вместо заключения).....	132

CONTENTS

N.P. Shmelev. Introduction.....	7
A.I. Ageev. Global risks in modern times: problems of governability and forecasting.....	8
O.A. Grinevskii. The Middle East is spiraling down: consequences for the world.....	13
N.P. Shmelev, V.P. Fyodorov. Realities of our times and potential threats.....	25
T.T. Timofeev. «Challenges – responses» in the XXI century and some aspects of global interactions.....	32
V.V. Popov. On essence of Russian civilization.....	44
Al.A. Gromyko. Russia between Europe and Asia.....	48
A.V. Vinogradov. Global challenges and Chinese civilization.....	54
A.I. Lipkin. Poly-civilizational multiculturalism yesterday and today.....	60
V.Ya. Shveitser. Resurrection of separatism.....	76
T.B. Sitnikov. Ethno-religious contradictions.....	80
A.S. Zhelezniakov. On some problems of civilizations' interplay.....	90
N.N. Mikhailov. On civilizations and relations among them.....	106
A.A. Kanunnikov. On the role of Russia in the global civilizational process.....	123
T.T. Timofeev, V.P. Fyodorov. From confrontation to cooperation (concluding remarks).....	132

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Мы продолжаем обсуждение важнейших глобальных и региональных проблем. Сегодня мы специально останавливаемся – с учётом современных глобальных рисков – на вопросах прогнозирования и возможностях регулирования, проблемах управляемости.

Часто говорят о «новых рисках». Но когда глобальных рисков в мировой истории не было? Если брать близкие нам времена, то XX в. испытал и две мировые войны, и угрозу атомной катастрофы. С этими рисками удалось справиться. Свою роль сыграла и победа во Второй мировой войне, и Организация Объединённых Наций, созданная в 1944 г., и атомный паритет, которого удалось достичь в 1949 г., и который, несмотря на октябрь 1962 г., Кубинский кризис, в целом выдержал равновесие в мире.

В итоге в международных делах сложилось биполярное устройство. Конечно, конфликты случались постоянно. Это и Вьетнам, и Корея, и Ближний Восток. Но за определённые пределы они не переходили. Доказательство этому служит то, что НАТО и Соединённые Штаты смирились с венгерскими событиями в 1956 г., а затем с чехословацкими в 1968 г. В региональных пределах удалось удержать и последствия ввода советских войск в Афганистан в 1979 г.

После развала Советского Союза образовалось однополярное управление миром. Получилось ли что-то из этого? Нет. Наступили трагические события в Югославии, и события 11 сентября 2001 г. в США, затем военные вторжения в Ирак, Афганистан, Ливию. Если это называть управлением, то управлением на грани хаоса.

В результате мы подошли к конструкции многополярного мира. В её сооружении участвуют и всё те же Соединённые Штаты, и возрастающий Китай, и Европа, и другие регионы планеты.

* Шмелёв Николай Петрович, академик РАН, директор Института Европы РАН.

В этой многополярной конструкции остались старые риски, но к ним теперь прибавились и новые. Я бы особо выделил угрозу Третьей мировой войны. Правда, неизвестно откуда она может начаться. Ближний Восток вполне может претендовать на роль её запала.

Далее, кризис конца нулевых годов доказал одну простую вещь: экономическая система мира при многих её традиционных недостатках за последние годы стала вовсе нездоровой и нежизнеспособной. Не может мировая экономика работать в условиях, когда более 90% её содержания – это воздух. Абсолютно очевидно, что она должна быть перестроена. Но как? Вряд ли кто-то знает ответ.

Другой вызов – что-то похожее на великое переселение народов в I тысячелетии н.э., новые демографические и миграционные проблемы. До недавнего времени они были под контролем, но затем почти полностью вышли из-под него. Отсюда пророчества о столкновении цивилизаций.

Каким же может быть в новых условиях мировой регулятор? Организация Объединённых Наций в том виде, в котором она существует, мало эффективна. «Большая восьмёрка»? Ещё менее перспективна, чем ООН. Но всё же не стоит относиться к идее мирового правительства, как к выдумке. Только в этом направлении и можно нащупать реальные механизмы совладания с надвигающимися на нас угрозами.

*А.И. Агеев**

ГЛОБАЛЬНЫЕ РИСКИ В НАШУ ЭПОХУ: ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЯЕМОСТИ И ПРОГНОЗИРОВАНИЯ

Сначала несколько предварительных замечаний. Во-первых, известно, что люди видят в мире очень узкий оптический диапазон, лишь немногие клавиши из широкой клавиатуры информационных потоков. И для того чтобы увидеть всё остальное, всё то, что мы не ощущаем, не воспринимаем, нам требуются раз-

* Агеев Александр Иванович, президент Международной академии прогнозирования будущего.

ные средства: рентгены, индикаторы излучений, датчики, а самое главное – разные научные методологии и методы. Но при этом по-разному видят мир США, Германия, Китай, Япония, Египет и т.д. И важно всегда делать поправку на специфику восприятия. Что для одного проблема, то для другого – радость, что одному – вызов, другому – пустяк.

Во-вторых, методологии, которыми обладает нынешнее поколение учёных, требуют развития.

В-третьих, мы сегодня живём в колоссальном и беспрецедентном информационном потоке. Так, мы ведём мониторинг глобальных рисков ежемесячно. Для пяти обобщающих документов в 300 страниц каждый перерабатываются десятки тысяч файлов информации. И это – каждый месяц.

В-четвёртых, многие научные подходы по сути являются абстракциями, выявившими параметры порядка, за которые можно уцепиться при оценках нынешнего сложного мира. Но ведь и параметры порядка меняются, иногда радикально. А решения политиками принимаются, как правило, в рамках их личных парадигм, восходящих в разные времена их умственных восприятий. Поэтому огромное значение при анализе рисков имеет роль личности, роль малых событий. Не случайно, например, современные оценки мотиваций игроков накануне Первой мировой войны показывают колоссальную асимметрию в информации и выводах сторон. Эти стороны хорошо осознавали свои интересы и потенциалы, но в отношении противников, да и союзников была неполная информация и вся полнота противоречивых предположений. Был мощный поток донесений всех разведок, но он мог быть интерпретирован по-разному, а реальные решения принимали лидеры со всей палитрой их субъективных потенциалов.

Наконец, формирование представления о любом риске должно дать возможность оценить, где мы, собственно, находимся в системе координат в случае наступления этого события. При попытках моделирования мы сталкиваемся с разными картинами реальности, мотивов, которые по-разному эволюционируют. Ситуацию хорошо охарактеризовал Илья Пригожин: «Мир слишком богат, чтобы быть выраженным на одном единственном языке». Поэтому требуются и научные, и художественные текс-

ты, и формулы, и публицистика, и кинематограф, только тогда мы приблизимся к истине.

Второй тезис связан с тем, что недавно в футурологическом сообществе связывалось с именем Насима Талеба. Это – «чёрные лебеди», те события, то есть те риски, наступление которых даже не было никем предсказано. Они не были спрогнозированы. Многие знатоки, к примеру, Ближнего Востока не предполагали, что Муамар Каддафи именно так закончит свою политическую карьеру.

Такого рода событий становится всё больше и больше. Более того, с мая 2013 г. Генри Киссинджер, например, начал регулярно высказываться в том плане, что мы даже не представляли, куда пойдут события «арабской весны». Мы видим, как Збигнев Бжезинский регулярно меняет точку зрения. Тем самым конспирологические предположения о чётких замыслах, жёстких планах порой рассыпаются, потому что жизнь вносит своё, сталкивая многие факторы.

Одной из попыток справиться с такой сложностью стал проект «Стратегическая матрица». Он позволил проанализировать эволюцию и перспективы свыше 100 стран. Методология и созданный на её основе программный комплекс позволили найти параметры порядка и достичь высокой точности прогнозирования. В частности, в модуль комплекса «Коалиции интересов» были внесены жизненно важные интересы этих 100 стран. До сих пор эта система помогает вести переговорные процессы.

С конца 1980-х гг. Россия впала в длительный период турбулентности, когда значение параметров зависит от разных, не только объективных, но и субъективных моментов. Но анализ долгосрочного ритма «дыхания» страны позволил сделать вывод, когда будет шанс выйти на устойчивую траекторию. Не говорю о подробностях, но суть стратегического выбора для России в этот период сводилась к вопросу о том, останемся ли мы великой державой, либо разваливаемся, либо укрепим свои параметры мощи (разовьём экономику, культуру, образование и так далее), либо резко ослабнем.

Важно учесть и то, что при всех сценариях развития мировых событий, то есть при всех рисках, есть одна тайна теории

вероятности. Её суть в том, что происходят события не только наиболее вероятные, но и маловероятные. Так, в конце 1980-х гг. проходил футурологический конгресс в Китае. Там рассматривалась и судьба Советского Союза. Среди пяти предложенных сценариев был и распад СССР. Но у него была минимальная вероятность. Судите сами.

Анализируя перспективы до 2030 г., мы пришли к выводу, что Россия может удержаться на волнах глобальной неустойчивости, несмотря на то что в повседневном, бытовом плане мы можем быть недовольны делами в стране. Хорошие перспективы выявлены по Китаю, хотя здесь наблюдается растущая неустойчивость управления, борьба трёх основных сил, которая будет усиливаться. Очевидны стабильные перспективы США, как бы ни было критично к ним отношение.

Проведена оценка цивилизационной мощи ведущих групп стран. В частности, евразийское пространство, которое находится в едином цивилизационном ареале, имеет колоссальную напряжённость внутренних взаимоотношений. Она сравнима с напряжённостью в исламском ареале, где также высокая степень негармоничности отношений между странами.

Третий блок вопросов. Что наиболее существенно для понимания рисков? Номер один – демография. Мы часто не сознаём, что с 1950 г. каждое десятилетие мир увеличивался на 50-90 млн человек. Каждый год рождается 48 млн девочек и выпускается 48 млн автомобилей. Если б люди тратили на воспитание девочек столько же сил, сколько на заботу о машинах, возможно мир был бы другим.

Как выявил С.П. Капица, мы выходим к середине XXI в. на плато численности человечества в районе 9 млрд, но это будет совершенно другое человечество. Правда, надо иметь в виду, что есть и иные сценарии, в частности – сброс мирового населения до уровня 5 млрд. Важно принимать в расчёт весь спектр прогнозов.

Ещё один принципиальный тезис для понимания рисков – сама организация жизни людей становится иной. Сейчас другие люди. И они по-иному социально организованы. Мы мало знаем, например, колыбельные цивилизации. Через миграцию и

глобальное информационное пространство происходит обмен знаниями, стереотипами поведения и мышления.

Очевидно, что нарастает напряжение не только на Ближнем Востоке, но повсеместно. Растёт количество людей, безработных, молодёжи, растёт доступ не только к телефонии и интернету, социальным сетям, но и к оружию. Всё это неизбежно повышает социальное напряжение. Реально мир напрягается так, что где «рванёт», предсказать невозможно. И чрезвычайно важный тезис для понимания – нарастает напряжённость не только в нестабильных районах мира, но и в самих США. Сейчас количество мигрантов там равно 12%, и количество разных эксцессов нарастает, приближаясь к значениям середины XIX в. и 1920-х гг. Существенно, что в США увеличивается роль частных фондов, организаций, которые находятся вне контроля государства. Они соответственно влияют на госаппарат. Особенно серьёзно то, что нарастает степень ожесточённости в борьбе различных элитных групп.

Третий важный момент. Огромна роль виртуальности. Сейчас зачастую трудно отличить кадры фильма и документальные съёмки катастроф. Астероиды ещё десять лет назад считались умственной блажью некоторых людей. А вот факты: катастрофа в Северной Америке, Тунгусский метеорит. Четыре раза в век происходят такие масштабные катастрофы с Землёй. Или болид около Днепропетровска. Вероятность гибели от астероида для людей сегодня сопоставима с поражением электротоком и авиа-катастрофой.

Четвёртый важный фактор для прогнозирования рисков – это стремительный прогресс в технологиях. В 2012 г. произошло две кибернетических войны против государств. А то, что происходит каждый месяц, реально опережает многие даже фантастические идеи. Один лишь сланцевый газ позволяет реально пересмотреть многие прогнозы в отношении Северного морского пути, разработки шельфа.

Посмотрим на динамику рисков. Угроза распространения оружия массового поражения растёт, как и терроризм, нестабильность государств. Титанические усилия предпринимаются по борьбе с коррупцией, особенно в четырёх наиболее корруп-

ционно-ёмких секторах: банки, энергетика, телекоммуникации и госуправление. Но успехи весьма скромны.

Провал дипломатических способов разрешения конфликтов, милитаризация космоса, односторонняя национализация ресурсов. Диспропорции доходов, растущая социальная несправедливость заставили Дж. Стиглица и П. Кругмана написать о том, что США необходима политическая реформа. Что же говорить о других странах.

Нехватка воды станет в ближайшие годы важнее, чем нехватка нефти, а параллельно стремительно надвигается кризис продовольствия. Растут и угрозы хронических заболеваний. А ещё: парниковые газы; бесконтрольная урбанизация; исчезновение живых организмов; геомагнитные бури; беспрецедентные геофизические разрушения. И всё чаще экстремальные погодные условия.

Важнейший вопрос – как выстроить системы управления рисками. Вне зависимости от нашего к ним отношения, факт состоит в том, что человечество начинает превышать пределы эффективности своего воспроизводства. Жизнь становится всё сложнее и сложнее, а способностей осмысливать её и принимать надлежащие решения становится меньше.

Наш опыт мониторинга рисков показывает реальное нарастание различных параметров этой напряжённости. Противопоставить хаосу и сложности может помочь повышение уровня организованности, в том числе и в понимании рисков¹.

*О.А. Гриневский**

ОБОСТРЕНИЕ СИТУАЦИИ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ: МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Сегодня мало кто вспоминает президента США Рональда

¹ Некоторые важные аспекты этой проблематики рассматриваются в ряде наших публикаций, в том числе на страницах академического бизнес-журнала «Экономические стратегии» (см., в частности, в номерах «ЭС» за 2011–2012 гг.).

* Гриневский Олег Алексеевич, зав. Центром «Европа – США» ИЕ РАН, Чрезвычайный и Полномочный Посол.

Рейгана. А зря. В его откровениях, вызывавших 30 лет тому назад порой иронический смех, сегодня можно увидеть нечто пророческое. Пример тому – его разговор с Горбачёвым во время их первой встречи в Женеве в 1985 г. Помню её очень хорошо. Утро 19 ноября выдалось на редкость холодным. Горбачёв в демисезонном пальто, закутанный шарфом и в шляпе подъехал к вилле Флер д’О на берегу Женевского озера, где располагалось американское представительство при ООН. А Рейган вышел его встречать в костюмчике, молодцеватый и улыбающийся, так что на экранах телевизора не была заметна 25-летняя разница в их возрасте. Наоборот, Горбачёв выглядел даже старше. Ему было тогда 54, а Рейгану 74 года. Широким жестом американский президент пригласил его пройти в небольшую гостиную, где в камине уютно потрескивали дрова. И тут к немалому изумлению Горбачёва он начал говорить не о насущных острых проблемах советско-американского противостояния, а про «зелёных человечков». США и СССР, убеждал Рейган, смогли бы быстро найти общий язык, «если бы возникла угроза этому миру со стороны других существ, с другой планеты, затерявшейся в космическом пространстве... Тогда мы позабыли бы все эти незначительные расхождения между нашими странами и обнаружили раз и навсегда, что мы все вместе люди на этой Земле».

Горбачёв не стал дискутировать на эту тему. А после беседы вышел к нам и обозвал Рейгана динозавром. И напрасно. Ведь сегодня мы практически сталкиваемся с той самой ситуацией, о которой говорил тогда Рейган. Только вместо нашествия инопланетян – это угроза терроризма и исламского экстремизма. По нашему убеждению, именно она должна заставить Россию, США, Европу, да и весь остальной мир быть вместе. Хотя, как свидетельствует политика этих стран, мы пока ещё далеки от этого. Нас больше беспокоят тени прошлого.

Однако сегодня всё больше становится ясно – безопасность России, США и Европы не может быть обеспечена вне глобального и регионального контекста. Ещё в конце 2003 г. Збигнев Бжезинский пророчески предрёк: «В течение следующих нескольких десятилетий самым нестабильным и опасным регионом планеты, готовым в любой момент взорваться и ввергнуть мир

в пучину хаоса, будет часть Евразии между Европой и Дальним Востоком». Её можно назвать «новыми Глобальными Балканами»².

Действительно, регион Большого Ближнего Востока вступает сейчас в длительный период очень серьёзной нестабильности. Его взрывные центры сегодня – Сирия, Иран, Ирак, Афганистан. Усугубляют ситуацию непрекращающийся конфликт между Израилем и Палестиной. «Арабская весна» привела к изменению режимов в Ливии, Египте, Тунисе, Йемене и Марокко, где власть всё больше строится на законах шариата. Пока не радикального характера, хотя такая угроза нарастает. Это делает Ближний Восток и район Персидского залива пороховым, и даже уже можно предположить – ядерным погребом мира. И, конечно, всё менее надёжным поставщиком нефти для США, Западной Европы, Китая и Японии.

Но в первую очередь дестабилизация района Большого Ближнего Востока грозит конфликтами и распространением терроризма и исламского экстремизма. По сути дела идеологи всемирного джихада, начиная с Усамы бен Ладен и Айман аз-Завахири, а теперь и многие другие выступают за превращение Большого Ближнего Востока в плацдарм для свержения секулярных режимов и объединения стран в единый мировой халифат. И это не пустые мечтания, так как опасность терроризма постоянно нарастает, и уже мало кто сомневается, что это угроза номер один для всего человечества.

Рост террористических угроз и их причины

О росте террористических угроз наглядно свидетельствуют, например, данные о терактах за 2006 г., которые были собраны Американским антитеррористическим центром и приведены в приложении к докладу госдепартамента о терроризме за тот год: во всём мире было совершено 14352 терактов, а число убийств, травм или похищений людей составило 74545.

И угрозы эти продолжают нарастать. Ещё в июле 2007 г. в Белом доме в Вашингтоне состоялось специальное заседание, на котором рассматривался доклад Национального контртеррори-

² Збигнев Бжезинский. Зыбучие пески гегемонии. «Россия в глобальной политике». Том 2, № 2, март–апрель 2004. С. 187.

стического центра. В нём отмечалось, что Аль-Каида теперь хорошо подготовилась к ударам по Западу. Она создала мощную программу подготовки террористов с привлечением боевиков, «значительно укрепила свои оперативные возможности по сравнению с прошлым годом и произвела перегруппировку сил в масштабах, не наблюдавшихся с 2001 года». Причём главной базой террористов являются районы Пакистана, граничащие с Афганистаном³.

Теракты происходят и у нас в стране. Всплеск терроризма в России начался ещё в 1991 г. после чеченской войны. А по данным МВД в 2004 г. в России было зарегистрировано 9523 преступлений террористического характера и раскрыто 1689. Но в 2007 г. эти цифры составляли уже соответственно 759 и 667⁴. Как заявил президент Путин в декабре 2007 г.: «Мы ещё не добились терроризм до конца, но всё же нанесли ему сокрушительные удары, переломили ситуацию». Основным полем деятельности террористов по-прежнему остаётся Кавказ, хотя и там число терактов снизилось⁵.

Однако Северный Кавказ продолжает бурлить. Теперь это в основном Ингушетия, Кабардино–Балкария и Дагестан. Особенно Ингушетия. Там участились похищения мирных жителей, ведётся охота на сотрудников силовых структур и чиновников, участились обстрелы и взрывы. Яркий пример тому – покушение на президента Ингушетии Юнус-Бека Евкурова, когда смертник направил на его кортеж автомобиль с взрывчаткой.

В общем, тут и нам есть над чем задуматься. Тем более что по всему южному периметру наших границ – подбрюшью проходит цепь слабеющих или даже «падающих» государств, в том числе в ряде республик бывшего СССР. А дальше к югу – пылающий исламским экстремизмом Большой Ближний Восток.

Однако, как это ни странно, мировое сообщество, несмотря на нарастающую опасность этих угроз, до сих пор совершенно не готово к борьбе с ними. До сего дня в ООН не смогли даже договориться об определении, что такое терроризм, не говоря

³ Washington Post, July 13, 2007.

⁴ Независимое военное обозрение, № 6, 20-26 февраля 2009 г.

⁵ Независимое военное обозрение, № 43, 7-13 декабря 2007 г.

уже о том, как с ним бороться.

Представители разных стран и культур порой понимают под терроризмом диаметрально противоположные действия и мотивы. Россия, например, объявила ряд чеченских экстремистских организаций террористическими. Но Запад – США и ЕС их таковыми не считает. Обратная картина по отношению к Хамас в Палестине и Хезболле в Ливане. Поэтому все попытки добиться единого подхода к пониманию, что такое терроризм, провалились.

Между тем кровавые события на Большом Ближнем Востоке являются как бы сигналом, **преддверием к глобальному кризису**. И, если не бояться этого термина, столкновению цивилизаций с непредсказуемым исходом.

Дело в том, что **идеологическим фундаментом современного терроризма, идущего с Ближнего Востока, является исламский экстремизм**. Я ни в коем случае не ставлю знак равенства между исламом и исламским экстремизмом. Это две разные категории веры и разница между ними принципиальная.

Но проблема в том, что подобно тому, как с 20-х по 50-е гг. прошлого века коммунизм был, по сути, религией людей обездоленных и униженных во всём мире, так сегодня исламский экстремизм стал религией многих из этих категорий людей.

Ислам сегодня – наиболее быстро растущая религия в мире. Его исповедуют 1,57 млрд человек на земном шаре. Или 23% от общего числа жителей Земли – 6,8 млрд человек. При этом численность приверженцев ислама за 60 лет увеличилась более чем в 4 раза. Теперь каждый четвертый житель планеты является мусульманином. Однако сколько в мире исламских экстремистов – неизвестно. Но немало. Их основной зоной обитания сегодня является Большой Ближний Восток, который становится главным пороховым погребом мира.

Его население бурлит от ненависти и возмущения, но не в отношении христианства как такового, а в отношении «безбожной» политики США и следующего за ним западного мира. **Но источником терроризма являются не только регионы и страны, отстающие от развитого мира в условиях глобализации. Происходит рост угрозы терроризма, источником которого**

становятся сами развитые государства, особенно Европы, где в последние годы образовался свой слой бедных и безработных, в основном выходцев с Юга, или свой так называемый «третий мир».

Теракты там совершают молодые экстремисты, зачастую европейски образованные, использующие интернет и западные технологии. Атака на нью-йоркские небоскрёбы, взрывы на Ба-ли, в Касабланке, Мадриде, Лондоне – это их рук дело. Влияние исламского экстремизма явно прослеживается и в действиях тех, кто совершал теракты в Беслане и Норд-Осте.

Так, например, на одном из экстремистских сайтов было помещено обращение Глобального исламского медиафронта, являющегося одним из рупоров Аль-Каиды. В нём говорится, что «новые солдаты Аль-Каиды рождены в Европе от европейских и христианских родителей. Они употребляют алкоголь и едят свинину, но Аль-Каида принимает их, поскольку они исповедуют ислам тайно, восприняли философию Аль-Каиды и готовы использовать оружие. Они ходят по улицам Европы и Америки, занимаясь подготовкой к новым атакам»⁶. Видимо одним из таких новообращенцев стал англичанин Ричард Рейд, превратившийся в Абдель Рахима. С помощью бомбы, спрятанной в ботинке, он пытался взорвать пассажирский самолёт, летевший из Парижа в Майами. Происходил он из неблагополучной семьи, отец его сидел в тюрьме, а потом и сын начал совершать мелкие преступления. Мусульманином стал, когда отбывал очередной срок.

В общем, мусульманское население Западной Европы и Северной Америки растёт быстрыми темпами. Но ещё быстрее в Африке и в Азии. Статистических данных нет, но результат налицо.

А что касается Запада, то с 1950 по 2000 г. доля мусульман в населении Западной Европы утроилась, а в Северной Америки выросла в 14 раз. По разным данным в Западной Европе сегодня проживает от 15 до 25 млн мусульман, т.е. от 4 до 8% населения. А в США – 6-7 млн, т.е. – 2,5%. Сколько из них экстремистов – неизвестно. Но судя по всему, немало. И особенно тревожная ситуация, по мнению демографов, складывается в Европе.

⁶ Независимое военное обозрение, № 35, 2006.

Особенно в Англии, Австрии, Бельгии, Швеции. Специалисты предсказывают, что во Франции к 2030 г. их станет около 10% населения страны. Похоже, как сказал один из них – Бернард Льюис, «мусульмане скоро смогут захватить всю Европу».

Мусульманская община в Англии, например, уже насчитывает свыше 1,5 млн человек. За год она увеличивается на десятки тысяч. До недавнего времени считалось, что это в основном выходцы из Пакистана, Бангладеш, Ближнего Востока и Африки. Однако недавние подсчёты показывают, что почти половина из них уже родились в Великобритании.

После теракта в июле 2005 г. (в метро и автобусах, погибло тогда 52 человека) в мусульманской общине Англии был проведён анонимный опрос. Он показал, что 25% опрошенных испытывают симпатии к террористам, а 6% считают теракты оправданными и не скрывают своей готовности их совершить. Но если перевести эти 6% в абсолютные числа, то количество людей в одной только Англии, заявивших о готовности совершить теракты, составит более 100 тыс. человек. Стоит ли удивляться, что в стране существует около 20 подпольных экстремистских организаций.

* * *

Считается, что рост мусульманского населения в еврозоне идёт главным образом за счёт мигрантов. Но не только. Идёт процесс **новообращения**.

Например, экстраполируя данные по Шотландии, где во время переписи населения задавались вопросы о вероисповедании, делается вывод об обращении в мусульманство 14 тыс. человек в год. Во Франции – не менее 50 тыс. И, по мнению некоторых демографов, именно Франция может стать первой мусульманской страной, из которой ислам начнёт своё победное шествие по Европе.

Рост мусульманского населения происходит и в России. В 2010 г. в стране по официальным данным проживало 16,4 млн мусульман. (По утверждению Духовного Управления Мусульман – 20 млн). А по прогнозам, темп роста мусульманского населения составит 0,6% ежегодно. В то время как немусульман-

ское население России будет сокращаться на те же 0,6%⁷.

А вот в США ежегодно обращается в мусульманство 135 тыс. человек. И такая интересная цифра: от 20 до 30% всех мусульман США – это новообращённые. Из них только 27% – белые. В основном это афроамериканцы⁸. Какой процент из них экстремисты, повторяю – неизвестно. Но он явно растёт. Об этом заявил и шеф американской разведки Майкл Макконелл 5 февраля 2008 г. Он рассказал, что в 2007 г. были раскрыты намерения радикальных мусульман провести теракты в штатах Нью-Джерси и Иллинойсе. И в ближайшие годы возрастёт опасность террористических акций со стороны доморожденных боевиков, вдохновляемых воинственной исламской идеологией⁹.

Естественно возникает вопрос – почему? В чём притягательная сила исламского экстремизма, или как его ещё называют – «джихадизма»? Почему люди, живущие в разных районах Земного шара – Ближнего и Среднего Востока, Азии, Африки, и даже в странах Европы подвержены его тлетворному влиянию? Почему, например выходец из Пакистана, живущий в Англии и не подвергавшийся там ни травле, ни насилию идёт взрывать своих новых соотечественников в метро или в самолётах?

Поэтому, чтобы успешно бороться с терроризмом, необходимо не только знать формы и методы борьбы, применяемые террористическими организациями, но и понимать причины, порождающие террор.

Конечно, силовые операции против террористов, боевиков, или как их у нас их называют «бандитов» – необходимы. И они широко проводятся по всему миру. Но **главное** – это устранение причин, побуждающих людей идти в террористы. Без этого силовые операции можно сравнить с попытками вытирать тряпкою воду с пола, если не перекрыт кран, откуда она течёт.

А среди причин, побуждающих людей становится исламскими радикалами и террористами, можно выделить две основные:

Первая и главная причина – нищета, низкий уровень жизни и нарастание неравенства между странами и регионами. Осо-

⁷ Contra-versia.ru/our_projects/article_av.

⁸ Коммерсантъ, 4 сентября 2006.

⁹ Независимое военное обозрение, № 5, 15-21 февраля 2008 г.

бенно это относится к Ближнему Востоку, Африке, Азии. Вот данные уровней благосостояния людей по ВВП на душу населения: на Ближнем Востоке примерно 2 тыс. долл.; в Африке и того ниже; в еврозоне – 28 тыс. долл.; в России – 3,4 тыс. долл.

Вторая и не менее важная причина – это национальное унижение. И не только национальное. Это также социальное – неравноправное положение в обществе, недовольство существующими в нём порядками и т.д. Но главное всё-таки – национальное унижение.

В странах еврозоны и США к населению стран третьего мира относятся как людям второго сорта. Разумеется, вслух об этом не говорят и в газетах не пишут. Боже упаси, это противоречит западным законам и этики. Но люди третьего мира чувствуют это отношение на своей шкуре повседневно. И не только простые люди, но и богатые, даже сверхбогатые. В Европе это проявилось ещё в начале 1960-х, когда туда стали наезжать арабские нефтяные шейхи с гаремами. Они снимали целые этажи в самых шикарных отелях, швыряли деньгами и чаевыми. Перед ними склоняли головы, низко кланялись, принимая чаевые, но в душе презирали. И шейхи это чувствовали. Отсюда проистекает феномен Усамы бен Ладена – человека далеко не бедного, но возглавившего террористическую организацию Аль-Каиду и бросившего на террор все свои деньги.

Неслучайно поэтому зам. министра США, отвечающий за борьбу с терроризмом, заявил 1 апреля 2008 г., что Саудовская Аравия остается главным в мире источником средств для Аль-Каиды и других террористических организаций. Это, по его словам, означает, что американцы, которые платят более 100 долл. за баррель нефти, фактически поддерживают терроризм¹⁰.

В общем, мусульманский мир явно опасается потери своей самобытности. Ведь для нынешнего развития человеческой цивилизации надо учитывать следующие тенденции. С одной стороны, это глобализация, проходящая под воздействием научно-технической революции, а с другой – стремление сохранить свою национальную и региональную идентичность. Отсюда – повышенная чувствительность и ранимость мусульман, которые

¹⁰ Коммерсантъ, 3 апреля 2008 г.

проявилось в скандале с карикатурами и в реакции на известное выступление Папы римского. Но главное – это возмущение политикой Запада по отношению к исламскому миру. Начиная с образования Израиля и кончая интервенцией в Ираке и в Афганистане. Нельзя поэтому не согласиться с тем выводом, который делают российские востоковеды: «религиозная и культурная составляющая здесь сливается с протестом против конкретных политических акций Запада»¹¹.

Поэтому из всего сказанного выше можно сделать такой вывод: источником терроризма уже являются не только регионы и страны, отстающие от развитого мира в условиях глобализации. Происходит рост угрозы терроризма, источником которого становятся сами развитые государства, особенно Европы, где в последние годы образовался свой слой бедных и безработных, в основном выходцев с Юга, или свой «Третий мир».

В чём особая опасность исламского экстремизма? Прежде всего, в том, что основным методом борьбы избран террор. Но с терроризмом человечество сталкивается уже давно, и главной угрозой безопасности его никогда не считало. Так что же здесь принципиально нового?

Во-первых, современные террористические сети характеризуются высокой степенью децентрализации и имеют «мелкоячеичную» структуру, распространённую по всему миру, причём без единого центра управления. По сути дела все местные террористические организации представляют собой сеть маленьких, не связанных друг с другом ячеек. А объединяет их единство идеологии и целей. Поэтому террористические организации всё больше становятся самодостаточными транснациональными органами, существующими независимо от государств или политических партий. Выявить и разгромить их нелегко. Тем более что для совершения теракта не требуется ни большого количества людей, ни больших денег.

Во-вторых, террор никогда не был столь массовым явлением, как сейчас, и у него никогда не было столь массового сочувствия среди населения. Сегодня это, прежде всего, относится к Ближнему и Среднему Востоку. Яркие примеры тому были Ли-

¹¹ Коммерсантъ, 21 сентября 2006 г.

ван, Палестина, Афганистан. Но не только. Теперь это «Арабская весна».

В 2006 г. с группой послов мне довелось опять поехать на Ближний Восток, чтобы, используя старые связи и знакомства в руководстве этих стран, выяснить настроения и оценки происходящего. Наш вывод: Весь Ближний Восток кипит, хотя на поверхность это пока не выплёскивается. Улица сочувствует именно исламскому экстремизму – он выразитель их обид и чаяний. Если США нанесут удар по Ирану, то Ближний Восток взорвётся. Об этом прямо говорили нам высокие государственные деятели: Внешне пока всё спокойно. Но улица на их стороне. И если что-нибудь такое случится, то нас просто снесут.

В-третьих, рост уязвимости современного постиндустриального общества, особенно крупных городов. При выборе целей террористы руководствуются двумя мотивами: бить туда, где это нанесёт наибольший ущерб врагу, и туда, где это поднимет дух бойцов джихада. А информационная открытость современного общества делает акты террора ещё более привлекательными в глазах террористов.

В-четвёртых, особая опасность исламского экстремизма в том, что его адепты готовы жертвовать собой. Обычно в человеческой морали смерть – самое страшное наказание. Но здесь наоборот – это самая высокая награда. Их вера учит, что смерть в борьбе приведёт прямиком в кущи рая, где их будут вечно ласкать прекрасные гурии.

Что это значит на практике, мне довелось увидеть ещё в начале 1980-х. В разгар войны Ирака с Ираном мне не раз приходилось бывать в Ираке и следить за тем, что происходит на фронте. И неподалёку от Басры пришлось как-то наблюдать такую картину: иранские войска, кстати, неплохо вооружённые, вели наступательную операцию, а впереди них шли безоружные толпы студентов, смеясь и что-то выкрикивая. Иракские войска вели по ним шквальный огонь из орудий, пулемётов и миномётов. Студенты падали, умирая со счастливой улыбкой на лице, а те, кто оставался в живых, продолжали идти вперёд. И в панике были не иранские, а иракские военные: как можно воевать с людьми, которые не боятся смерти?

Угроза ядерного терроризма. Ещё большей опасностью может стать возможность создания или приобретения террористами ядерного и другого оружия массового уничтожения. Прежде всего, потому, что применение этого оружия ими вполне мотивировано, как их убеждениями, так и необходимостью поднятия качественно новой планки террора после событий 11 сентября. И здесь кроется коренная разница между западным миром и исламскими экстремистами в подходе к самой возможности применения ядерного оружия.

Ведь на протяжении последних 65 лет, после применения ядерного оружия в Хиросиме и Нагасаки, когда весь мир был поражён его убойной силой, оно было не средством войны, а средством сдерживания. Противостоя друг другу в Холодной войне, СССР и США прекрасно осознали, что применение ядерного оружия повлечёт за собой ответный удар с неприемлемым ущербом – разрушением экономики, государственных структур и гибелью многих десятков миллионов людей.

Но шахидов, судя по всему, это не страшит. Наоборот, неприемлемый ущерб будет нанесён врагу, который боится смерти. А десятки миллионов людей, верящих в исламский экстремизм, попадут в кущи рая. Те же, кто выживут, будут праздновать победу. Отсюда стремление любой ценой заполучить ядерное оружие и применять его в грядущей борьбе. Так в современной политологии описываются стремления исламских экстремистов заполучить ядерное оружие.

Естественно, тут сразу же возникает вопрос – а насколько реальны эти их устремления? Ведь одно дело хотеть, и совсем другое – это возможность создать его или хотя бы заполучить.

По мнению многих специалистов, технология создания самой атомной бомбы сегодня уже не является тайной. При наличии таких знаний, а главное – плутония или высокообогащённого урана собрать простейшее ядерное взрывное устройство можно и в каком-нибудь подсобном помещении, например, автомастерской. А заказать компоненты, необходимые для его изготовления, не составят труда. Самое трудное здесь – это производство оружейного плутония или высокообогащённого урана, которое до сих пор не по силам даже многим государствам.

Поэтому наиболее вероятным сценарием могут быть попытки террористов украсть плутоний или высокообогащённый уран для создания своей атомной бомбы. И такие возможности существуют. Даже в такой стране, как США, которая кичится защищённостью своих ядерных объектов. Но вот в ходе учений 1997 г. группа армейского спецназа не только проникла в одну из наиболее охраняемых лабораторий Лос-Аламоса, но и вывезла из неё высокообогащённый уран в количестве, достаточном для создания нескольких ядерных боезарядов. Сделали они это с помощью тележек из ближайшего супермаркета, на которых вывезли тяжёлые ёмкости.

Однако особую опасность, когда мы говорим о возможности появления ядерного оружия на Большом Ближнем Востоке, является **ядерная программа Ирана**. По мнению многих специалистов, в том числе МАГАТЭ, существует серьёзная опасность, что Иран уже в ближайшем будущем сможет создать ядерное оружие. А это может привести к взрыву на Большом Ближнем Востоке, который глубоко затронет весь мир.

Но это особая тема, которую следует исследовать и обсуждать.

*Н.П. Шмелёв, В.П. Фёдоров**

НАШИ РЕАЛИИ И ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ ОПАСНОСТИ

Курс на европоцентризм, длительное время преобладавший в наших мирохозяйственных отношениях, показал свою недостаточную эффективность как по качеству роста, так и по его размаху¹². Лишь появление реальной угрозы чужеземной колонизации заставило руководство страны сделать некоторый разворот в восточном направлении.

* Шмелёв Николай Петрович, академик РАН, директор ИЕ РАН; Фёдоров Валентин Петрович, член-корреспондент РАН, зам. директора ИЕ РАН.

¹² Мы разделяем точку зрения директора Института Дальнего Востока РАН академика М.Л. Титаренко, когда он пишет: «Жизнь показывает, что лежащий в основе самосознания российской элиты евроцентризм и связанные с ним надежды себя не оправдывают. Более того, с этих позиций азиатская часть страны превращается в пасынка и сырьевой придаток, лишается перспектив развития». Экономические стратегии, 2012, № 8. С. 24.

Дискуссии по теме евразийства, берущие начало в позапрошлом веке, не отменяют того факта, что конкретная инициатива в этом вопросе пришла из соседней страны. «Идея Евразийского экономического союза, которую я впервые выдвинул в 1994 году, – пишет президент Республики Казахстан Нурсултан Назарбаев, – сейчас адекватно воспринимается и в элитной среде, и широкими массами казахстанцев, россиян и белорусов. Её поддерживают в ряде других стран СНГ».

В первые годы после коллапса Советского Союза преобладала эйфория отношений с Западом по обе стороны Атлантики, тогда как задача реинтеграции постсоветского пространства на деле не стояла. Позиция нового российского руководства – по отношению к бывшим союзным республикам – «они никуда от нас не убегут» оказалась несостоятельной.

Евразийство как философско-политическая доктрина всегда вызывало споры в обществе, но только в наше время оно может зафиксировать значительные практические шаги в использовании уникального геополитического преимущества России – её двухконтинентальности. По официальной географии, Российская Федерация занимает большую часть Восточной Европы и Северную Азию. В дальнейшем под евразийством здесь понимается его умеренный вариант, а именно не отказ от европейского азимута вообще, а сбалансированный подход к общению с соседями обеих частей Света.

Что касается восточного (азиатского) фланга, то развитие отношений происходит часто неупорядоченно, в разных формах, и при всём этом вступило в интеграционное русло.

Создание Евразийского экономического союза (к 1 января 2015 г.), начавшись с малого решения (частичное объединение бывших советских республик), со временем могло бы перерасти в большое за счёт стран, не входивших в Советский Союз. Желательна именно такая последовательность действий. Сначала консолидация стран на пространстве бывшего Советского Союза, а затем создание расширенного евразийского сообщества. Почему? Ориентироваться сразу на образование большого Евразийского Союза, куда входили бы Китай¹³ и другие госу-

¹³ Президент Белоруссии А. Лукашенко, предлагая «интеграцию интеграций»,

дарства региона, нецелесообразно меряться силами с экономическими тиграми в рамках одной организации, надо укрепить позиции России в отношениях с постсоветскими государствами, которые и тогда, и сейчас сильно завязаны на неё по многим причинам.

В дискуссиях о евразийских путях России иногда высказывается точка зрения, что за интеграцию надо платить и что именно Россия не должна отказываться от роли донора. Однако это сомнительный совет. Интеграция имеет шансы выжить лишь тогда, когда существует заинтересованность в ней всех и каждого участника. Донорство, конечно, неизбежно, но оно не должно быть постоянным.

Опыт европейской интеграции имеет разные стороны и, в частности, побуждает к такому выводу: чем дальше, тем труднее. Первоначальное снятие тарифных и прочих барьеров на границах – относительно простое дело, хотя оно и требует своего времени. Куда сложнее согласовать позиции партнёров в других вопросах, таких как валютная, бюджетная, налоговая политика. Страны вообще неохотно расстаются с суверенными прерогативами, чтобы передать их в наднациональные органы. Интеграция, как свидетельствует тот же западный опыт, решает одни проблемы, но создаёт новые. Это особенно отчётливо видно на примере евро. Единая валюта принесла большую «техническую» экономию странам при взаимных расчётах, поскольку отпала необходимость в национальных деньгах, но одновременно евро во многом способствовал разобщению участников Евросоюза. Оно не ограничилось только экономическими сюжетами. Вновь вспыхнули, казалось бы, ушедшие в прошлое националистические предрассудки.

Характерно и другое. Имея сам высокую степень интеграции в составе 27 стран, ставший в 2012 г. Нобелевским лауреатом мира, Евросоюз, однако, критически воспринимает первоочередные интеграционные действия России и её партнёров. Так,

отмечает, что нельзя ограничиваться только западным вектором. «Важнейшей задачей должна стать и такая интеграция с государствами и экономическими объединениями на Востоке, прежде всего с нашим стратегическим партнёром Китаем» (см.: Известия, 17.10.11).

создание Таможенного Союза России, Белоруссии и Казахстана квалифицируется как шаг в неправильном направлении.

Постсоветскую интеграцию нельзя рассматривать как возвращение Советского Союза, как иногда умышленно её изображают. Она выстраивается на другой структурно-экономической и правовой основе и не предполагает формирование нового государства.

Внешние отношения – это не сведение давних счётов и не предпочтительный выбор партнёров в зависимости от политической конъюнктуры и тем более от личности руководителей, а терпеливое выстраивание рабочего сотрудничества. Здесь нельзя перескакивать через этапы такого сотрудничества, а оно двоякого свойства. Если первое свойство состоит в соблюдении очередности мер в ходе «внутренней», постсоветской интеграции, что за чем следует, то под вторым подразумевается нечто большее, чем постсоветская территория. Инициаторы создания Евразийского союза отмечают, что это открытый проект. В. Путин: «Мы приветствуем присоединение к нему других партнёров, и прежде всего стран Содружества». Хотелось бы надеяться, что слова «прежде всего» содержат прямую содержательную нагрузку, как и на то, что остаётся незыблемым приоритет отношений со странами СНГ.

Иногда можно услышать мнение, что нам незачем бороться за новые государства, бывшие советские республики, ибо геостратегически это мало что даёт, зато предполагает колоссальные материальные затраты. Но дело обстоит иначе. Будучи сопредельными с Россией, они станут либо дружественными партнёрами, либо конфронтационными с представлением своих ресурсов и военных баз Соединённым Штатам Америки, их союзникам или другим державам.

* * *

Естественность политики, а, значит, и её успех заключается в девизе – от минимума к максимуму. Интеграционная деятельность при надлежащем руководстве осуществляется осторожно, на ощупь, чтобы немедленно исправлять допущенные ошибки и не дать им стать крупной проблемой. Малая результативность здесь кажущаяся, её коэффициент выше, чем при широкозахват-

ном максимализме. Это опять-таки говорит в пользу приоритетного сплочения бывших советских земель, которое должно быть на шаг впереди по сравнению с каким-либо более громоздким альянсом. «Мыслить глобально – действовать локально».

АТР является для нас менее изведанным миром, чем Европа. Имея в отношениях с Европой неоднозначный опыт, было бы ошибочно считать, что Восток окажется гостеприимнее. Здесь действуют те же самые объективные экономические законы, и среди них – закон повышения производительности труда. Различия – в геополитическом положении. Игнорирование необходимости геополитического баланса привело к созданию мощного иностранного навеса над Россией, который существовал и при Советском Союзе, но возрос с его распадом. Играть свою роль и территориальные требования, в частности, в отношении Южных Курил.

Разворот России на Восток может означать известное геополитическое ослабление Европы, и она это скоро почувствует. Неизбежно перераспределение политического предпочтения и поставок природных ресурсов РФ в пользу далёких от Европы стран. Россия как самодостаточная держава и её предприятия могут позволить себе отойти от былой привязанности к Европе, а она, в свою очередь, должна будет в большей степени, чем раньше, конкурировать за российские заказы с восточными участниками мирового рынка. Двухконтинентальность России с учётом её арктических просторов – это великий и ещё во многом неиспользованный шанс для России, причём она выступает здесь не как узко понимаемый мост между Европой и Азией (на мосту ничего существенного не построишь), не как связка между ними, а как самостоятельная цивилизация, которой меньше всего надо кого-то копировать.

Уникальной чертой российской цивилизации является её гуманитарный, просветительский характер в отношении расширявшейся периферии. В отличие от насильственной колонизации территорий, завоёванных странами Старого и Нового света, российские власти отдавали предпочтение мирному общению народов с их разными обычаями и религиями. Развитие окраин было составной частью общей политики государства. Темпы их

экономического роста порой существенно превышали общероссийскую динамику. Представители малочисленных народов нередко занимали важные позиции в административной структуре. Находясь в составе России, многие народы обрели свою письменность. Были созданы благоприятные условия для расцвета богатой национальной культуры, литературы, сформировалась техническая интеллигенция.

Советскую эру в российской истории можно определить как автономную главу, как разновидность цивилизации. Хотя она продолжалась по исторической шкале три поколения, её влияние было колоссально во всех направлениях. Было и много хорошего.

Целостность России – главный приоритет нашего государства. Из этого и следует исходить при проведении текущей политики. Никакие трудности не должны заслонять собой опасности, которые могут угрожать стране в будущем. Эти опасности не сваливаются вдруг с неба, а формируются и крепнут в повседневной жизни. К ним привыкают, мирятся с ними, и в результате притупляется ощущение роковой неизбежности. Так погиб Советский Союз – величайшее достижение россиян. Эта гибель не компенсируется ничем, никакими соглашениями в рамках СНГ и других международных организаций. При всём значении ближнего зарубежья для России нужно сознавать, что не оно решает судьбу нашей страны, а те процессы, которые развиваются внутри нашего государства и общества. А они-то как раз и вызывают сильнейшую озабоченность.

Проглядели – вот самое лёгкое обвинение, которое можно предъявить бывшему кремлёвскому руководству за коллапс советской державы. Как бы это слово ни стало характеристикой деятельности нынешнего поколения российских политиков. Второй распад отечества означал бы его неконтролируемый раздел между национальными республиками и округами, краями и областями, иностранными государствами. Разорванность территории сделала бы невозможной консолидацию русского народа.

Авторы этих строк ранее уже отмечали в своих работах коренной изъян нынешней методологии конструирования будущего страны путём экстраполяции валового внутреннего про-

дукта. Смысл прогнозирования должен состоять в заблаговременном распознавании и снятии потенциальных угроз, до того, как они станут неотвратимой реальностью. Отсюда интегральную перспективу страны нельзя оценивать по ВВП, предстоящее развитие надо прогнозировать по опасностям, по рискам. Конечно, показатель ВВП может и должен рассчитываться на годы вперёд, без него не обойтись, он нужен для всяких сопоставлений и для расчёта других базовых индикаторов. Но на первый план должно быть поставлено выявление опасностей для страны. Сначала – внутренняя и внешняя защищённость, затем другие аспекты. Угроз всегда много, но среди них есть критические. Их преодоление должно быть главной целью при вычислении будущего, при поисках путей укрепления страны. С учётом этого во главу угла следует поставить наиважнейшую задачу подъёма Сибири и Дальнего Востока.

Сибирь и Дальний Восток принесли когда-то России высочайший статус во всемирной иерархии, благодаря им она стала двухконтинентальной империей, с которой считались её партнёры и противники. И вот сейчас наша страна вступила на путь, который вполне может закончиться отпадением от неё этого огромного пространства, составляющего две трети площади страны. Надо свернуть с этого пути. Люди покидают города и посёлки и переезжают в европейскую часть России. За короткий отрезок времени, 1989–2010 гг., суммарная численность населения в Сибирском федеральном округе и Дальневосточном федеральном округе сократилась на 3,472 млн человек. Общая численность проживающих там составляет 25,546 млн человек, по округам соответственно 19,254 млн и 6,292 млн. Уменьшилась плотность населения. Если в целом по стране она составляет 8,4 статистических человека на 1 км², то в Сибири этот показатель снижается до 3,7, а на Дальнем Востоке и того меньше, 1,0, причём в Республике Саха (Якутия) и Магаданской области счёт идёт на десятичные дроби – 0,3, а на Чукотке – 0,1.

Инвестиции за Уралом остаются на минимальном уровне и не воспроизводят устаревающие мощности и инфраструктуру. А рядом наращивают свою мощь азиатские «тигры», большие и малые.

Мы призываем задуматься над тем, что ждёт нас дальше. Нельзя жить одним днём. Надо действовать. Сказать «время не ждёт» было бы слишком привычно. Время готовит такой перелом для России, в результате которого она, по мнению некоторых, может исчезнуть с географической карты. Для исправления положения остались не такие уж долгие годы. Следует положить конец политике вечного запаздывания.

*Т.Т. Тимофеев**

«ВЫЗОВЫ-ОТВЕТЫ» XXI ВЕКА И НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ

В нынешнем многообразном, взаимосвязанном мире происходят серьёзные сдвиги – меняются условия и формы, ускоряются темпы научно-технологического прогресса и общественного развития.

Из важнейших процессов, которые определяют особенности нового миропорядка, и из факторов, которые не могут не учитываться в нашей глобальной политике, упомянем, прежде всего, такие, как:

– переплетение, сочетание множества рисков в обществах разного типа и в мировом сообществе (с учётом вариативных сценариев, их интерпретаций);

– геополитические сдвиги и параметры, которые сказываются на основах нашего многовекторного внешнеполитического курса;

– расширение масштабов борьбы против бедности и неравенства, за обеспечение справедливости и развитие более действенной солидарности. Воздействуя, безусловно, на общественное сознание, это открывает пути формирования широких и действенных коалиций, союзов, новых партнёрств, для реализации необходимых в XXI в. глубоких трансформаций, во имя достижения более гуманного глобального будущего.

* Тимофеев Тимур Тимофеевич, член-корреспондент РАН, рук. Центра цивилизационных исследований ИЕ РАН.

I

Человечество вступило в фазу крупных изменений, серьёзных сдвигов в общественном сознании и в межцивилизационных отношениях. Характер и последствия этих процессов по-разному интерпретируются нашими современниками.

Большинство из них констатирует их глобальный характер и указывает на неотложность адекватной реакции на обострившиеся вызовы XXI в. Основная цель предпринимаемых в данной связи усилий состоит в «переходе в XXI столетии нашей планеты от курса, ведущего к саморазрушению, – к политике, которая делает планету разумно управляемой»¹⁴.

Но глобальные риски в наши дни существуют. Неслучайно весьма влиятельные учёные и поныне продолжают оперировать понятием: «мировое общество риска».

Причём, ясна необходимость комплексного, многофакторного подхода к изучению истоков такого рода рисков. «Накопление, – отмечает, например, влиятельный немецкий социолог проф. Ульрих Бек, – рисков – ядерного, экологического, финансового, военного, террористического, биохимического, информационного – стало сегодня преобладающим фактором. Предчувствие грядущих катастроф в настоящем (и кризис евро вновь живой тому пример) порождает всевозможные турбулентности... Что нового несёт с собой глобальное общество риска? Современные общества и их основы потрясены глобальным предчувствием глобальных катастроф (изменение климата, финансовый кризис)» и т.д.¹⁵

На подобные риски, как считается, возможны три реакции:

- отрицание;
- апатия;
- трансформация¹⁶.

Именно в совпадении, переплетении целого ряда вызовов;

¹⁴ James Martin. «The Meaning of the 21st Century. A Vital Blueprint for Ensuring our Future». TransWorld Publishers L., 2007. P. 289, 290.

¹⁵ У. Бек. «Живя в мировом обществе риска». «Полис». М., 2012, № 5. С. 47-48.

¹⁶ Мы, пожалуй, согласимся с тем, что требования перемен, серьёзных преобразований, трансформаций разного рода во многом связаны с осознанием людьми «множественности зависящих от человека вариантов будущего» и возможных рисков. (См.: там же. С. 48).

как и в отсутствии адекватной реакции на них – таятся особо серьёзные опасности.

Обратимся, например, к резко обострившимся глобальным проблемам, связанным с нарастанием энерго-экологического кризиса и его последствиями. Они имеют, как мы знаем, многообразные аспекты, в том числе – научно-технологические, производственно-экономические, социальные, международно-политические, морально-психологические и другие. Неслучайно, тезис о настоятельной необходимости перехода в данной связи к новой индустриальной революции¹⁷, основан, прежде всего, на необходимости перехода к обновляемым источникам энергии; и ряд исследователей заговорил о важности качественного «скачка в биосферном сознании» человечества – во имя спасения и «обновления нашей планеты ради будущих поколений»...¹⁸

Однако на этом пути необходимо преодолевать немалые препятствия, создававшиеся длительными традициями. Они приводили к определённым перекосам в общественном сознании и к ошибочным – либо неопределённым – трактовкам принципиальных вопросов стратегии развития разумных взаимоотношений общества и природы (например, проблем коллективной ответственности в преломлении экологической этики; или сравнительной оценки эко-этического потенциала, в том числе при анализе тех или иных моделей в теории и в практических действиях)¹⁹.

Отношение к экологии некоторые философы и социологи рассматривают как один из феноменов «самосознания цивилизации»²⁰. По своему правы те из них, которые, в частности, считают, что процессы овладения людьми силами природы сопровождалась «замещением естественного – искусственным; что, в конечном счете, и вызвало экологическую напряжённость»²¹.

¹⁷ «The Third Industrial Revolution». Special Report. «Economist», L., 2012.

¹⁸ Jeremy Rifkin. «The Third Industrial Revolution. How Lateral Power is Transforming Energy, the Economy, and the World». Palgrave Macmillan, N.Y., 2011. P. 36-38, 270.

¹⁹ См. об этом, например, в российско-американском издании «Этика и экология». М., 2010. Отв. ред. Р. Апресян. С. 26-44, 67-119.

²⁰ Ф. Гиренок. «Экология. Цивилизация. Ноосфера». М., «Наука», 1987; И. Пригожин и И. Стенгерс. «Время, хаос, квант». М., «Прогресс», 1994; И. Пригожин. «Философия нестабильности». «Вопросы философии», 1991, № 6. См. об этом также в работах М. Мамардашвили и других авторов.

²¹ И. Мелик-Гайказян. «Конфликт культуры и цивилизации как источник эко-

Такая напряжённость ещё более усиливается в условиях повышения уровня цивилизационной кризисогенности в XXI в.

Кое-кто склонен рассматривать развернувшийся с 2008–2009 гг. мировой кризис лишь как следствие финансовых, долговых неурядиц в ряде капиталистических стран. Но ведь в этот период стали сокращаться и различные сектора реального производства, расти массовая безработица, ещё явственнее проявились серьёзные экологические трудности и противоречия, последствия техногенных и других катастроф²².

Кризис прежних нео-либеральных доктрин неизбежно усиливает кризис прежних моделей глобального управления и управляемости. Он ведёт к переоценке ценностных ориентиров (и даже порой – к изменению нравственных императивов); что отражается в разных областях, включая и сдвиги в экологическом сознании.

Морально-духовный и политический кризис проявляется ныне в сферах интерпретации новых явлений также в международных отношениях и в противоречивой трактовке ряда острых национально-этнических проблем²³.

II

Мир, как известно, ныне сталкивается с серьёзными геополитическими изменениями, которые обусловлены также новой конфигурацией и соотношением сил между основными акторами на международной арене. Мы уже имели возможность достаточно подробно анализировать эти новейшие глобальные тренды и указывать на их вероятные последствия²⁴. Интересные прогнозы подготовлены и проф. Агеевым, его коллегами²⁵.

логических проблем». «Этика и экология». 2010. С. 53.

²² Подробнее об этом, см., в частности: А. Галкин. «Экологические и иные аспекты кризиса, их последствия». М. Ершов. «Глобальные риски и посткризисные приоритеты» и другие материалы в сборнике «От рисков нестабильности к устойчивому развитию». Отв. ред. Т. Тимофеев. М., 2011, ч. I.

²³ Не было, как известно, и нет единства во взглядах учёных на понимание таких категорий, как «этнос», «этничность», «национализм» и т.д. Сошлёмся на известные дискуссии по этим вопросам между Ю. Бромлеем и Л. Гумилёвым, на расхождения между В. Тишковым и Р. Абдулатиповым, на концепции проф. Дробижевой, Ш. Кадырова и др.

²⁴ Т. Тимофеев. «Геополитические сдвиги и перспективы международной стабильности». 2011.

²⁵ См.: «Оценка геополитического потенциала современных цивилизаций».

В таких условиях особенно важно верное понимание и последовательное осуществление многовекторного курса в мировой политике и экономике.

Не секрет, что в подходе к этой проблематике ещё встречаются кое-где перекося; или, по крайней мере, спорные интерпретации. Некоторые авторы, с одной стороны, утверждают, будто россияне, поражённые-де глубоко затаённым «комплексом неполноценности», похоже, уже «отказались от европейского выбора»²⁶. А, с другой стороны, кое-кто стремится нагнетать «антикитайскую» (и вообще некую «антиазиатскую») истерию. Её инициаторы хотят, что называется, предостеречь россиян от продолжения курса на сближение со странами АТР, даже – от поддержки т.н. «неоевразийства», т.е. от сотрудничества с государствами, входящими в состав и СНГ.

Что же можно сказать в связи с попытками определённых кругов искусственно противопоставлять друг другу основные направления нынешнего многовекторного внешнеполитического курса России? Прежде всего, хотелось бы подчеркнуть, что наша страна традиционно, уже в течение ряда столетий имеет свои долговременные интересы как на Западе, так и на Востоке. Неслучайно маститые учёные и исследователи (вроде главы Французской Академии Элен Каррер д'Анкосс), посвятившие долгие годы изучению многовековой российской истории, считали и считают, что Россия «всегда была и Европой и Азией». В своей большой монографии, ссылаясь на тезис о «двойственном характере» Евразийской державы, она справедливо пишет о роли России в качестве «естественной посредницы между Европой и Азией, Западом и Востоком»²⁷.

Напомним и о недавних новых дискуссиях относительно понимания значимости развития российско-американских отношений. Этот вопрос, как известно, привлёк к себе большое внимание во время последней избирательной кампании в США в 2012

Авторы – А. Агеев, Б. Куроедов, О. Сандаров. Международный журнал «Партнёрство цивилизаций». М., 2012, № 1. С. 73-82. См. также: Глобальный прогноз «Будущее цивилизаций» на период до 2050 г. Часть 7. М., МИСК, 2009.

²⁶ См., например: «Новая газета», 22.10.2012. С. 10-11.

²⁷ Элен Каррер д'Анкосс. «Евразийская империя» (с 1552 г.). Пер. с франц. М., РОССПЭН. С. 7, 330.

г., в том числе – в ходе телевизионных дебатов между Б. Обамой и М. Ромни (когда последний старался сначала навязать своё видение России как «геополитического врага номер один» для Америки). Исход выборов и в этом отношении весьма показателен. Ведь большинство американских избирателей, несмотря на «качания маятника», поддержало несколько более реалистичский, прагматический курс нынешней вашингтонской администрации.

В то же время многие современные авторы констатируют что самый серьёзный вызов в нашу эпоху – это «растущий разрыв между богатыми и бедными, характерный для многих стран...». Выступления в пользу «уменьшения неравенства, – писал недавно влиятельный британский журнал «Экономист», – находятся сейчас в центре политических дебатов». Несмотря на декларативные обещания, в большинстве государств «разрывы в доходах расширяются. В результате больше двух третей людей в мире проживают в государствах, где пропасть в доходах увеличилась. Это особенно очевидно в развивающихся странах...»²⁸.

О масштабах мировой бедности достаточно красноречиво свидетельствуют как расширение массовой безработицы (особенно в условиях нарастания глобальных кризисных процессов), так и вопиющие диспропорции в распределении доходов на нашей планете между большинством неимущих и горсткой богатых. По данным ЮНДП (Программа развития ООН), к началу XXI столетия чистая прибыль 358 долларовых миллиардеров – богатейших людей на земле, равнялась суммарному доходу более 2 млрд бедняков, составлявших около половины работающего населения всего мира²⁹. За последние десятилетия уровень жизни снизился у населения большинства стран Африки, Азии, Южной Америки. Соотношение между доходами сравнительно богатых и наиболее бедных слоёв составляло на рубеже веков 78:1. Жизненный уровень 85% населения земли не достигает 3

²⁸ «Economist». London. October 13th, 2012. P. 13-14 (а также Special Report «World Economy». Idem. P. 3-26).

²⁹ См., в частности: «Human Development Report» by U.N. Development Programme. United Nations, N.Y., 1996. P. 13. См. также: К. Moody. «Workers in a Lean World». Verso. L., N.-Y., 1997. P. 42.

тыс. долл. в год³⁰. Фактор материального неравенства, растущее недовольство бедных и обездоленных, последствия противостояния Север-Юг, увеличения их социально-экономического неравенства не могут не влиять на глобальную ситуацию, на усиление общей напряжённости.

Длительная борьба против несправедливостей и неравенства развивалась в различных конкретных формах и с разными результатами. Идеалами справедливости руководствовались представители и «критически-утопической литературы», и сторонники христианских социальных доктрин, и т.д. Эти идеи были затем начертаны на знамёнах большинства участников великих революций, состоявшихся в Нидерландах, Англии, Франции, в странах Америки, Азии, Африки. О своей приверженности идеям справедливости не уставали неоднократно заявлять организации как радикальных левых, так и социал-реформистских ориентаций. Это, как известно, относилось в XX в. также к межвоенному периоду и к годам после Второй мировой войны (включая и тех, кто ратовал за создание и развитие «государств всеобщего благосостояния», за обеспечение «равных возможностей» для всех и т.п.). В наши дни такие идеи получают новое развитие, хотя порой проявляются в иных, модифицированных формах³¹.

Серьёзные вызовы и сложные проблемы возникают из-за противоречивых последствий глобализации, их несоответствующих оценок. Они породили весьма неоднозначные выводы и интерпретации. У одних, особенно у выразителей интересов влиятельных международных корпораций, развитие новейшей стадии глобализации вызывало преимущественно эйфорию.

У других авторов выявляется более критический (а то и

³⁰ Scholte J. Can Globality Bring a Good Society. «Rethinking Globalization(s)», by P. Aulakh and M. Schechter (eds). L., 2000. P. 22. См. также в книге: А. Уткин «Мировой порядок XXI века». (Гл. 4: Фактор неравенства). М., Алгоритм, 2001. С. 99-111; Т. Тимофеев, ук. соч. (в сб. «Риски нестабильности», ч. II).

³¹ Подробнее см., например: Т. Алексеева. «Справедливость как политическая концепция. Очерк современных западных дискуссий». М., 2001; И. Гаврилова. «Современные теории социальной справедливости». «Полития». М, 2009, № 1. С. 182-189. См. также: Т. Тимофеев. Эволюция реформизма в кризисных условиях; А. Галкин. Социал-демократия в процессе переориентаций. В сб. «Перемены в Европе...». М., ИЕ РАН, 2012.

крайне негативистский) взгляд на новые глобальные процессы в мировой экономике, политике, культуре.

По нашему мнению, требуется разумный, трезвый подход, при котором должны всесторонне учитываться и краткосрочные трудности, и более долговременные обстоятельства, характеризующие этот феномен.

Глобализацию надо рассматривать во многом как объективный процесс, связанный с углублением международного разделения труда, структуризации изменений в мировой капиталистической системе, мирохозяйственных связей и взаимозависимостей. Она отражает новую стадию развития производительных сил, способствует распространению вглубь и вширь многих достижений научно-технической революции. Но вместе с тем в социальном и политическом отношениях она порождает новые крупные противоречия и диспропорции³². Она содействует дальнейшей экспансии гигантских международных монополий, обострению проблем занятости и доступа к образованию, усилению в ряде регионов национально-этнических, культурно-духовных и других, в том числе цивилизационных противоречий³³.

Серьёзного изучения в данной связи заслуживают сдвиги, которые произошли в сфере труда и занятости, на национальных и международных рынках рабочей силы. Этим вопросам, как известно, посвящён ряд трудов наших и зарубежных исследователей. Можно сослаться на серию поисковых материалов (опубликованных с конца XX в. и в начале нынешнего столетия), в которых известные социологи, экономисты и политологи констатировали, что последствия научно-технических новаций ведут к глубоким изменениям в характере труда и в сфере занято-

³² Подробнее об этом см. D. Korten. «When Corporations Rule the World». San Francisco, 1995; R. Barnett and R. Muller. «Global Reach: the Power of the Multinational Corporation». N.-Y., 1974; С. Тангян. «Неолиберальная глобализация». М., 2004, и в других публикациях.

³³ Характерным социально-экономическим и иным особенностям современной глобализации посвящён ряд содержательных трудов, в их числе такие, как: А. Володин и Г. Широков. «Глобализация: начало, тенденции, перспективы» (М., 2002); А. Вебер, В. Кувалдин и др. «Грани глобализации» (с предисловием М.С. Горбачёва). М., 2004. См. также в статье проф. Ш. Эйзенштадта «Современная глобализация и новые цивилизационные формирования» (опубликованной на страницах англоязычного издания «Journal of Globalization Studies». Vol. 1, № 2. November 2010. P. 3-11).

сти в самых разных районах мира. Новое соотношение между различными видами труда (в пользу значительно более высококвалифицированного и преимущественно умственного труда) придают во многом иной, чем прежде, характер проблемам занятости и вообще социально-трудовых отношений³⁴. Некоторые аспекты данной проблематики рассматривают также университетские экономисты А. Бузгалин и А. Колганов в своих трудах «Глобальный капитал» (М., 2007). «Эксплуатация XXI века» (2012), справедливо подчёркивая, что сегодня система отношений эксплуатации и подчинения труда глобальным капиталом предстаёт в новом виде – как «тотальная гегемония корпоративного капитала». При этом они уделяют внимание и новейшим формам капиталистической эксплуатации, связанным, в том числе, с теми, которые затрагивают творческую деятельность и проявляются в присвоении **интеллектуальной ренты** и вообще в подчинении человека как личности глобальному корпоративному капиталу.

Такие процессы, разумеется, не могут не отражаться в требованиях участников как «традиционных», так и новых массовых социальных движений, в росте альтерглобалистских настроений и выступлений³⁵.

Изменения в составе рабочей силы и вообще в социальной структуре современных обществ отнюдь не означают «исчезновения» наёмного труда. Ведь даже самые ретивые западные пропагандисты теории «креативного класса» исходят из **трёхзвен-**

³⁴ См. подробнее об этом, в частности, в публикациях на страницах журнала «Рабочий класс и современный мир» (например, в № 3 за 1972 г. С. 25-77) и др. См. также: R. Edwards. *Contested Terrain. The Transformation of the Workplace in the Twentieth Century*. Basic Books, Inc., 1979.

³⁵ Working Paper № 3, at the conference: «Workers in the Global Economy» (Seattle, 1995). См. также в кн. «Дилеммы глобализации», в том числе, в статьях: Б. Кагарлицкий. Протестные движения в глобализирующемся мире; и в материалах: Т. Тимофеев. Противоречия глобализации и цивилизационные процессы (в сб.: «Глобализация: конфликт или диалог цивилизаций?»). М., 2002. С. 9-22, 255-291); А. Вебер. «Две модели мирового развития и новые протестные движения». «Альтерглобализм» (УРРС. М., 2003. С. 208-224); S. Amin and F. Houtart (eds). «The Globalization of Resistance: the State of Struggles in the World». (Пер. с англ. М., 2004. 304 с.).

³⁵ Richard Florida. «The Rise of the Creative Class», 2002. Пер. с англ., М. 2011. С. 355-359.

ного членения нынешней социально-классовой структуры капиталистических обществ. Так, Ричард Флорида, говоря об общенациональной динамике основных классов американского общества, считает, что к началу XXI в. рабочий класс в США насчитывал свыше 33 млн человек (26,1% занятого населения); «обслуживающий класс» – более 55 млн человек (43,4%); а к креативному классу, по его мнению, принадлежало свыше 38 млн человек; в том числе 14,9 млн, или – 11,7%, по определению того же автора, составляло «суперактивное ядро». Как суммарное число, так и доля лиц наёмного труда в самодеятельном населении заметно выросли и в большинстве других регионов мира. Это не может не воздействовать на условия и характер социально-политической борьбы также в развивающихся странах³⁶.

Новые сложные проблемы порождает рост массовой иммиграции. Как известно, только за период 1975–2000 гг. международная миграция увеличилась вдвое – с 75 до 150 млн человек. К 2050 г., по прогнозам МОТ, она возрастёт ещё не менее чем в 3–4 раза, и может достигнуть 500 млн человек³⁷. Этот феномен ставит глобальное сообщество перед рядом трудностей.

Упомянутые выше глобальные социальные и политические перемены ставят ряд новых серьёзных вызовов – и перед международными организациями и перед народами мира. В условиях нерешенности таких проблем, люди ещё болезненнее будут ощущать угрозы общей безопасности, порождаемые активизацией терроризма, опасными всплесками религиозного фундаментализма, которые тоже создают условия для новых национально-этнических и других конфликтов.

Нужно добиваться, того, чтобы – вопреки экстремистским проявлениям нетолерантности, ксенофобии – более систематически и активно культивировались всюду принципы взаимного

³⁶ Об этом см., например: А. Вебер. Международный пролетариат в системе империализма. «Борьба классов и современный мир», 1971. С. 18-21 и в главе: «Формирование, развитие и социальные границы пролетариата в странах Азии, Африки и Латинской Америки». «Международное рабочее движение», т. VII, отв. ред. К. Брутенц, Г. Ким. М., «Мысль», 1985. С. 39-101. См. также: «The International Labor in Transition. Essays on Africa, Asia, Europe and South America». Ed. by A. Sturmthal and J. Scoville. Urbana, 1973. 294 p.

³⁷ «Migrant Workers». (Global Perspective). International Labour Office: Director General Juan Somavia. Geneva, 2002. P. 5-69.

доверия, диалога, продуктивного партнёрства между народами и цивилизациями.

* * *

В заключение несколько штрихов по проблемам, требующим, быть может, ещё более углублённых исследований и обсуждений.

I. Вопрос о соотношении между «европеизмом» и «неоевразийством». Надо ли так резко и категорически их отгораживать (как получается у некоторых), всегда «намертво» противопоставляя эти феномены друг другу? Не было бы более верным, перспективным рассматривать определённые возможности их сближения, сочетания и «синтеза»?

II. Правильны ли встречающиеся сейчас стремления игнорировать, зачеркнуть, преуменьшить значимость достижений и традиций советской цивилизации? Вспомним её успехи как в деле, во-первых, создания в сжатые сроки крупной промышленности; во-вторых, в области известных всем военно-политических побед (разгром нацизма, вклад в поражение японского милитаризма), и в социальной области, проведение курса на претворение в жизнь принципов справедливости.

III. Необходимо учитывать разные условия, формы, конкретно-исторические фазы в развитии разных социальных доктрин, в т.ч. социалистических идей и движений. С одной стороны, нельзя согласиться с утверждениями о бесперспективности, «полном крахе» (а не только кризисе) великих идей социальной справедливости, борьбы за равенство, против безработицы, бедности и т.п. С другой стороны, нужно дифференцированно рассматривать как различные исторические стадии, так и перспективы такой борьбы.

Не подлежит сомнению, что опыт человечества (будь то у России, в Китае, Вьетнаме, в некоторых странах Латинской Америки) до сих пор знал те или иные формы ранне-социалистических укладов. Вряд ли правомерны те или иные претензии (от провозглашения в своё время маоистских лозунгов «большого скачка» почти в коммунизм, или концепций о якобы уже построенном «развитом социализме» в СССР) волюнтаристски перескакивать через необходимые этапы общественного разви-

тия. Но ведь мало обоснованными выглядят попытки отдельных исследователей (которые явно путают научные понятия и расхожую кое-где журналистскую терминологию) пользоваться такими категориями, как, например, «посткоммунизм».

Весьма интересной нам представляется уточнённая позиция Дэн Сяо-пина и нынешних лидеров КПК, включая Си Цзиньпина: они стали подчёркивать, что разделяемое ими новое понимание социализма включает концепцию «социализма с китайской спецификой, или – начальной стадии социализма»³⁸. При этом отмечается, что такая концепция допускает существование довольно длительного исторического этапа, в течение которого и развитие традиционно считавшихся несоциалистическими форм хозяйственной деятельности, соответствующих им форм распределения и т.п., могло бы рассматриваться как естественный путь «создания необходимой для социализма цивилизованности». И поэтому, по мнению китайских учёных, использования понятия «неразвитого», «незрелого», «начального» социализма является понятием научным, так как отражает реальное положение дел в КНР³⁹.

IV. К числу весьма актуальных вопросов современной общественной мысли относится отношение к перспективам развития «конвергентных», гибридных форм социально-экономической и духовной жизни как внутри соответствующих стран, так и к проблемам создания международных коалиций нового типа в условиях, когда усиливаются возможности формирования т.н. «глобального этоса» некоей общепланетарной цивилизации.

Эта проблема всё чаще оказывается в эпицентре внимания многих исследователей, а также различных секторов гражданского общества.

³⁸ См. об этом, в частности, в кн.: В. Усов. «Дэн Сяопин и его время». М., 2009. С. 738-739, и др.; Цзян Цзэминь. «О социализме с китайской спецификой». Пекин, 2002. Пер. с кит. Том I. М., 2002. С. 11-17, и др.

³⁹ Э. Пивоварова. Разработка концепции «начальной стадии социализма». В её кн. «Социализм с китайской спецификой». М., «Форум», 2011. Гл. IX, с. 306, 307.

О СУЩНОСТИ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Волею судеб Россия оказалась на перекрёстке мировых цивилизаций между Европой и Азией, причём не только по географическим, но и демографическим и культурным параметрам. Поэтому по своему статусу Российская Федерация является основной составляющей евразийской цивилизации.

В евразийском пространстве веками сосуществовали две крупнейшие мировые религии – христианство и ислам как вероисповедания двух этносов – славянского и туранского. Их диалог исторически стал формой их взаимодействия.

СССР осуществлял в XX в. контроль над Евразией от центральной Германии до Тихого океана, от Кавказа до Гиндукша. Ныне граница откатилась к северному Кавказу, отдвинулась на восток на 1,5 тыс. км до границы с Белоруссией. Столетия расширения России оказались потерянными.

Евразия становится регионом, где прогнозируют самые важные геополитические изменения, в частности, потому, что американская элита ныне рассматривает Евразию как главного соперника и даже противника в стратегии по обеспечению могущества и первенства США в мировых делах «по умолчанию» в постоянную и вечную категорию на все времена до конца истории.

Целью США является расчленение мирового пространства Евразии, ибо цельная и стабильная Евразия, прежде всего, и не столько Китай, является соперником США в мировом океане. Это в силу огромного пространства, выхода к морям, огромным запасам углеводородов, ценных металлов, перспективной демографической ситуации: есть подготовленные кадры благодаря традиционно существующим крупным научным центрам, пока ещё сохранившимся, несмотря на трагические сокращения.

США пытаются подобраться к средоточию мира, это одна из причин кампании против Ирана (помимо стремления ограни-

* Попов Вениамин Викторович, директор Центра партнёрства цивилизаций МГИМО (У) МИД РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол.

чить его влияние в Заливе), ибо Иран лежит в предгорьях к этому району. Большое значение имеет центральная Азия – пространство между Каспием и Китаем.

В силу своего геополитического положения Россия, соединяющая два континента, играет универсализирующую роль.

Русский этнос, вступая в дружественные отношения с соседями-этнотами приобрёл черты Суперэтнота многонационального сообщества и стал центром Евразии, возникла великая держава суперэтнос, оказавшая в XIX–XX вв. огромное воздействие на мировые события. Развал СССР не привёл к развалу суперэтнота, государства могут появляться и исчезать, а суперэтнос существует. Он более жизнеспособен, ибо существовал веками, и отвечает жизненным интересам. (О Петербурге Д.С. Лихачёв сказал: этот город принадлежит не европейскому или восточному типу, а русскому типу со способностью поглощения и преобразования гетерогенных (восточных) цивилизаций).

Системный кризис капитализма показал несостоятельность концепции Хантингтона и нежелание Запада признавать другие цивилизации, высокомерную уверенность в превосходстве собственной модели. Между тем, успех Китая и Индии показал, что западная модель не универсальна и что она не лучшая.

В России восстанавливается концепция Евразии. Собираение территорий в огромную империю было опасностью для Запада: они видят главную угрозу в Евразии. Но новая Евразия должна стать основой стратегии, доктрины, идеи для мощной России для её безопасности, независимости, авторитета.

Россия (по Лихачёву) – синтез русской славянской культуры на базе Византии и Скандинавии в органичном сочетании с угро-финскими, тюркскими, татаро-монгольскими (по Гумилёву), через которые воспринята культура Китая, Индии.

Ломоносов говорил: у России три стратегические задачи: могущество прирастает Сибирью, Северным морским путём и ростом населения русских при развитии отношений с народами нашей Азии. Менделеев подчёркивал важность отношений с Китаем – это будущий гигант.

Есть Российская цивилизация как самостоятельная, как уникальный сплав на огромном геополитическом пространстве

при пересечении многих великих (Византия, славяне, Европа, Китай) и малых самобытных культур (Поволжье, Урал, народы Севера). Существует исторически и географически неразрывная целостность западной и восточной сторон государственной идентичности России.

Ошибочно утверждение после распада СССР «о вхождении России в мировую цивилизацию». Россия – сама великая цивилизация (более 100 народов). Надо укреплять именно это понимание. Это придаст уверенность в собственных силах как русских в России, так и 25 млн оказавшихся за пределами, так и бывших, ибо они убеждаются в том, что кроме как России нет у них опоры. В современных условиях границы русской культуры и цивилизации расширяются.

В принципе основой должны быть три центра экономического и политического управления: Запад – Москва, Сибирь и Дальний Восток. Горизонтальный полицентризм – слияние разных в гармонии в единстве, при русском языке как связующем.

Бестужев-Рюмин писал: Русские как и все великие исторические народы являются народом смешанным. Славянская цивилизация севера и северо-востока и татары. Эти племена, растворяясь среди славян, неизбежно приносили в их быт элементы собственной культуры. Наши предки абсорбировали скандинавские племена.

За время многовекового становления русской цивилизации она испытала воздействие многих культур. Если за точку отсчёта условно возьмём IX в., то следующее глобальное воздействие оказал тюркский мир: татаро-монголы привнесли элементы государственной культуры: систему податей, налогов, перепись, первые уроки дипломатии. При этом в стремлении освободиться крепло желание русских к единению.

Гумилёв: этническое значение Куликовской битвы 1380 г. огромно: суздальцы, владимирцы, псковичи и др. пошли сражаться как представители своих княжеств, но вернулись русскими, хотя и живущими в разных городах. В итоге Московская Русь стала реальностью, фактором исторического значения. Третий глобальный процесс – европеизация России – с эпохи Петра, продолжение при Екатерине Великой. Этот процесс по-

мог России покончить со Средневековьем, вывел её на мировую арену. Важным фактором был происходящий в это же время процесс сближения с Кавказом.

(К слову, Иван Грозный расширил территорию в 30 раз, создал централизованное (бесплатное начальное образование, суды, местное самоуправление) многонациональное самое крупное евразийское государство: 6 млн, в том числе в Москве 100 тыс.).

В октябре 2012 г. отмечалось 100-летие со дня рождения Л.Н. Гумилёва, выдающегося учёного, которого называют великим евразийцем нашего времени. Его труды внесли огромный вклад в утверждение идеи вековой общности, взаимосвязанности народов, населяющих безграничные пространства Евразии от Балтики и Карпат до Тихого океана. «Именно в Евразии народы связаны не по тому или иному одностороннему ряду признаков, а по общности исторических судеб. Евразия это огромный континент не только как пространство, но и в едином историко-культурном смысле».

Ценность представляет идея Гумилёва о комплиментарности народов Евразии, их взаимодополнительности, что создаёт благоприятную почву для диалога. «Нельзя стремиться сделать людей подобными себе, а надо учиться жить с ними в согласии».

Примечательно, что Белинский и Достоевский признавали, что самой коренной чертой русского национального характера является способность усваивать всевозможные черты любого национального типа.

Российская цивилизация – это сложившийся в силу географии сплав исторических связей русского народа с другими группами восточных славян, с народами уральской, финно-угорской группы, с алтайской (особенно тюркской), кавказской и других языковых семей Западной, Центральной Восточной Азии, Тихоокеанской культурой. В конфессиональном плане это взаимодействие православия с западом (католицизмом и протестантизмом), с востоком (с исламом: Поволжье, Кавказ, Дагестан, Сибирь), и северным буддизмом и ламаизмом, а также многими местными верованиями – шаманизмом, язычеством народов Крайнего севера. На протяжении истории возникла российская

цивилизация, как уникальная полиэтническая, многоконфессиональная целостность и общность. (Советский народ как наследник этой цивилизации представлял более высокую ступень, ибо процесс взаимного обогащения, слияния развивался быстро и по восходящей).

Советская цивилизация – короткая по историческим меркам попытка построить общество на началах справедливости, создать строй, который соответствует гуманистическим идеалам. Попытка не удалась, но оценивать её полностью негативно неверно и безнравственно. Она оказала огромное воздействие на мировые события.

Россия может стать державой XXI в. и провести модернизацию только при наличии проекта Евразии, в котором Россия – его ядро.

*Ал.А. Громько**

РОССИЯ МЕЖДУ ЕВРОПОЙ И АЗИЕЙ

Современная Россия ощущает себя, мыслит и действует в основном как европейская держава. Её «европейскость» не связана с состоянием отношений с Европейским союзом или иными организациями к западу от российских границ. Быть русским европейцем – не значит считать безальтернативной политику встраивания России в какие-либо союзы и группировки, созданные в атлантической части Старого Света в период после окончания Второй мировой войны и до распада Советского Союза. Выстраивая внешнюю политику, Россия руководствуется представлением о том, что своей наиболее развитой и густонаселённой частью она располагает в Европе, что в последние три столетия её политическая, дипломатическая, экономическая, научная и культурная история была связана прежде всего с этой частью мира. Россия – одна из крупнейших составляющих европейской цивилизации – распространила её на миллионы квадратных километров от Уральских гор до Тихого океана, привнесла её в своё время не только в Сибирь, но и на Дальний Во-

* Громько Алексей Анатольевич, д.полит.н., зам. директора ИЕ РАН.

сток и в Среднюю Азию.

Когда Россия шла на восток и на юг, она несла с собой европейский образ мышления и европейскую культуру. Сравните Россию с Турцией, географическое расположение которой в чём-то схоже (в том смысле, что меньшая часть территории её находится в Европе, большая – в Азии). Однако в случае России речь всегда шла о «продлении Европы» с запада на восток; в случае Турции – о «продлении Азии» с востока на запад.

Опять же, «европейскость» России, а значит, и соответствующая природа её внешней политики не означает, что у нашей страны нет интересов в других регионах мира. Отнюдь. Россия и немало других европейских держав в прошлом выстраивали империи, простиравшиеся далеко за границами географической Европы. Вся история последней была чередой действий по расширению и проникновению в другие цивилизационные ареалы. Трансрегиональные и глобальные амбиции не противоречат, а как раз подтверждают тезис о том, что Россия ведёт себя как крупное (в данном случае – крупнейшее) европейское государство.

Вместе с тем в отличие от других государств Европы Россия уникальна тем, что её собственная территория лежит преимущественно в Азии, где живут многие десятки коренных неевропейских народов, говорящих на неевропейских языках и исповедующих иные религии, нежели христианство. То, что и в XXI в. Россия сохранила в основном европейский характер своего мироощущения, – бесспорно, как и то, что она обладает ярким своеобразием, заключённым в многообразии этносов, культур и религий. Причём последнее – не бремя, а уникальное конкурентное преимущество по сравнению с другими европейскими странами. Последние, кстати, не говоря уже об амбициях Евросоюза, делают всё, чтобы не утратить своё присутствие далеко за пределами ЕС. Посмотрите на такие инструменты «мягкой силы», как франкофония, лузофония, Британское Содружество наций и т.д. Россия же физически огромным пластом лежит в Азии, напрямую соприкасаясь, будь то по суше или по морю, с Турцией, Закавказьем, Средней Азией, Китаем, Монголией, Корейским полуостровом, Японией и т.д.

Перед современной внешней политикой России стоит задача по диверсификации. И это не некая экзотическая цель. Напротив, экзотикой было то, что в 1990-х гг. Россия ушла из многих регионов мира, влияние в которых она затем с таким трудом стала возвращать себе по мере восстановления позиций, с такой бездарностью растраченных в конце XX в. Конечно, речь не идёт о той степени стратегической глубины, которую мог позволить себе Советский Союз. Однако интересы России, занимающей $\frac{1}{8}$ территории планеты – со всеми находящимися здесь полезными ископаемыми, человеческими, почвенными, лесными и водными ресурсами, – объективно требуют от неё стратегических отношений в Европе, Азии, на других континентах, иными словами – трансрегиональной внешней политики с элементами глобальности.

Да, внутренних проблем у нас – хоть отбавляй, но их решение требует не снижать активности внешней политики страны, а, наоборот, её активизировать ради (в конечном счёте) выполнения задач внутреннего развития. Если России умерить свои «амбиции» и прислушаться к голосам тех, кто призывает её превратиться в «нормальную европейскую страну», перестать обращать внимание на региональные и глобальные проблемы, которые не имеют к ней непосредственного отношения, что должно произойти на практике? Она должна будет хотя бы добровольно сложить с себя статус постоянного члена Совета Безопасности ООН. Действительно, зачем занимать это кресло государству, которое тяготеет проблемами других регионов планеты? Могут сказать: «Но разве членство в СБ ООН противоречит тому, что в него входят «нормальные европейские страны», например Франция и Великобритания?». И случаются, потому что ни та, ни другая не считают себя таковыми, а делают всё возможное, чтобы сохранить влияние в самых разных частях света.

Необходимость усилить восточный вектор внешней политики России не имеет ничего общего с идеей дистанцировать её от Европы.

Теоретически можно смоделировать политический и экономический «разворот» России на Восток, подразумевая под этим также её поворот спиной к остальной Европе. И аргументы

вполне весомые – перемещение центра тяжести мировой политики и экономики из евроатлантики в АТР.

Во-первых, такое перемещение, если продолжится, займёт ещё не один десяток лет. Во-вторых, прямолинейно такие глобальные процессы не происходят и не приведут к маргинализации Европы и евроатлантики за счёт Азии. Речь в условиях XXI столетия будет идти о переналадке баланса сил в мире, а не о возникновении новых центров гегемонии, об утверждении того самого многополярного мира, о котором столько говорят в последние годы.

России в этих условиях выгодно сохранить и развивать свои позиции и на западе, и на востоке, и на юге. Её стремление стать тихоокеанской державой не должно ослабить влияние России в Европе; напротив, усиливая здесь свою роль, она будет более привлекательным партнёром для азиатских стран, как не менее верно и обратное. Эти два вектора внешней политики должны рассматриваться как две стороны одной медали, то есть как цемент и песок для фундамента её благополучия в новом столетии.

В-третьих, и главное – готова ли Россия к такому повороту, если даже он означал бы не смену стратегии развития – с европейской на азиатскую, а разумную диверсификацию? Готовы ли российское государство и общество осуществить такую масштабную задачу? Российская дипломатия прилагала в этом направлении немало усилий и в двусторонних отношениях с ведущими государствами АТР, и с региональными организациями. Саммит АТЭС во Владивостоке стал на сегодняшний день венцом этой работы. Тем не менее, на дальнейшем её пути стоят колоссальные трудности внутреннего, объективного характера: продолжается депопуляция Сибири и Дальнего Востока, львиная доля здешних природных ресурсов работает на европейские рынки, а не на азиатские, а мегапроектов (помимо осуществлённых в связи с саммитом АТЭС) за Уралом не просматривается. Сколково, зимняя Олимпиада, чемпионаты мира по хоккею и футболу, создание международного финансового центра – всё это прерогатива европейской части России. В её азиатской части не строят новые города, заводы и аэропорты, не прокладывают скоростные железные дороги, пока в качестве экзотической вос-

принимается идея перенести столицу или хотя бы ряд столичных функций в Сибирь. Проект по расширению Москвы опять же поглотит огромные средства здесь, в европейской части страны.

В геополитическом смысле призывать Россию «идти на восток» или на юг – значит бороться с ветряными мельницами. В самом деле: чем, как не демонстрацией такого уже, фактически состоявшегося разворота стали проекты БРИКС (и формирование двусторонних стратегических отношений с каждым из членов этой организации), ШОС, ЕврАзЭС, Евразийского экономического союза, происходящее встраивание России в различные структуры в АТР? Дело за тем, чтобы наполнять эти конструкции реальным промышленным, инфраструктурным, финансовым содержанием. Развитие большинства из них наглядно показывает, что для России дилемма «восток или запад» – ложная. Так, практически все интеграционные проекты на постсоветском пространстве, в которых она стремится играть лидирующую роль, включают как пространства к западу, так и югу и юго-востоку от её границ, и России не обойтись без тех и других. Реализуя такие проекты, Россия не отталкивает от себя то или иное пространство за счёт другого, а, напротив, стягивает их вместе. Будущее отношений России с такими соседями, как Украина и Белоруссия, пожалуй, не менее важно для неё, чем взаимодействие со всеми азиатскими странами вне постсоветского пространства вместе взятыми.

А если сузить понятие «европейской внешней политики» России до её отношений с такими организациями, как Евросоюз, Совет Европы, НАТО? Не справедливым ли тогда становится тезис о необходимости стратегической переориентации с Запада на Восток? В самом деле, отношения со всеми из них переживают не лучшие времена, в Европе много «трудных» для России партнёров, именно отсюда вкупе с США чаще всего слышится критика России по тем или иным вопросам.

Однако, во-первых, отвернуться от проблем – не значит решить их, а, наоборот, – лишь усугубить. Хлопать дверью – вообще не признак зрелости и опытности дипломатии.

Во-вторых, сумма противоречий с европейскими партнёра-

ми нарастает по мере укрепления взаимодействия России с пространством ЕС, по мере прогресса, а не регресса в экономических, социальных, культурных связях. Закон жизни – чем теснее вы живёте вместе, тем больше возникает не только положительных, но и негативных ситуаций, которые надо учиться решать путём компромисса.

В-третьих, проблемы восприятия России, в частности в Европе, связаны не только с недоброжелательностью извне, но с большим, пока ещё нереализованным потенциалом использования «мягкой силы» самой Россией. И это отмечал президент РФ в статье «Россия и меняющийся мир».

В-четвёртых, опытная внешняя политика руководствуется реализмом и прагматизмом, а не эмоциями и сиюминутными настроениями. Ослабление Россией своей активности, в том числе дипломатической, на европейском направлении прежде всего не будет выгодно ей самой и пойдёт вразрез с её национальными интересами. Никто не отменит того факта, что сейчас рынок ЕС – ведущий для России, что оттуда она получает львиную долю прямых и портфельных инвестиций, как и выходит на международные рынки заёмных средств; что в кооперации именно с европейскими деловыми партнёрами создаются многие современные российские производства, что именно там Россия участвует в ряде важных научных мегапроектов.

И, в-пятых, подчеркну ещё раз: в глазах недавних или потенциальных политических и деловых партнёров России на Востоке и Юге привлекательность и ценность взаимодействия с ней в основном будет определяться её ролью в «Большой Европе». Речь идёт о закреплении и расширении её роли на новом историческом витке.

Уверен, «Большая Европа» – тыл для России, обеспечив надёжность которого она увеличит шансы на успех по продвижению в других регионах планеты, в первую очередь в АТР. Превратить себя в бесспорного тяжеловеса в XXI в. Россия может, закрепив роль стратегического партнёра ЕС и одновременно ядра интеграционных процессов на постсоветском пространстве. Эти два вектора российской внешней политики будут не противоречить, а лишь усиливать друг друга. Если Россия серьёзно хо-

чет «идти в Азию», её необходимо опереться на «Большую Европу». Настоящее почвенничество для современной России – не в том, чтобы противопоставить себя кому-либо в Европе или евроатлантике, а в том, чтобы использовать свою уникальную «европейскость», чтобы продвигать собственные интересы и на Западе, и на Востоке.

*А.В. Виноградов**

ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ И КИТАЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

1. После Второй мировой войны постепенно утвердилось мнение, что устойчивое развитие является бесспорной ценностью, поскольку сложный и хрупкий современный мир может не пережить новых потрясений, вызванных как вооружёнными конфликтами, так и последствиями неконтролируемого индустриального развития. Вместе с тем, с точки зрения истории открытие новых способов социального движения, в т.ч. в результате радикальных изменений, является крупнейшим достижением человеческой цивилизации.

На протяжении всей своей истории человечество стремилось избегать нестабильности и потрясений, чреватых гибелью, и одновременно планомерно накапливать позитивные изменения. Успехи в развитии всех первых, древнейших цивилизаций связаны как раз с их способностью к плавному, поступательному развитию, с их непрерывностью и преемственностью. Чем длительнее был период позитивного развития, тем больших высот они достигали. Внешние и внутренние вызовы, с которыми они не могли справиться, вели к разрушению цивилизаций как таковых. Их гибель не просто тормозила развитие, она прерывала преемственность, вела к разрушению достигнутого уровня духовной и материальной культуры, которая уже не могла стать основой для нового позитивного роста, строительство цивилизации должно было начинаться практически заново. Такой жизнен-

* Виноградов Андрей Владимирович, д.полит.н., Центр политических исследований современного Китая ИДВ РАН.

ный цикл стал фундаментом для первых цивилизационных теорий, например, теории «культурно-исторических типов» Н. Данилевского, уподоблявших развитие цивилизаций живым организмам.

Европа первой нашла способ эффективного использования радикальных, революционных потрясений, поставив их под свой контроль. Впервые в мире разрушительному импульсу она придала позитивное содержание и научилась превращать кризисы, сопровождающиеся разрушением, в фактор позитивного развития, точнее, использовать их для избавления от негативной инерции и, что, важнее, институализировала эту способность.

Открыв новый способ исторического движения, в значительно большей степени отбрасывавшей традиции культуры, Европа ускорила своё развитие, получив преимущество перед другими народами. На несколько столетий скорость, а не индивидуальность стала важнейшим показателем успеха. Именно это стало причиной возвышения Европы с началом Нового времени и превратило её в центр глобального превосходства и лидерства.

Великие географические открытия и последовавшая колонизация народами Западной Европы Нового Света, прежде всего, Северной Америки и Австралии открыли новые возможности перед этим типом развития, позволили перемещать на новое место, в первую очередь, наиболее динамичные социальные силы и идеи.

2. Высокий уровень социального развития, достигнутый Китаем уже на относительно ранних стадиях, напротив, связан с его феноменальной способностью противостоять давлению внешней среды и переменам, переводить изменения в плавный, постепенный режим; с устойчивостью к потрясениям, даже таким разрушительным как завоевание другими народами. Их неизменным результатом было не покорение Китая, а ассимиляция завоевателей. В основе этого механизма было несомненное превосходство китайской духовной и материальной культуры. Важным следствием этого относительного совершенства стала непрерывность и строгая преемственность китайской цивилизации. Однако ценой такого типа развития стало не просто снижение темпов, но и снижение потенциала к развитию, иное качест-

ва социального развития, которое направляло китайскую историю в другое русло – не глубокого и всестороннего преобразования, а бесконечного совершенствования. Цивилизация набрала огромную инерцию и не могла самостоятельно перейти на новый технологический уровень взаимодействия с природой и социальной организации.

3. Превращение Запада в мирового лидера на протяжении нескольких последующих столетий придало его конкретному социально-экономическому и политическому опыту характер универсального критерия. В то время как китайская цивилизация стала олицетворять особое направление социального развития. В действительности, особым характером развития с точки зрения массовости и распространённости в истории обладала Европа, а Китай сохранил традиционный. До XX в. он его не менял, а его изменение стоило гигантских усилий и пока до конца неясных последствий.

4. Со вступлением мира в эпоху глобализации, с самых первых её этапов – колонизации, интернационализации производства и т.д. – ускорилось и разнообразилось взаимодействие между различными социально-историческими субъектами, в т.ч. между самыми крупными из них – цивилизациями, появились новые угрозы и риски их развитию. Для североатлантического мира, с цивилизационной точки зрения, эти риски не выглядят фатальными, во всяком случае, они выглядят гораздо менее опасными, чем для традиционного общества, поскольку в Западном мире сформировались устойчивые алгоритмы и механизмы борьбы с ними, а также накоплен значительный практический опыт. Либеральная модель, в принципе, ориентирована на открытое взаимодействие с угрозами, поскольку предполагает фрагментарность социального пространства и допускает вариативность индивидуальных ответов, успех которых становится ориентиром для остальных. Демократия и рынок позволяют оперативно и чутко реагировать на происходящие изменения. Их недостаток в том, что организация коллективного ответа требует значительного времени, а при определённых типах изменений простое, ситуационное реагирование не всегда способно находить эффективный ответ, например, на экологические и киберугрозы. С

увеличением практического значения этих вызовов связано расширение и усиление роли государства на Западе.

5. Для Китая, как показал текущий мировой кризис, эти риски, несмотря на внешний успех его антикризисной политики, представляют более серьёзный вызов. Совершив переход на новый социально-исторический уровень в результате цепи революционных преобразований в XX в., Китай до конца не овладел присущим этому уровню типом развития, а лишь в определённой степени сумел приспособить к нему свой традиционный цивилизационный архетип. На протяжении последних 30 лет он использовал свои традиционные ресурсы для интеграции в современность (дешёвую и большую по численности рабочую силу, конфуцианскую трудовую этику, организующую и мобилизующую роль государства и т.д.). Но все его успехи на этом пути, в сущности, могут быть объяснены тем, что Китай смог эффективно мобилизовать имеющиеся ресурсы только потому, что мог определить конечную цель – вписаться в современность – и выбрать направление движения – в сторону технически передового Запада. Кризис, показав изъяны западного общества, воодушевил и укрепил веру сторонников самобытного пути развития, но одновременно оставил Китай наедине с новыми вызовами, впервые в новейшей истории примерил на него функции исторического лидерства.

В условиях кризиса Китай по инерции, положившись на свой цивилизационный алгоритм, старался всеми силами сгладить его негативное влияние. По прошествии 4 лет в КНР всё чаще слышны нарекания в адрес антикризисной политики, ещё недавно оценивавшейся исключительно высоко. Китайские эксперты считают, что правительство недооценило глубину и продолжительность кризиса, искусственно поддерживало темпы роста, накопление в отдельные годы доходило почти до 70% ВВП, в результате проблемы загонялись вглубь, а не решались. Показательно в этой связи, что китайское руководство уже более 10 лет декларирует необходимость смены модели экономического развития, но никак не может приступить к её осуществлению.

Такая антикризисная политика даёт основания полагать, что Китай пока научился преодолевать кризисы единовременно, но

не смог эту способность интегрировать в свой тип развития. Оказавшись наедине с неизвестными вызовами, не имея перед собой образца для подражания или, хотя бы, чужого опыта, Китай испытывает серьёзные трудности в поиске ответа на них.

Очевидно, что историческая ситуация для Китая меняется. «Золотой век» китайских реформ завершился. Мировой финансовый кризис вскрыл серьёзные изъяны в китайской экономике, ориентированной на экспорт, а обусловленное им снижение темпов роста привлекло внимание к длительному времени накапливавшимся социальным, национальными, экологическим проблемам, показав естественные пределы созданной 20 лет назад экономической модели. К 2016 г. в результате политики плановой рождаемости в КНР завершится прирост численности рабочей силы, возникнет её относительная нехватка, а вслед за этим исчезнет главное преимущество Китая на внешней арене. Переход к новой экономической модели ориентированной на внутренний спрос станет неизбежным. Китаю предстоит заново определить свои цели на этот раз уже не только количественные, но и качественные, и найти для этого ресурсы, что не менее сложно.

Одним из главных препятствий по практическому решению этой задачи является отсутствие ясной перспективной модели внутреннего потребления, поскольку существующие сегодня в развитом мире, например, американская, не подходят Китаю ни по энергетическим, ни по продовольственным, ни по экологическим параметрам. Отчётный доклад Ху Цзиньтао XVIII съезду КПК (ноябрь 2012 г.) показал, что у китайского руководства на сегодняшний день нет готовых решений этой проблемы.

Продолжает ухудшаться экологическая ситуация, экономические потери от загрязнения окружающей среды составляют от 3 до 7% ВВП, поэтому к ранее поставленным целям экономического, политического, культурного и социального строительства на съезде добавлена новая – формирование экологической культуры. Но перед Китаем появляются и абсолютно новые вызовы. Во-первых, по мере старения населения всё более актуальным становится создание системы социального страхования, включающей всеобщее медицинское и пенсионное обслуживание. Во-вторых, ограниченность земельных и водных ресурсов

ведут к обострению продовольственной проблемы и повышают внимание к освоению биологических и других ресурсов моря. На XVIII съезде КПК впервые была поставлена задача по превращению Китая в «мощную морскую державу».

В этих условиях сформировавшийся в Китае механизм политической преемственности также столкнулся с непредвиденными трудностями. Раньше основная проблема передачи власти в Китае заключалась в том, что лидер, уходя из жизни, не оставлял после себя преемника, что вело к нарушению социально-политической стабильности. Теперь он оставляет преемника, но и сам окончательно не уходит из политического процесса.

После прошедшего съезда впервые в китайской истории в политическом пространстве будут сосуществовать два бывших генеральных секретаря, канонизированные в Уставе партии и по китайской традиции сохраняющие свой авторитет и влияние, и действующий генсек, у которого пока лишь формально высокие посты, не тождественные в авторитарном государстве власти. В результате, возникающие разногласия среди высших авторитетов препятствуют принятию смелых и ответственных решений.

6. Не является ли весь XX в. затянувшимся процессом революционного преобразования? Китайская цивилизация сумела осуществить мобилизационную модель модернизации, смысл которой заключается в мобилизации существующих ресурсов, прежде всего, традиционной культуры для ответа на вызовы времени. Но при следующем аналогичном вызове ей, возможно, предстоит точно такие же муки, которые вновь могут растянуться на 150 лет. Таким образом, если европейская цивилизация в результате кризиса оказывается перед новым поворотом в развитии, то для китайской каждый такой вызов представляет принципиально иную, более высокую меру риска.

Сможет ли Китай выработать свой тип развития, отвечающий характеру эпохи? Возможно, именно такой будет формулировка социальной альтернативы в XXI в., которая заставит другого посмотреть и на сущность социальной альтернативы в новом столетии, и иначе оценить социалистический проект. Возможно, в результате глобализации закончилось время, когда цивилизации гибнут безвозвратно, и на месте традицион-

ной китайской цивилизации может появиться современная китайская цивилизация с новым набором черт и поведением во внешнем мире.

*А.И. Липкин**

ПОЛИ-ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

В современном мире явно просматриваются две во многом противоположные тенденции.

Одна – программа «устойчивого развития». Она смотрит далеко вперёд и призывает учитывать «потребности нынешнего и будущих поколений». Она исходит из необходимости согласовать два глобальных фактора: экономико-технологическое развитие человечества и экологические ограничения глобального характера. В средствах массовой информации тема «устойчивого развития» начала широко обсуждаться после того, как Всемирная комиссия ООН по окружающей среде и развитию (1987) обострила вопрос о необходимости поиска новой модели развития цивилизации, опубликовав доклад «Наше общее будущее»⁴⁰. Международное движение «зелёных» – новое глобальное движение снизу, отвечающее этой программе⁴¹.

Другая тенденция обращена к дню сегодняшнему и связана с обострением политических и социально-культурных конфликтов в различных точках планеты, нередко приводящих к многочисленным человеческим жертвам (в 1990-х гг. десятками тысяч исчислялись жертвы религиозно-этнических конфликтов в Югославии, а в результате геноцида в Руанде в 1994 г. число убитых за 100 дней составило по разным данным от 500 тыс. до 1 млн человек).

* Липкин Аркадий Исаакович, д. филос. н., РГГУ.

⁴⁰ Озабоченность глобальными экологическими проблемами звучала уже на Стокгольмской конференции ООН 1972 г.

⁴¹ По-видимому, сюда же следует отнести идеи Питирима Сорокина, высказанные в его «Главных тенденциях нашего времени» (М., 1997) и развитие идей его «социокультурной динамики» в работах Ю.В. Яковца (Кузык Б.Н., Яковец Ю.В. Цивилизации: теория, история, диалог, будущее. В 2 т.).

Обе эти тенденции связаны с современной фазой процесса глобализации, в котором следует выделить несколько аспектов. Наиболее явно осознан этот процесс в сферах экономики, технологии, экологии, демографии и информации. Именно в этом пространстве формируется и обсуждается первая из указанных тенденций. Другой аспект глобализации проявляется в международной политической сфере, где проблематизируется суверенность независимых государств из-за того, что многие экономические и политические субъекты и процессы не вписываются в их границы. Этот аспект подробно рассматривается У. Бекком⁴² и другими. Существенно слабее выявлены социокультурные аспекты глобализации, лежащие в основе указанной выше второй тенденции.

Для того чтобы разобраться в этой сложной современной ситуации предлагается, во-первых, *«многослойный» подход*, выделяющий как минимум пять «функциональных» *слоев*: два культурных («цивилизационный» и «национальный»), социальный, политический и экономический (включая технологический), демографический. Эти слои существуют «параллельно» друг другу, а возникающие в разных слоях образования находятся в отношении взаимной поддержки или отторжения, а не порождения (типа отношения «базиса» (экономического, технологического или др.) к «надстройке»), т.е. в каждом слое по своей логике рождаются различные структуры и процессы, часть из которых конкурирует друг с другом. Структуры и процессы из разных слоёв, которые будут поддерживать друг друга, образуют многослойные устойчивые системы.

Региональные аспекты эпохи «больших перемен»

Источником и движущей силой современного процесса глобализации является Запад. В этом процессе, наверное, стоит выделить несколько этапов. Первый – это эпоха колониальных захватов, начавшихся вслед за эпохой географических открытий. Он определялся военно-политическим и производственно-экономическим господством Европы, вырвавшейся в военно-технологическом и экономическом плане далеко вперёд. В Европе же возникли военно-политические блоки, боровшиеся между собой

⁴² У. Бек. Что такое глобализация? М., 2011.

в глобальном масштабе, что привело к двум мировым войнам в XX в. Во второй половине XX в. начался рассматриваемый нами современный процесс глобализации, очень разнородный, разнонаправленный и сложный, который тесно связан с рождёнными на западе новыми коммуникационными технологиями в транспорте и информации (в очень широком смысле).

Рассматривая социокультурные аспекты этого этапа глобализации, исходим из предположения, что «постновейшее» время, в которое мы живём (это отражается в многочисленных «пост-», которые с ним связывают) – это локальный период – «эпоха больших перемен», а не длительная генеральная тенденция. В этом причина невероятно быстрых изменений, характерных для последних 30-50 лет. Но современная форма процесса глобализации, будучи локальной во времени глобальна в пространстве, т.е. захватывает все регионы Земли и все со всем связывает.

Однако этот процесс *по-разному проявляется в разных регионах* и эта разница явно связана с цивилизационной спецификой и обусловлена разной системой смыслов (это определяет и многое другое).

Так для *Юго-Восточной Азии* причиной изменений является желание сократить экономико-технологическое отставание от Запада и встраивание в глобальный мир (в первую очередь экономический), форму которого задал Запад. Некоторым странам это удалось. Этот процесс принято называть модернизацией, которая здесь не сводится к вестернизации, поэтому в социо-культурном плане ситуация тут, по крайней мере пока, не является слишком драматичной, во всяком случае о войне с Западом речь не идёт. Правда здесь есть свои внутрирегиональные напряжённости, но их центр часто находится в политике, а не в культуре.

Для *Ближнего Востока* («исламского мира») ситуация оказалась более драматичной, ибо в отличие от предыдущего случая тут в социо-культурном плане модернизация и вестернизация оказались тесно связанными, что ведёт к социокультурному кризису и достаточно влиятельной оказывается тема джихада, религиозной войны с Западом, которая в определенной степени началась 11.09.2001 г. (предсказание о «столкновении цивилизаций» С. Хантингтона (между исламской и западной локальн-

ми цивилизациями) по сути оказалось верным). С одной стороны, здесь мы имеем дело с реакцией отставшего традиционного мира ислама, с другой – с культурной конкуренцией.

Для самого *Запада* события развиваются тоже весьма драматично. Современный этап глобализации проблематизирует форму национальных государств в Европе, которые в течение последних веков являлись основной формой организации общества⁴³. Ещё более драматичным является «столкновение» с исламской цивилизацией, которая, в силу демографических и экономических тенденций проникла в течение нескольких последних десятилетий внутрь Европы.

Указанное «столкновение цивилизаций» отзывается и в России и Индии, поскольку они имеют в своём составе исламизированные области, которые, к тому же, по крайней мере в России, весьма проблемны в социально-экономическом и полити-

⁴³ У. Бек. Что такое глобализация? М., 2011; Липкин А.И. «Духовное» и «политическое» «ядра» «локальной цивилизации» и их столкновение в истории России. 2012. Препринт WP17/2012/01 Серия WP17. Научные доклады Лаборатории сравнительного анализа развития постсоциалистических обществ М., ВШЭ (http://www.hse.ru/data/2012/04/10/1251631302/WP17_2012_01_f.pdf); Липкин А.И. К вопросу о понятии «национальной общности» и его применимости к России. ПОЛИС (Политические Исследования) 2008 (6). С. 113-129; Липкин А.И. Проблемы мультикультурных обществ. Межцивилизационный аспект в условиях глобализации. От рисков нестабильности к устойчивому развитию. Часть II. Дилеммы мультикультурализма и национализма. М. С. 7-23; Этим качествам может отвечать и индивидуализированное общество эгоцентричных индивидов, которые надеются только на себя и своё ближайшее окружение, и при этом уходят от принятия решений и ответственности за решения вопросов, выходящих за этот узкий горизонт (что соответствует портрету современного российского общества, представленному в: Дубин Б.В. Россия нулевых: политическая культура, историческая память, повседневная жизнь. М., 2011.); Мировая религия здесь употребляется не в смысле распространённости, а, как и у К. Ясперса, в широком смысле, как качественно другая форма религии. Поэтому наряду с христианством, исламом и буддизмом, сюда входят даосизм, идеалистическая философия Платона и ряд др. Их возникновение связывается с процессом этической индивидуализации, с решением вставших перед индивидом этических проблем, требовавших ответа на вопрос о смысле жизни *индивида*, в котором бы сочетались концепты счастья, смертности и добродетели-справедливости; Липкин А.И. «Духовное» и «политическое» «ядра» «локальной цивилизации» и их столкновение в истории России. 2007, 2012. Препринт WP17/2012/01 Серия WP17. Научные доклады Лаборатории сравнительного анализа развития постсоциалистических обществ М., ВШЭ (http://www.hse.ru/data/2012/04/10/1251631302/WP17_2012_01_f.pdf).

ческом отношении сами по себе, а в нынешних условиях ещё и связаны с внешним исламским миром.

Для *России* – ситуация, возможно, ещё более драматична, чем для Запада, поскольку здесь возникла неясность своего места в новом глобальном мире, которое необходимо ещё найти и завоевать, возникла неопределённость с цивилизационным самоопределением (в ряде *бывших республик СССР* эта проблема стоит столь же остро).

Локально-цивилизационный уровень и проблемы политического разнообразия. Мы различаем иерархию уровней: глобальный; локально-цивилизационный, субцивилизационный (чтобы отличать Западную Европу от Северной Америки), национальный и более локальный (этнический, территориальный и др.), где единицы нижележащего уровня вложены в единицу вышележащего. Для этого вводится соответствующая система понятий (в литературе эти понятия плохо определены и часто смешивают друг с другом).

Глобальная общность наиболее явно проявляется сегодня в экономическом слое, в экологических проблемах, в информационно-коммуникационной сфере, в ряде общественных движений, но вовлечённые в эти структуры люди и организации пока составляют относительно тонкий «давосский» слой (термин В. Гавела), наиболее сильно представленный в «мировых городах». Под ним довольно чётко наблюдается процесс региональной консолидации на основе локальной цивилизации, сущность которой требует уточнения.

«Локальная цивилизация» у нас представляется структурой: **«социальная общность – (культурное ядро + политическое ядро)»**, состоящей из двух взаимосвязанных частей: *цивилизационной общности* и пары: цивилизационного культурного ядра, которое я буду называть «духовным ядром» и «политическим ядром». «Духовное ядро», содержит центральные *смыслы, идеалы, высшие ценности и принципы* (лишь часть из которых задаётся религией), связанные со смыслом жизни индивида. Это ядро обладает высокой устойчивостью: проходя через ряд социокультурных трансформаций, оно, меняя содержательное наполнение ряда структурных элементов, остаётся собой (например,

римская доблесть проявляется сначала как военная, потом как гражданская, затем как нравственная). «Политическое ядро», содержит базовые принципы отношений в обществе и его институтах (политических и др.), которые на протяжении многих веков задают архетип, проявляющийся в различных формах. Внутри локальной цивилизации часто можно выделить субцивилизации с близкими, но различимыми ценностями и смыслами (например, греческая и римская субцивилизации внутри античной цивилизации, или западноевропейская и американская внутри западной).

Вариантов «*духовного ядра*» значительно больше, они, например, различны для Китая, Индии, Ближнего Востока, Европы. Оно, кроме того, как правило, многокомпонентно и складывается на ранних стадиях формирования «локальной цивилизации», а в дальнейшем его компоненты лишь трансформируются и перемешиваются⁴⁴. Так основные компоненты европейского «духовного ядра» сложились в X–XII вв., где их можно обозначить как «рыцарскую», «бюргерскую» и «церковную».

Исходя из этой системы понятий, царскую и советскую Россию можно определить как гибридную субцивилизацию. В сфере высокой культуры, по «культурному ядру» Российская империя с XVIII в. принадлежала западной цивилизации, тип этой принадлежности, как и США можно обозначить как западная субцивилизация. Но по «политическому ядру» она принадлежала к приказному незападному типу. То же, несмотря на железный занавес и идеологическое противостояние Западу, можно сказать и про СССР («новая историческая общность – советский народ», которая во многом действительно состоялась), многое унаследовавший из российской высокой культуры (особенно ярко это наследие стало видно в культуре в постсталинское время). Восточные влияния в сфере высокой культуры здесь были не больше, чем в Европе. Сейчас ситуация во многом та же, но в силу уменьшения ресурса (демографического и экономи-

⁴⁴ *Многокомпонентность не противоречит гомогенности.* Даже в средние века представители различных сословий (священники, торговцы, художники, учёные и студенты, и многие другие) часто перемешались в пределах всей Европы, тем более легко это делали их идеи.

ческого) нынешней Российской Федерации в условиях современной глобализации его может не хватить на то, чтобы выступать в качестве субцивилизационного субъекта.

Отсюда возникает старая тема евразийства, Евразии как особой цивилизации. Евразия как географическое и историко-политическое (в рамках Российской империи и СССР) понятие более-менее чётким. Что же касается Евразии как особой цивилизации, то здесь можно выделить несколько проектов. Один принадлежит евразийцам-эмигрантам 1920-х гг. В центре его стоит государство приказного типа, причём один из идеологов этого проекта князь Николай Сергеевич Трубецкой в качестве примера для подражания рассматривал фашистскую Италию Муссолини. Не могу сказать, что этот образец вызывает симпатию. В качестве второго варианта евразийства я выделяю более туманный этноцентрический проект Льва Гумилёва, где в центре оказываются те же степные кочевые и полукочевые народы.

Сегодня эти проекты, с доминированием первого (от Л. Гумилёва берётся, в основном, идея пассионарности), представляют неоевразийцы. Неоевразийство представляет (позиционирует) себя как путь выхода из современного духовного кризиса, связанного с воцарением потребительской идеологии и потери «духовной вертикали». Как утверждает официальный сайт этого движения, «Неоевразийство теоретически состояло в *возрождении классических принципов* этого (евразийского – А.Л.) движения на качественно новом историческом этапе и в превращении этих принципов в основу *идеологической, мировоззренческой и политической программы*». При этом «фундаментализируется апелляциями к идеям «консервативной революции», «третьего пути», учитывается полный опыт «советской», израильской, исламской, «фашистской» идеократий... Критически переосмысливается качественное содержание идеократий XX века». Основу неоевразийства составляет евразийская идея «отвержения Запада», которая «подкрепляется широким арсеналом «критики Запада» представителями самого Запада». Как и старое евразийство, оно исходит из «противопоставления народов Востока народам Запада», как народов «сакрального» и «профанного» начала.

Отметим, что Восток для России-Евразии часто представляют как «функцию Турана», осмысляемую «в терминах сакральной географии и священной истории». С этой точки зрения «глобальная концепция «современного мира» (негативная категория) как антитезы «мира Традиции» (как позитивная категория) придаёт критике западной цивилизации фундаментальный метафизический характер, уточняет эсхатологическое, кризисное, фатальное содержание основных процессов – интеллектуальных, технологических, политических, экономических – исходящих с Запада», в первую очередь, атлантического, т.е. США – лидера «планетарного либерализма».

При этом России-Евразии предназначается «центральное место в авангарде народов всего мира, стремящихся противостоять «глобализации Запада». Это предельная форма универсализации национального мессианства в новых постсоветских терминах» предназначена «патриоту, осознающему свою идентичность геополитически и цивилизационно»⁴⁵. А. Дугин к геополитическим идеям евразийцев 1920-х гг., приписывавших России-Евразии⁴⁶ (и Востоку) принципы традиции, соборности и сакральности, противопоставляемых европеизированной послепетровской Российской империи и Западу, в основе которого видели идеи «эволюции» и «прогресса», индивидуализма, ориентированного на потребительство, добавляет концепции Германа Вирта (1885–1981)⁴⁷, утверждавшего идею «Полярного, Северного происхождения Человечества» («Гиперборейская теория»), идею, которая противоречит современным представлениям о происхождении человечества, основанном на палео-генетических исследованиях последних десятилетий. По сути, А. Дугин создаёт мифоло-

⁴⁵ <http://eurasia.com.ru/vehi4.html>.

⁴⁶ Выступающей как «носитель туранизма, кочевнической имперской психологии, переданной собственно россам тюркско-монгольскими племенами Орды» («Мистерии Евразии», гл. 2).

⁴⁷ Голландско-немецкий учёный и мистик, изучавший древние религии, символы и языки, член Национал-социалистической немецкой рабочей партии, первый руководитель Аненербе – «Немецкого общества по изучению древней германской истории и наследия предков», организации, существовавшей в Германии в 1935–1945 гг., для изучения традиций, истории и наследия германской расы с целью оккультно-идеологического обоснования идеологии Третьего рейха.

гию для неоевразийства. По сути, это проекты, в центре которых геополитика и государство приказного и сословного типа.

В качестве принципиально другого, я бы предложил более социокультурный проект *евразийства как европейской субцивилизации* (аналогичной североамериканской), опирающийся на российский вариант европейской высокой культуры. Этот проект предполагает сложный переход от незападной «приказной» к западной «договорной» системе институтов, основанной на реальной правовой системе. Отмечу, что все развитые страны, включая Японию и Юго-Восточных «тигров» стали правовыми государствами (думаю, что особый интерес для нас представляет опыт Южной Кореи). Этот проект мог бы объединить ряд бывших республик СССР, но для успеха этого проекта Россия (или кто-то другой из его участников, занимающий тогда позицию лидера) должна дать привлекательные социо-культурные образцы. Повторю высказанную выше гипотезу: глобализация стимулирует региональную интеграцию в рамках субцивилизационных общностей, т.е. социо-культурные факторы здесь имеют очень большое значение и прорастают сквозь экономические и политические факторы. В этой логике Евразия как чисто политико-экономическое объединение является недостаточно перспективным проектом.

Проблема цивилизационной мультикультурности. С помощью этой системы понятий можно рассмотреть одну из наиболее сложных проблем в социо-культурной сфере (имеющую свои аналоги и в России), порождённую современным процессом глобализации в Европе – *проблему полицивилизационной мультикультурности*, в первую очередь исламо-европейской мультикультурности. Эта проблема кроется за горестными восклицаниями ряда лидеров западных стран «мультикультурализм провалился».

Для того чтобы понять что стоит за этими словами надо различить два разных явления, которые обычно не различают, надо отличить моноцивилизационную внутриевропейскую «мультикультурность 1» от полицивилизационной исламо-европейской⁴⁸

⁴⁸ Исламо-европейской, а не исламо-христианской, поскольку в «духовном ядре» европейской цивилизации христианство лишь одна из трёх компонент и

«мультикультурности 2»⁴⁹.

Благоприятная почва для первого возникла в развитых странах Запада на фоне существенного роста благосостояния и досуга. «Начиная с конца 1960-х годов, – пишет М. Вевьерка, – производство культурных различий в наших обществах растёт... Чем более модерными или гипермодерными (могут сказать – постмодерными...) являются наши общества, тем сильнее тенденция изобретать различия..., используя культурные материалы, заимствованные из настоящего, прошлого, из обычаев, форм прежнего искусства, истории и т.д.»⁵⁰.

Принципиально важно, что возникающие при этом группы не противопоставляют себя системе либерально-демократических ценностей, а вписаны в неё. Все эти явления (включая споры либералов и коммунитаристов) происходят в индивидуализированном обществе *внутри европейской цивилизации*, в обществе разделяющем идеалы *прав и свобод личности и демократического и светского характера государства*.

Для адекватного понимания качественного различия между описанной выше «мультикультурностью 1» и описываемой ниже новой «мультикультурностью 2» необходимо ещё ввести *четыре* различных *типа* общностей и соответствующих им *индивидуов*: 1) **коллективистский** (не- до- или де-индивидуальный); 2) **индивидуально-прагматический**; 3) **индивидуально-идеалистической**; 4) **коммунитаристской**. *Первые* дополняют себя *идеологиями*, которые могут быть религиозными, националистическими, фашистскими, коммунистическими. Столкновение идеологий ведёт к войнам, примерами которых были религиозные войны XVI в. и мировые войны XX в.⁵¹ *Вторые* отвечают

здесь доминируют светские смыслы.

⁴⁹ Липкин А.И. Проблемы мультикультурных обществ. Межцивилизационный аспект в условиях глобализации. От рисков нестабильности к устойчивому развитию. Часть II. Дилеммы мультикультурализма и национализма. М., 2011. С. 7-23.

⁵⁰ Вевьерка М. Формирование различий. Социс. Социологические исследования. Научный и общественно-политический журнал. М., Наука, 08/2005. № 8. С. 18-19.

⁵¹ Первая мировая война была подпитана национализмами, вторая – фашизмами, к ним можно добавить холодную войну, связанную с противостоянием коммунизма и антикоммунизма.

эгоистическому индивидуализму (часто гедонистическому), близкому тому, что часто называют «индивидуалистическим», в котором индивиды связаны в общество прагматическими интересами (поэтому общество в таком состоянии неустойчиво и либо возвращается в первое, либо прорывается в третье). *Третьи* отвечают индивиду, ориентирующемуся в своей жизни на идеалы, которые направляют индивидуальное развитие (в отличие от норм, они предполагают «зазор» с реальностью, это поздний продукт культуры (продукт «осевого времени» К. Ясперса), а в отличие от идеологии, предназначены не коллективу, а индивиду). *Четвёртые* отвечают малой группе («друзей») внутри индивидуализированного общества, объединённых некоторой субкультурой. Представители различных западных (европейских) наций образуют в чужой стране подобные коммуитаристские группы. Т.е. *инонациональные* включения, в отличие от *иноцивилизационных*, о которых речь ниже, не проблематизируют основные западные ценности. Т.о. вместо популярной дилеммы «коллективистский – индивидуалистический» надо рассматривать указанные выше четыре типа.

В этих понятиях современных либералов (особенно после «Теории справедливости» Дж. Ролза), являющихся оппонентами западных «коммуитаристов»⁵², следует относить не ко второму, а к третьему типу. В ходе исторического развития цивилизационных общностей часто можно наблюдать последовательный переход от первой к третьей⁵³, что указывает на то, что степень индивидуализации является характеристикой внутрицивилизационного процесса, а не сущностной характеристикой цивилизации в целом.

Теперь можно обратиться к анализу качественного изменения *мультикультурности* в Европе к 2000-м гг. Здесь *возника-*

⁵² Кимлика У. Современная политическая философия. Введение. М., ГУ ВШЭ, 2007.

⁵³ В древнегреческой культуре первым трём фазам отвечают: а) коллективное служение «государственным» (олимпийским) богам и ориентация на традицию; б) ориентация на личное наслаждение независимо от добродетели; в) ориентация на приобщение к миру идей во главе с идеей *блага*, необходимым условием чего является (согласно Платону) следование добродетели. [Липкин А.И. «Духовное» и «политическое» «ядра» «локальной цивилизации» и их столкновение в истории России. 2012. Препринт WP17/2012/01 2012 а].

ет новый тип мультикультурности, что приводит к принципиально другой ситуации и проблемам другого уровня. Источником этих проблем стала массовая иммиграция из исламского мира, вызванного новой фазой процесса глобализации. По сути, речь идёт о процессе *«глобальной урбанизации»*, где развитые страны играют роль города, а слаборазвитые – деревни. В результате соответствующего этому процессу переселения, внутри западных обществ, особенно в мегаполисах, образовались компактные скопления бедных иноцивилизационных (по происхождению) масс, с повышенным репродуктивным потенциалом, которые *во втором-третьем поколении* (т.е. в современной Европе) порождают острые проблемы.

Дети и внуки иммигрантов первой волны сравнивают своё положение с положением окружающего населения развитых стран (при этом они ориентируются в своей массе на стандарты потребления, а не труда и образования). В результате возникает *взрывоопасная масса недовольной экономически и социально обделенной молодёжи*. Это напоминает положение пролетариата в XIX в., и приводит к того же типа коллективной консолидации, которая создаёт запрос на коллективистскую идеологию, в качестве которой и выступает ислам в фундаменталистской редакции, т.е. редакции весьма агрессивной. В итоге появляются *сообщества, не придерживающиеся либерально-демократического консенсуса*, о котором говорилось выше, сообщества с коллективистской идеологией, где жизнь индивида ценится низко.

Главные причины несовместимости этих общностей с культурой и институтами Запада, если и когда они образуются, состоят в их *коллективизме* (который следует отличать от коммунизма) и *иноцивилизационности*. При этом ни развитый Запад не может прекратить поток иммигрантов (впрочем, это, возможно, уже поздно, даже, если бы было возможным), ни исламский мир изолировать себя от «тлетворного», с его точки зрения, культурного влияния Запада. Старые средства изоляции здесь не работают из-за наличия современных СМИ, транспортной доступности, демократических законов. Иноцивилизационность делает эту проблему нелокализуемой в границах государств, глобальной. Принципиальная разница между этим и пре-

дыдущим этапом мультикультурности состоит в том, что раньше меньшинства не претендовали ни на то, чтобы стать большинством, ни на то, чтобы диктовать другим свои порядки.

Со стороны европейской общественности имеют место две основных противоположных реакции на эту «мультикультурность 2». Либералы, проповедующие толерантность и политкорректность, смотрят на эту новую «мультикультурность» так же как на описанную выше внутризападную мультикультурность, игнорируя её агрессивность, коллективистскую антилиберальность и претензии меньшинства на то, чтобы стать большинством. А для «новых левых» иммигранты из третьего мира воспринимаются чуть ли не как авангард борьбы с буржуазией за светлые идеалы свободы и справедливости.

Правые консерваторы, наоборот, видят в них угрозу западным идеалам (не без основания)⁵⁴. В результате здесь образуется положительная обратная связь: настроения правых ведут к «новому расизму»⁵⁵, увеличивающему *экономическую и социальную обделённость* исламской (по происхождению) молодёжи. В результате возникает порочный круг: экстремизм меньшинств способствует росту расизма в среде большинства, приводящий к росту экстремизма меньшинств, и этот круг очень

⁵⁴ К этому добавляется тема «нахлебничества», ибо выступая против базовых западных ценностей, иммигранты пользуются благами социального общества (в виде пособий, льгот и т.п.), позволяющими многим из них не работать. При этом они используют не только социальные блага развитых стран, но и принципы толерантности, политкорректности и мультикультурализма, которые, как я пытался показать выше, были предназначены для индивидуализированного либерально-демократического общества.

⁵⁵ «Рост культурных идентичностей... неотделим от другого феномена – развития в том же историческом контексте *обновлённых форм расизма*, по крайней мере, в Западной Европе и Северной Америке... До 1960-х и даже 1970-х годов расизм считался наследником идеологий, созданных в прошлом. Он подчёркивал существование (реальное или воображаемое) физических особенностей (цвет кожи, тип волос, форма головы и т.д.)... Но когда возникла проблема различий в культуре, расизм, со своей стороны, изменился, став, по словам специалистов, «новым» расизмом... в Великобритании, «культурным» или «дифференцирующим» расизмом во Франции..., «символическим» расизмом... в США ... Этот новый вид расизма описывает свои цели и жертвы как культурно отличные и, безусловно, принципиально неспособные интегрироваться в общество, разделять ценности доминирующей группы». Вевьерка М. Формирование различий. Социс. Социологические исследования. Научный и общественно-политический журнал. М., Наука, 08/2005, № 8. С. 15-16.

сложно разорвать⁵⁶.

Здесь видятся несколько путей решения указанных проблем. Во-первых, это социальные программы, направленные на помощь в вытаскивании молодёжи в более высокие и престижные социальные места, создавая различные преференции (похожие на то, что в США делают по отношению к афроамериканцам). Второй путь – развитие «европейского ислама», т.е. версии ислама, совместимой с светским, правовым демократическим западным обществом, что, в силу наличия шариата, требует по сути его реформирования⁵⁷. Третий путь – конкуренция с фундаменталистами на поле культуры, восстановление духовной «вертикали» в Западном обществе, т.е. решения той проблемы, о которой уже больше века (наверное с конца, если не середины XIX в.) твердят многие западные философы и гуманитарии, говоря о «духовном кризисе Запада».

Что касается четвёртого пути – растворения всех цивилизаций внутри единой глобальной цивилизации, то если обратиться к иерархии: этнос, нация, субцивилизация, цивилизация, глобальный мир, и посмотреть на историю народов и государств, то можно заметить, что если сформировалась культура данного уровня, то объединённая культура возникает лишь на следующем уровне. Поэтому глобализация вряд ли ведёт к исчезновению цивилизационного многообразия в единой культуре, она не противоречит многообразию культур, взаимное обогащение которых происходит в ходе их взаимодействия (взаимодействие культур, по-видимому, похоже на взаимодействие языков, где обогащение идёт через заимствование элементов, но такое заим-

⁵⁶ «Культурное различие никогда, ни при каких условиях нельзя отделить от набора социальных проблем, от несправедливости, неравенства, упадка, но также и эгоизма преуспевающих категорий населения...» Вевьерка М. Формирование различий. Социс. Социологические исследования. Научный и общественно-политический журнал. М., Наука, 08/2005, № 8. С. 15.

⁵⁷ Здесь сложной проблемой является отношение к женщинам и браку. Что касается последнего, то в свете установившейся в западном обществе после сексуальной революции 1960-х свободных нравов и после современной кампании признания однополых браков не так уж безумно выглядит узаконение и многожёнства и многожества, т.е. выведение выбора формы брака в приватную сферу. Возможно, на том же принципе – вынос в сферу частного выбора – можно снять и другие правовые межцивилизационные антагонизмы. Думаю, что лидером здесь окажется Великобритания.

ствование, как правило, не ведёт к образованию единого языка). Однако возможно образование ещё одного нового культурного слоя – глобального, и похоже, что это происходит, наиболее яркий пример – Интернет.

Итак, можно выделить регион, включающий Европу, Ближний Восток и Россию, который в древности образовывал околосредиземноморский культурный узел, затем входил в эллинистический мир, а в средние века выделялся как регион монотеистических «религий Книги» (все три мировые религии этого региона признавали «Ветхий Завет») и античного наследия (во всём регионе был высок авторитет античной философии в лице Аристотеля и Платона), вследствие чего здесь возникла общерегиональная философия – схоластика, использовавшая аристотелевскую логику для рассмотрения общих для них проблем соотношения веры и разума и природы универсалий. Для этого региона центральной социо-культурной проблемой «эпохи больших перемен» является разрешение конфликта между коллективистскими и индивидуализированными сообществами и между исламскими религиозными и европейскими светскими высшими ценностями⁵⁸. Эта проблема напоминает ту, что возникла в Европе в эпоху Реформации и породила период кровопролитных религиозных войн XVI в.

Европа нашла выход из этого конфликта на пути следования светским принципам веротерпимости, ценностного плюрализма, предполагавшего вынесение вопроса о конкурирующих ценностях и смыслах, в первую очередь религиозных, в частную сферу, сферу выбора индивида, что предполагало индивидуализированное состояние общества (т.е. не коллективистское, а сочетание трёх других типов (форм)) и достаточно мощную общую публичную сферу, состоящую из светского права и порядка в жизни и экономической деятельности, светских образования и культуры, в первую очередь высокой, национальной истории и общего интереса в международной сфере. Альтернативой этому была война на уничтожение (или насильственное подчи-

⁵⁸ Два других цивилизационных узла – китайский и индийский имеют свои главные проблемы, не связанные с Западом, в том числе и межцивилизационные (для Индии – индуско-исламский).

нение), с которой, как с более простого средства, всё и началось. Ситуация с Аль-Каидой, Афганистаном, Ираком, израиле-палестинским конфликтом (по крайней мере со стороны палестинцев) тяготеет к этой военной альтернативе, это вариант «религиозных войн». Это тот вариант, которого придерживаются фундаменталисты (и культурные неорасисты) всех сторон. Опасность развития этого варианта, чреватого очередной мировой войной, сильно возрастает вследствие невероятной развитости военных технологий, которые становятся доступными для всё более мелких групп. Идея «диалога цивилизаций» возникла как альтернатива этому, но она работает, в первую очередь, на уровне индивидов и индивидуализированных обществ. В истории исламских стран нетрудно найти мощные индивидуализированные высокие культуры и опыт веротерпимости, нынешняя ситуация – результат конфронтации (напоминающей переход из XV в. в XVI в. в Европе), в которой, с точки зрения Ирана и других исламских стран, одной из форм агрессии со стороны Запада является культурно-информационная агрессия. Идущие с запада информационные потоки «являются средством навязывания и господства чужой культуры и политики, а также пропаганды общества потребления», они разлагают местные ценности и культуры. Поэтому уход со стороны Европы от ценностей «общества потребления», являющихся по мнению многих проявлением внутреннего кризиса Европы, сильно разрядил бы этот конфликт.

Если проблема ценностного плюрализма будет решена в этом регионе, а затем и в других, то тогда провозглашённые благородные принципы «программы устойчивого развития» приобретут новый адекватный ей фундамент. Ибо пока, положенные в его основу приоритеты и принципы: «самым ценным на земле являются люди», «человек имеет основное право на свободу, равенство и благоприятные условия жизни», «основные права человека», включая «право на саму жизнь», признаются не всеми обществами и не всегда, и возможно необходим длительный процесс «политической толерантности» по отношению к «приказным» системам и «коллективистским» сообществам.

ОЖИВЛЕНИЕ СЕПАРАТИСТСКИХ ТЕНДЕНЦИЙ

В ряду наиболее актуальных тем международной жизни конца 2012 г., после кризиса зоны евро и трагических событий на Ближнем Востоке, безусловно, привлекает внимание оживление сепаратистских настроений в отдельных европейских государствах. Представители этого сегмента партийного пространства Старого Света добились заметных успехов на выборах в местные органы власти испанской Каталонии и бельгийской Фландрии. Лидеры шотландских сепаратистов вынудили Лондон обсуждать с ними вопрос проведения референдума о независимости этой части Соединённого Королевства. После развала кабинета Берлускони бывший партнёр Сильвио по коалиции – сепаратистская Лига Севера – вновь стала заявлять о нежизнеспособности нынешнего итальянского государства.

Всплеск активности сепаратистов можно рассматривать с точки зрения внутривнутриполитической ситуации в соответствующих государствах. Однако специфические страновые нюансы нельзя отделить и от общей социально-экономической и финансовой нестабильности в странах Евросоюза. Нельзя сбрасывать со счетов и глубинные исторические корни такого внутренне противоречивого явления, как европейский сепаратизм.

Сепаратизм в ряде государств Старого Света исторически порождён конфликтом этнонациональных, конфессиональных, культурно-обособленных меньшинств с политикой представителей титульных наций, ограничивавших их суверенные права. Накладывая эту кальку на Великобританию, мы увидим, что шотландский сепаратизм проистекает из некогда очевидного равновесия на территории нынешней Великобритании двух царствовавших до объединения в 1707 г. династий – английской и шотландской. Шотландцы никак не могут смириться с тем, что сегодня они являются лишь регионом в тени Англии. Иная причина коренится в североирландском сепаратизме, основой

* Швейцер Владимир Яковлевич, д.и.н., рук. Центра партийно-политических исследований ИЕ РАН.

которого, после образования Ирландской республики, было стремление католиков северной части острова объединиться с его большей, независимой от англичан-протестантов частью.

Во второй большой сепаратизмом точке Европы также исторически наличествуют две недовольные своим положением области – Каталония и Страна Басков. Население этих частей Испании всегда страдало от принижения центром их национальных, культурных и языковых особенностей. При диктатуре Франко произошла полная унификация – лишение каких-либо региональных прав каталонцев и басков. Они были восстановлены лишь после состоявшегося во второй половине XX в. перехода страны к демократическим формам правления. Очевиден и экономический фактор – хозяйственный подъём Каталонии, дающей сегодня пятую часть национального ВВП. Схожая с испанской ситуация принижения суверенных прав меньшинства имела место в Бельгии, где вплоть до середины XX в. была очевидна гегемония франкоязычной Валлонии над нидерландоязычной Фландрией. Долгие годы фламандцы были в политическом отношении младшим партнёром валлонов. Ситуация изменилась после того, как фламандцы численно превзошли валлонов, а экономический потенциал Фландрии стал решающим фактором бельгийской хозяйственной жизни. Экономика является альфой и омегой сепаратистов Севера Италии, считающих, что эта индустриально развитая часть страны является кормилицей коррумпированного центра Италии и особенно экономически депрессивного и мафиозного юга.

Проблема острого противоборства части населения вышеобозначенных государств с центральной властью не ограничивается лишь вышеперечисленными странами Европы. В последнее время периодически заявляют о своих суверенных от Дании правах жители Гренландии и Фарерских островов. Свои проблемы, прежде всего в сфере культурно-национальной и языковой автономии, у турок в Болгарии, у венгров в Румынии и Словакии, у русскоязычного меньшинства в странах Балтии. Правда, здесь программой-максимум являются вопросы удовлетворения прав меньшинств в рамках существующих государств, а не отделение от них либо присоединение к странам с этниче-

ски и лингвистически однородным им населением.

Ещё совсем недавно некоторая часть европейских сепаратистов использовала вооружённые методы борьбы. Вспомним хотя бы столь характерные для последней трети XX в. действия Ирландской республиканской армии (ИРА) в Ольстере (Северная Ирландия) или террористические вылазки баскской ЭТА. Наконец, нелишне упомянуть и о террористических актах на Корсике теми, кто не готов сохранить средиземноморский остров в составе Франции.

Сегодня эти крайние меры сепаратистского свойства являются лишь слабыми отголосками того, что имело место в недавнем прошлом. Умеренное крыло сепаратистских сил, представленное партиями и движениями, популярными в соответствующих регионах Европы, встало на путь переговоров с центральными властями, добившись при этом положительных для себя результатов. Лейбористское правительство Великобритании предоставило шотландцам и североирландцам право созыва региональных парламентов с достаточно широким кругом полномочий. Сепаратисты Каталонии добились от центра конституционно оформленного права считать их родину особым субъектом Испанского королевства. В переговорах между лидерами сепаратистов и Мадридом наметился прогресс в вопросе о проведении референдума как начального этапа к возможному образованию самостоятельного каталонского государства. На путь переговоров с такой же целью стали политические лидеры Страны Басков. ЭТА открыто заявила о прекращении вооружённой борьбы; приступила к самороспуску и североирландская ИРА.

В целом, политические силы зоны сепаратистской активности в Европе готовы добиваться своих целей методами демократического диалога, не отказываясь при этом от таких форм сопротивления, как массовые акции протеста, забастовки регионального масштаба, использование в своих целях средств массовой информации и интернета.

Встав на путь достижения своих целей, лидеры сепаратистов не могут не учитывать достаточно призрачные шансы на то, что русские большевики в 1912 г. весьма неосторожно назвали «правом нации на самоопределение, вплоть до отделения».

Прежде всего, далеко не всё население соответствующих зон сепаратизма готово отказаться от имеющейся государственности ради весьма неясной перспективы обретения «новой родины». Последние опросы общественного мнения в Каталонии и Шотландии свидетельствуют, что у сепаратистов нет устойчивого большинства в случае проведения референдумов. Кроме того, процедура выхода из, соответственно, Испании и Великобритании предполагает согласие на это других субъектов данных федераций, в том числе и национальных парламентов. Последнее слово скажут и монархи. В частности, бельгийский король Альберт II неоднократно заявлял, что он не готов к саморазрушению Бельгии. Сепаратистов заставляет призадуматься и экономическая составляющая раскола. Ведь желаемое ими новое государство враз лишится экономических связей, которые они имеют в границах нынешних государств. Показателем и резкий спад настроений в пользу воссоединения с Ирландией у ольстерцев. Последние отдают себе отчёт в том, что желаемая ими родина является сегодня одной из слабейших частей Европы в экономическом и финансовом отношении.

Неясен и вопрос с суверенизацией природных богатств новообразований. В частности, власти Великобритании чётко заявили, что нефть в шотландском шельфе Северного моря не может стать в полном объёме собственностью Эдинбурга.

Существенным тормозом на пути сепаратистов является позиция Евросоюза. В новой редакции его Конституции чётко зафиксировано, что новообразованные страны не становятся членами ЕС автоматически, а обязаны вновь пройти всю, как показывает практика новичков из Восточной Европы, многосложную процедуру обретения полноправного членства. Сходную позицию относительно новичков занимает и НАТО. Наконец, перманентный кризис еврозоны, нарастающие инфляционные процессы, увеличение числа безработных, практически неконтролируемый рост числа иммигрантов из беднейших стран мира, нерешённые экологические и энергетические проблемы – всё это и многое другое заставляет сепаратистов более трезво оценивать свои шансы.

Не отказываясь от независимости как конечной цели, они

рассчитывают сегодня на решение программы-минимум: получение ещё больших, чем прежде, уступок со стороны центральных властей, прежде всего в плане экономической поддержки регионов, ещё большего развития системы самоуправления, укрепления культурно-языковой идентичности в зонах сепаратистской активности.

*Т.Б. Ситников**

ЭТНО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ

Следует учитывать, что в современных подходах к анализу динамики социально-экономических и национальных отношений, порождённых ростом иммиграции и связанными с этим феноменами, отчётливо вырисовываются разные, если не противоположные тенденции (концепции).

С одной стороны, это реакция тех учёных (экономистов, демографов и др.), которые считают рост интенсивности миграционных потоков естественным атрибутом глобализационных процессов, более или менее трезво оценивают последствия явного постарения населения Европы и перспектив длительной нехватки самых подготовленных кадров – учёных, инженеров, работников высшей квалификации. В данной связи подчёркивается, что приезд иммигрантов-специалистов и способной иностранной учащейся молодёжи могут внести впоследствии в целом ощутимый позитивный вклад в дело экономического и научно-технического прогресса в цитаделях Старой Европы. На такие возможности указывается, например, в ряде документов ЕС, ОЭСР и иных организаций. А с другой стороны, с некоторых пор заметно стали усиливаться критические и алармистские настроения. Они особенно подогреваются право-националистическими политиками (включая последователей известного британского консерватора Эноха Пауэлла, современных французских сторонников М. Ле Пен, других правых радикалов). Этому феномену посвящён уже, как известно, целый ряд публикаций⁵⁹.

* Ситников Тимур Борисович, соискатель Института Европы РАН.

⁵⁹ Можно в данной связи упомянуть, в частности, о нашумевшей на Западе

Так или иначе, почти по общему признанию, иммиграция стала одним из серьёзных факторов обострения и социально-экономических, и политических, и морально-психологических проблем в ряде европейских стран. Особенно большое беспокойство вызывают последствия нелегальной иммиграции, основные потоки которой накатываются из Северной Африки и Ближнего Востока.

В целом динамика миграции – наряду с общими для Евросоюза характерными чертами – имеет в разных странах некоторые отличительные черты.

Таблица 1

Динамика иммиграции (по отдельным странам)

Страна/годы	1990	1995	2000	2005	2010
Германия	5936181	8991806	9980722	10597895	10758061
Франция	5897267	6085004	6278718	6478599	6684842
Великобритания	3716271	4190617	4789678	5837750	6451711
Италия	1428219	1723412	2121688	3067656	4463413
Испания	829705	1041191	1752869	4607936	6377524
Бельгия	891537	915535	879018	882080	974849
Нидерланды	1191634	1386709	1585420	1735428	1752869
Швеция	777571	905628	992623	1112917	1306020
Греция	412093	549118	731706	975005	1132794

Источник: «International Migration 2009» U.N., Department of Economic and Social Affairs, Population Division.

Источники пополнения рядов мигрантов варьировались. Большинство покинувших родину, например, турок – более 2 млн в начале XXI столетия – стремилось попасть в Германию или в Нидерланды; а среди иммигрантов, приехавших во Францию, Италию, Бельгию, преобладали в основном выходцы из Марокко, Алжира, Туниса.

Значительно бóльшей неоднородностью отличается структура иностранного населения современной Испании (которая сама ещё не так давно, в XX в. была страной, характеризовавшейся весьма многочисленной эмиграцией). Новый облик пост-франкистской Испании, серьёзные сдвиги в её экономическом и политическом развитии стали привлекать в страну растущее число

книге К. Колдуэлла «Reflections on the Revolution in Europe. Immigration, Islam and the West». L., 2009. P. 4-7, 120. См. также в работах и обзорах О. Потёмкиной, И. Цапенко, Т. Кондратьевой, И. Новожёновой и других авторов.

иммигрантов из самых разных регионов мира. Они сюда приезжали в основном из трёх групп государств: из латиноамериканского региона (до трети всех иммигрантов); из других стран Европы (свыше 34%); и из Африки и Южной Азии (около 30%). Из Латинской Америки (по новейшим данным Центра иберийских исследований ИЛА РАН) наибольшее число зарегистрированных иммигрантов прибыло в Испанию из Эквадора, Колумбии, Боливии, Аргентины, Перу, Бразилии, Парагвая, Уругвая, Чили. Немалое количество иммигрантов въехало в Испанию в последние годы из таких балканских и восточноевропейских стран, как Румыния, Болгария, Польша, Украина.

Сравнительная динамика миграционных потоков по разным субрегионам западноевропейского ареала выглядела к 2010 г. следующим образом (см. таблицу 2).

	2010 г. (млн)	% по всему населению %
Южная Европа (включая Испанию, Италию, Грецию, Португалию, Мальту и др.)	14,6	9,5
Северная Европа (Великобритания, Дания, Норвегия, Швеция и т.д.)	10,5	10,0
БЕНИЛЮКС, центрально-континентальные и альпийские стран (в т.ч. Германия, Австрия, Франция, Бельгия, Люксембург, Лихтенштейн).	23,4	12,4

Многие авторы связывают новые волны иммиграции в основном с этно-конфессиональными процессами, отмечая рост мусульманского влияния в мире.

Другие больше пишут о последствиях демографического взрыва в незападных странах. Ведь за минувшие полвека общая численность населения крупнейших мусульманских государств (Турции, Египта, Нигерии, Пакистана, Индонезии, Бангладеш) увеличилась более чем втрое. А к 2050 г. ожидается его прирост ещё почти на полмиллиарда людей. Как обеспечить занятость для быстро растущих здесь молодых поколений? И сегодня, и в будущем их больше всего привлекают и будут привлекать, как справедливо подчёркивают западные исследователи, «рынки труда в тех развитых европейских и других государствах, где население стареет». Молодых иммигрантов, особенно из регионов, страдающих от массовой безработицы (например, из стран Америки, Юго-Восточной Азии) привлекает в Европе и вообще

на Западе возможность получения работы, в частности, из-за наличия там доступных вакансий для людей физического труда (включая сельскохозяйственных рабочих, водителей, привратников, охранников, нянь, сантехников и т.д.). Это во многом определяет нынешние и будущие «высокие уровни иммиграции из развивающихся в развитые районы мира»⁶⁰.

Общая численность мусульманского населения в западноевропейском ареале, по имеющимся оценкам, превысила 20 млн человек.

Новые масштабы стала принимать миграция из ряда североафриканских стран после недавних революционных событий «арабской весны»⁶¹. Отношение в Европе к приезжим из-за рубежа бывает неоднозначным.

Бесспорно, у значительной части коренных жителей европейских стран рост миграции мусульман и других иностранцев (тем более – нелегальной) вызывает зачастую негативную реакцию. Особенно такие настроения стали усиливаться в странах Европы с расширением там масштабов безработицы и обострением проблем занятости в условиях развёртывания глобального финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. и его последствий. В ряде публикаций преобладают предостережения относительно усиления угроз общественной стабильности и в целом нарастания потенциала конфликтности в разных странах из-за притока иммигрантов.

И в то же время нередко звучат голоса в пользу поисков путей содействия их адаптации в новых условиях, более внимательного изучения их положения, позитивного решения, в той или иной форме, проблем их интеграции, принятия для этого соответствующих мер в экономической, культурно-образовательной, политико-законодательной сферах.

Система таких мер рассматривалась как национальными и местными властями, так и «транснациональными» учреждения-

⁶⁰ См., в частности: Jack A. Goldstone. «The New Population Bomb. The Four megatrends that Will Change the World». «Foreign Affairs». Vol. 89, № 1, January-February 2010. P. 36-37.

⁶¹ Подробнее об этом см., например, сводные данные, которые приводятся в изданной недавно под руководством ак. А. Васильева книге «Рецепты Арабской весны». М., 2012. С. 282-300.

ми Евросоюза. Разные органы ЕС и представители правительств стран-членов Евросоюза инициировали ряд широких дискуссий по этой и смежной проблематике. Не раз ставился вопрос об изменениях в законодательстве по вопросу о правах мигрантов и одновременно – об ужесточении мер в отношении нелегальных мигрантов.

Так, в Германии правительством реформировано Закон о натурализации. В результате были значительно облегчены возможности получения немецкого гражданства для иностранцев, проживших в Германии не менее 8 лет, и для их детей. Аналогичные или схожие законодательные акты были приняты и в других европейских странах.

Надо сказать, что этим и смежным вопросам посвящено немало исследований, где анализировались основные исторические волны и потоки иммиграционных перемещений в разных районах мира, в том числе из Европы и в европейские страны. Ряд авторов (например, С. Кастл, Я. Лукассен, Ю. Квашнин, С. Михайлов и др.) акцентировали при этом внимание на социально-экономической роли иммиграции, рассматривая сдвиги в структуре наёмной рабочей силы, последствия её интернационализации и т.п.

По мере расширения процессов глобализации и новой фазы в развитии «индустрии знаний» многие социологи, экономисты, правоведы (среди них Дж. Арриги, Д. Хёрбер, Б. Силвер, Ким Муди, М. ван дер Линден, Б. Лаубенталь) стали больше заниматься выявлением изменений в положении разных слоёв населения, сравнительным изучением их настроений и требований в меняющихся условиях, как и обсуждением необходимых мер с целью модификации иммиграционной политики⁶².

Некоторые трубадуры неоконсерватизма стали писать о притоке иммигрантов в страны ЕС чуть ли не в панических тонах, предрекая в данной связи неминуемый «упадок Европы».

⁶² См.: Dirk Hoerder. «Cultures in Contact: World Migration in the 2nd Millennium». (Univ. Bremen, in Germany). Idem. «European Migrants: Global and Local Perspectives» (ed.). *New Left Review*, 27, 2004. Beverly Silver. «Forces of Labor». Cambridge University Press. 2003. P. 142-143, 173. Barbara Laubenthal. (Ruhr – Univ. Bochum). «Two steps forward, one step back. Recent trends in German migration policy». 2008.

Такие настроения сквозят, в частности в книге Уолтера Лакера «Последние дни Европы. Эпитафия по старому континенту». (Один из разделов её посвящён «евро-исламу», другой – «исламистскому насилию в Европе», третий – общим последствиям миграции и т.д.). Алармистские выводы автора этой книги, по мнению Н. Фергюсона звучат почти как «эпитафия не только Европе, но и всей человеческой цивилизации⁶³».

Как на страницах ряда изданий, так и с парламентских трибун представители правых партий нередко выступали и выступают с призывами ввести новые ограничительные меры в отношении мигрантов. Такие речи особенно характерны для лидеров правых националистов во Франции. Сходные взгляды и позиции не раз озвучивали некоторые лидеры консерваторов в Великобритании, в том числе – и в ходе предвыборной кампании 2010 г.

Негативное влияние ислама на общество, несовместимость западных и мусульманских ценностей неоднократно подчёркивались известными правыми политиками в Нидерландах, Бельгии, Австрии, других странах⁶⁴.

Одно из важнейших направлений противостояния разных сил в современном мире – это их деятельность на местном – локальном и региональном – уровне. Неслучайно именно здесь сильнее сказываются происходящие сдвиги во влиянии тех или иных партий, социальных движений, разных организаций, групп интересов.

Так, в странах и некоторых регионах в последние годы местные власти (в частности, муниципалитеты), стремятся играть активную роль в усилиях по формированию совместных подходов к проблемам миграции и политики сотрудничества в данной области. Эти власти стараются повысить свою осведомлённость о местных аспектах миграции, в том числе, которые создают бо-

⁶³ Walter Laqueur. «The Last Days of Europe. Epitaph for an old continent». St Martin Press, N.-Y., 2007. P. 21-106; а также см. в: R. Koopmans and P. Statham. «Migration, Ethnic Relations and Xenophobia as a Field of Political Contention». In: «Challenging Immigration and Ethnic Relations Politics: Comparative European Perspectives». Oxford University Press, Oxford, 2000. P. 13-56.

⁶⁴ C. Roggeband and R. Vliegenthart. Divergent Framing: The Public Debate on Migration in the Dutch Parliament and Media, 1995-2004. In: «West European Politics». Vol. 30, № 3. May 2007. P. 524-548.

лее прямые связи между территориями её происхождения и назначения. Они стремятся реагировать на новые местные взаимодействия, устойчивые связи, помогающие соединить частную миграцию и развитие «здесь, там и между ними». При этом основные усилия, предпринимаемые в контексте миграции могут быть сгруппированы по следующим направлениям: формирование экономических схем, с учётом производственного оборота; планы найма сотрудников; проекты развития общин; проблемы содействия денежным переводам мигрантов.

Этими вопросами занимаются представители муниципалитетов, провинций, регионов, а также и самих ассоциаций мигрантов. Ряд иных неправительственных организаций и частного сектора проявляют готовность к «децентрализованному сотрудничеству» и партнёрскому подходу.

Например, когда речь идёт о создании транснациональных экономических схем, в которых мигранты могут выступать в роли посредников или прямых участников (инвесторов) в осуществлении проектов, то целью является, прежде всего, содействие реализации проектов, направленных на стимулирование производственного оборота мигрантов в данном случае они могли бы помочь путём инвестирования капитала мигрантов в страны их происхождения. Этому способствуют и стажировки мигрантов в малых и средних предприятиях регионов прибытия; их обучение, техническая помощь и небольшие кредиты для реализации проектов по запуску предприятий-мигрантов (некоторые из них – по развитию торговли со страной происхождения или туристические агентства).

Эти проекты являются более успешными, если они основаны на точном отборе бенефициаров. Такие мероприятия облегчают мигрантам доступ на рынок, содействуя расширению связей между странами происхождения и назначения.

Рассмотрим, в частности, схему на примере итальянского региона Эмилия-Романья. Власти этого региона – при поддержке компании «Nextia» и консорциума производственных кооперативов региона – профинансировали проект, направленный на освоение марокканцами местного сельскохозяйственного сектора, а также на интернационализацию кооперативов Эмилия-

Романья. Этот проект особенно интересен тем, что он нацелен на создание комплексного производственного и коммерческого пространства между областью Хенифра в Марокко и фруктово-овощным районом Эмилии-Романьи.

В то же время повышаются роли мигрантов в качестве агентов развития. В ходе первого этапа, проекту способствует сеть кооперативов по переработке биологических продуктов. Сеть формируется путём создания новых структур (также – открытия местных отделений итальянских кооперативов) и укрепления старых. В то же время торговые соглашения с Италией, будут одобрены. В ходе второго этапа марокканские иммигранты из числа сезонных работников (многие из которых уже работали на итальянских кооперативах несколько сезонов), могут обучаться на местной сельскохозяйственной технике, и вернуться, нанятые в качестве квалифицированных рабочих в сетевые кооперативы. Не исключено, что некоторым из них будет оказана помощь в деле создания их собственных кооперативов – внутри общей сети.

Способы отбора и подготовки рабочей силы для реализации таких проектов в странах происхождения осуществляются одновременно в нескольких регионах Италии. Так, в Модене, и некоторых других муниципальных образованиях осуществили некоторые целевые проекты для найма иностранных рабочих (в частности, в сфере здравоохранения).

Возможности для поддержки проектов общинного развития зависят в немалой мере в основном от самоорганизации потенциала мигрантов. Инициативы по общинному развитию в Италии осуществляются посредством децентрализованного сотрудничества между ассоциациями мигрантов и местными учреждениями.

Местные власти ряда стран Средиземноморского бассейна стали активнее играть роль посредников в сотрудничестве с мигрантами, для лоббирования их интересов в банках, оказания им содействия в доступе к финансовым услугам и их использованию. В этом участвуют различные институты, практикующие создание территориальных партнёрств с местными властями южного Средиземноморья для улучшения экономической и ин-

ституциональной среды, создания условий, как для мигрантов, так и для европейских предприятий, с целью реализации совместных инвестиционных и других проектов.

Разумеется, в разных странах такие акции имеют свою специфику и могут давать неоднозначные результаты. Многое здесь зависит и от уровня социально-экономического развития, и от общей ориентации той политической партии или коалиции, которая в данный момент находится у власти и т.д. Кое-кто говорит и о появлении различных «национальных моделей» и о неодинаковых конкретных подходах к практическому осуществлению иммиграционной политики⁶⁵.

При проведении политики, направленной на смягчение последствий миграции и на их регулирование, возникает ряд противоречий и трудных проблем, порождаемых, в частности, «нестыковками» между существующими законодательными актами и реальной действительностью. Постепенному решению неизбежно возникающих здесь проблем, в немалой степени призвана содействовать деятельность общеевропейских органов и международных общественных движений.

Неслучайно эта и смежная проблематика находятся в фокусе внимания участников встреч, инициированных авторитетными интернациональными и другими организациями. Так, в рамках деятельности Мирового общественного форума «Диалог цивилизаций» были проведены обстоятельные дискуссии по стержневым проблемам мировой экономики и социальным последствиям международной миграции. При этом справедливо подчёркивалось, с одной стороны, несомненно, возросшая экономическая роль мигрантов, в том числе в странах ЕС. В ряде европейских государств, отмечалось на Форуме, иммигранты сформировали обширные диаспоры, по сути – «новые национальные меньшинства». В результате целые отрасли экономики – строи-

⁶⁵ A. Portes and others. «Immigrant Transnational Organizations and Development: A Comparative Study». In: «International Migration Review». V. 41. № 1. 2007. P. 242-281. Об этом, например, см.: G. Freeman. «National Models, Policy Types, and Politics of Immigration in Liberal Democracies». In: «Immigration Policy in Europe: The Politics of Control», Special Issue, «West European Politics». Vol. 29, № 2, 2006. P. 227-247. См. также: «Journal of Ethnic and Migration Studies», Vol. 34, № 2, 2008.

тельство, общественные работы, сфера услуг, теперь основаны преимущественно на труде иммигрантов. Но с другой стороны, усиление миграции ведёт к росту противоречий, обострению социальных проблем, которые усугубляются нередко из-за неэффективности иммиграционной политики властей. На указанных и других форумах подчёркивалась необходимость добиваться принятия более действенных мер для реализации планов руководящих органов ЕС, направленных на содействие реальной интеграции стран Европейского сообщества (в частности, путём выполнения рекомендаций Комиссии Евросоюза о «новом подходе» к легальной иммиграции, о сближении прав и обязанностей граждан ЕС и т.д.)⁶⁶.

Нельзя не обратить внимания на ряд прогнозов, касающихся разных регионов мира. Большинство их авторов исходит из закономерности и необратимости дальнейшего роста международной миграции в глобализирующемся мире.

Ведь новые явления в мировом хозяйстве, в том числе качественные сдвиги, связанные с инновационным развитием, обуславливают изменения в международном разделении труда. Информационализация экономики тоже по-своему влияет на характер, направленность иммиграционных потоков, увеличивая и потребности в более образованных, профессионально высококвалифицированных и лучше подготовленных иностранных кадрах.

Отсюда, в частности, большое внимание к проблемам развития «отдалённого найма» («аутсорсинга») и занятости в оффшорах; а также – к анализу причин изменчивости направленности таких типов работы⁶⁷.

Реалистически настроенные политики, активисты, профсоюзы, научные, женские, молодёжные и другие демократические общественные организации, представляющие разные сегменты

⁶⁶ Подробнее см.: О. Потёмкина. «Гуманитарные векторы межцивилизационных связей». Альманах «Вызовы XXI века». Вып. III. М., 2007. С. 65-87; а также в публикации: «World Public Forum». «Dialogue of Civilizations», 2002–2009.

⁶⁷ Одним из примечательных примеров такого рода публикаций может служить опубликованный в начале 2013 г. в Великобритании для широкого распространения аналитический документ по данной тематике. См. Special Report «Outsourcing and Offshoring»: «Here, there and everywhere». «The Economist», 19.I.2013. P. 3-20.

гражданского общества, призывают своих соотечественников стремиться – в духе приверженности принципам веротерпимости и ненасилия – к лучшему пониманию проблем приезжих граждан, оказывать содействие в решении задач социальной интеграции, уважения их политических, экономических прав, соблюдения образовательных норм, принятию реальных мер в борьбе с ксенофобским, национал-шовинистическими тенденциями. Это не раз подчёркивалось и участниками представительных международных форумов, инициированных руководством «Альянса цивилизаций» (при ООН), где вопросы положения мигрантов занимали значительное место. Их участники призывали к расширению совместных действий, в духе толерантности, взаимопомощи, направленных на усиление междивизиационной солидарности.

*А.С. Железняков**

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ

На протяжении тысячелетий человеческой истории на Земле существовали в разной степени изолированные друг от друга множественные зоны культурного влияния, которые имели устойчивые признаки отдельных универсальных миров. Однако в глобальном мире (начиная с XX в.) изолированные универсальные пространства уступили место полюсам единого мироустройства.

Современная полюсная конструкция мира связана с локальными цивилизациями, в которых аккумулированы опыты жизни в различных универсальных пространствах. Отсюда – возросший интерес исследователей к классическим схемам цивилизаций. По мнению выдающегося американского социолога, представителя русского зарубежья Питирима Сорокина, выступившего в своё время крупнейшим систематизатором этих схем, важнейшими «тотальными макросоциологическими теориями

* Железняков Александр Сергеевич, д.полит.н., зав. Отделом сравнительных исследований социально-политических систем Института социологии РАН.

цивилизаций и «великих культур» являются те, что были созданы Н.Я. Данилевским, А.Дж. Тойнби и О. Шпенглером⁶⁸. Их схемы дали удобные аргументы для установления той или иной современной страной или группой стран различных приоритетов среди элементов национальной идентичности⁶⁹.

Объединяющим началом цивилизационных схем является положение, согласно которому мир на протяжении всей человеческой истории был неоднороден и делится на цивилизованные народы (или «великие культуры», «культурно-исторические типы», «расцветшие цивилизации») и нецивилизированные (или недостаточно культурные) народы, которые, в свою очередь, расположены по определенному ранжиру, в соответствии со степенью «развитости» («эмбриональные», «застывшие», «засохшие» и т.д. народы, общества и цивилизации). Эти схемы часто объединяются в обобщённой цивилизационной картине современного мира: существует ограниченное число «расцветших» цивилизаций, а те народы, которые в их состав не входят, играют роль осколков и «отсохших частей» ушедших в небытие цивилизаций – расцветших, эмбриональных и дегенеративных. Из-за расплывчатости и спорности границ цивилизаций такой подход в наши дни ведёт к этическим коллизиям в оценке собирательного образа, действий и взаимоотношений разных народов. Например, об этом говорит одно только перечисление названий глав книги З. Бжезинского «Великая шахматная доска»: «Демократический плацдарм», «Чёрная дыра», «Евразийские Балканы»⁷⁰. Позднее автор «смазывает» границы локальных «чёрных дыр» и выстраивает глобальную «зону новых Мировых Балкан»⁷¹. В этом проявляется своеобразная попытка совместить политическую архитектуру полюсного мироустройства с цивилизационной архитектурой.

⁶⁸ Сорокин П. О концепциях основоположников цивилизационных теорий. Сравнительное изучение цивилизаций. М., 1999. С. 39.

⁶⁹ Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М., 2004. С. 68.

⁷⁰ Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и её геостратегические императивы. М., 1999. С. 74, 108, 149.

⁷¹ Бжезинский З. Выбор. Глобальное господство или глобальное лидерство. М., 2005. С. 110.

Современные исследователи ныне существующими признают ряд цивилизаций. Отдельные вариации на эту тему то уменьшают, то расширяют список, и это ведёт к пересмотру наиболее одиозных положений, преодолению ставших совершенно очевидными стереотипов прежних эпох (правда, нет гарантии того, что такой пересмотр зачастую не является попыткой подвести легитимную базу под сиюминутные политические интересы). У нынешних авторов видно различие между количеством обнаруживаемых полюсов влияния в современном мире и количеством выделяемых цивилизаций. Обнаруживается по несколько полюсов в рамках дальневосточной, исламской и западной цивилизаций. Например, в случае с дальневосточной (её иногда называют китайской) цивилизацией один из полюсов совпадает с Японией, которую некоторые исследователи склонны относить к отдельной цивилизации. Для признаваемых иногда самостоятельными цивилизациями Латинской Америки и Африки (южнее Сахары) отводится в каждом случае либо весьма спорный, либо даже вообще внешний полюс. То же самое можно сказать и о Турции и других полюсах исламского мира⁷². Разброс между количеством выделенных полюсов и цивилизаций позволяет некоторым исследователям сделать вывод об их хаотичности и неминуемом цивилизационном столкновении.

Ниже предпринимается попытка объяснить механизм привязки мировых цивилизаций к основным полюсам многополюсного мира. Особенностью рассматриваемого механизма является отсутствие в нём какой-либо градации современных человеческих общностей по степени их «цивилизованности», т.е. по принадлежности одних к ныне «цветущим» цивилизациям, а других – к осколкам и «отсохшим частям» когда-то существовавших, но ушедших в небытие цивилизаций. К XXI в. человечество стало, с одной стороны, совокупно цивилизованным, информационно связанным, без «белых пятен» в географическом смы-

⁷² Наиболее полно обобщённая цивилизационная картина современного мира представлена в выше цитированной книге С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций». Именно эта картина особенно важна в геополитическом смысле, поскольку она отражает результат изысканий наиболее авторитетных исследователей, влияющих на позицию самого могущественного на сегодняшний день государства мира.

сле. В этом заслуга всех цивилизаций как локусов различных акцентов, оттенков и граней глобального универсального.

Но с другой стороны, с общим фоном цивилизованности резко контрастируют нищета, войны, ядерное противостояние, гонка вооружений, голод, неграмотность, преступность, терроризм, одиозные режимы и многие другие негативные черты современности, за которые несут совокупную ответственность все цивилизации, имеющие в каждом отдельном случае свой маргинальный фон.

Поэтому в настоящем механизме выделение цивилизаций в качестве полюсов идёт не по признакам их заслуг или развитости, а по принципу их проявления в качестве обособленных и одновременно универсальных общностей, с уникальным положением которых в мире невозможно не считаться. Признаком такого проявления является активизация полюса мирового влияния. Под полюсом понимается центр мира, который может быть единственным (в моноцентрической модели), одним из двух (полярным), одним из нескольких (в многополюсном мире).

Выдвижение современных мировых цивилизаций происходило в каждом отдельном случае совершенно оригинальным способом. Как мировые цивилизации вначале проявились только Россия и Запад, которые стали таковыми одновременно, благодаря их дихотомической связи и которые подмяли под себя все страны и континенты. Запад шёл к этому несколько столетий, осваивая окружающий мир путём географических открытий, военной, экономической, религиозной и культурной экспансии. Россия поступала точно также, и с эпохи Петра выступила «догоняющим» конкурентом Запада в борьбе за мировое влияние, а после «крутого виража» 1917 г. поставила цель догнать его и встать в авангарде мирового революционного движения. Запад ответил своей лидирующей ролью в противостоянии этому международному движению. В биполярном мире других мировых цивилизаций быть не могло, но проявились три крупные общности: Индия как ключевая страна, отразившая потребность государств «третьего мира» к объединению в качестве неприсоединившейся ни к одному полярному полюсу массы; Дальневосточная цивилизация, заявившая в лице Китая о своём осо-

бом пути, а также – активизировавшийся в неприятии навязываемых извне ценностей и заполнивший оставшуюся нишу исламский мир, проблемы обустройства различных частей которого имеют глобальное значение.

Итак, в настоящее время вполне проявленными (то есть «провозглашёнными», обретшими легитимность) выступают несколько мировых цивилизаций, очертаниями которых охвачен и как бы исчерпывается весь мир. Но на самом деле в признанных орбитах некоторых из этих цивилизаций исследователи обнаруживают по несколько полюсов. Это свидетельствует об их внутренних противоречиях и наличии переходных общностей, которые при определённых обстоятельствах могут проявиться (то есть обрести легитимность в научных и политических кругах) в качестве новых мировых цивилизаций или окончательно интегрироваться в уже имеющиеся (тогда они могут быть проигнорированы). Сейчас начинается процесс активизации некоторых полюсов, вокруг которых складываются новые крупные общности, способные заявить о том, что без учёта их универсальных ценностей, без их видения перспектив мир пропадёт, поскольку будут упущены возможности приобретения важнейших знаний о гранях глобального.

В качестве таких промежуточных полюсов заявили о себе США, ЮАР, отдельные части исламского мира, Япония, Латинская Америка, Израиль, Монголия и др. Их участь – ждать своего часа или раствориться в лоне более крупных общностей. Многополюсный мир ещё не обрёл своих окончательных очертаний, не все полюсы проявились в полной мере, но тенденция, вектор мирового развития – в его пользу.

Запад имеет полюсы – европейский, североамериканский и южноафриканский (одновременно эти полюсы являются потенциальными очагами возможных цивилизаций – европейской, североамериканской, ибероамериканской, панамериканской, африканской). Отдельные части Запада тяготеют к орбитам других полюсов: Австралия и Новая Зеландия проявляют интерес к интеграции с азиатскими полюсами, мусульманские и православные анклавы Европы тяготеют к исламскому миру и России. Невозможно предугадать, где в итоге окажутся США – останут-

ся в составе западной цивилизации или, может быть, в стремлении к иным универсальным ценностям они откроют для себя новый мир, как когда-то переселенцами из Европы был открыт Новый Свет⁷³.

В свою очередь, миграционные потоки из Азии, Африки (Тропической и Северной) и Латинской Америки в Европу и США являются своеобразным отголоском эпохи Великих географических открытий и колониализма. Для новых пришельцев города и автотрассы Северной Америки и Европы являются источниками примерно тех же надежд, которые вселяли в своё время в сердца европейских первопроходцев прерии Дикого Запада и саванны Африки.

Россия имеет единственный полюс – евразийский, в орбите которого только и можно удержать европейскую и азиатскую зоны влияния и даже части огромной, но сравнительно малонаселённой страны – Северный Кавказ, Поволжье, Урал, Сибирь, Алтай, Прибайкалье и Забайкалье, Дальний Восток, которые всё настойчивее вовлекаются в орбиты соседних полюсов.

Дальневосточная цивилизация имеет один сильнейший континентальный полюс в КНР и слабовыраженные полюсы в лице ещё одного, островного, Китая, Японии, Северной и Южной Кореи, стран ЮВА. В огромном дальневосточном регионе различия между Китаем, Тайванем, обеими Кореями и другими странами, в том числе, возможно, Японией, со временем будут нивелироваться, но общее отличие Дальнего Востока от всего мира будет сохраняться. Китай по своей «массе», влиянию и известности всё больше будет брать на себя функцию выразителя всей дальневосточной цивилизации. По аналогии с Западом дальневосточная цивилизация попытается распространить свои универсальные черты или хотя бы только влияние на соседние анклавные цивилизации (исламской, индийской, русской), а затем на весь мир. Положение Японии, заявляющей о своих отличиях («цивилизации»), всё больше будет напоминать положение Британских островов на Западе. Место Кореи, возможно,

⁷³ Примером полемики с Тойнби по поводу «американской исключительности» как цивилизации может служить работа М. Лернера: LernerMax. America as a Civilization. Life and Thought in the United States Today. N.-Y., 1987.

Вьетнама, Таиланда и других стран, будет вполне сопоставимо с положением Италии, Норвегии, Швейцарии и т.д. в Европе. (Действительно, различия между странами внутри европейской группы не меньше, чем различия внутри указанной группы стран Дальнего Востока и ЮВА. Но неприято говорить об «английской», «французской», «чешской», «итальянской», «норвежской» и других общностях как об отличающихся друг от друга цивилизациях).

Исламский мир не менее неоднороден, чем скажем, мир христианский. Христианство, мало того, что расколото на католичество, протестантство и православие, оно распространено среди различных народов в Европе, Азии, Африке, Северной и Южной Америке, которые относят себя к разным цивилизационным общностям. Точно также неоднородность ислама по религиозным признакам дополняется охватом огромных территорий с не менее пестрым в культурном отношении населением. Эта неоднородность распространения ислама выступает как серьёзная глобальная проблема, которая без участия самих мусульман решена быть не может. Скорее всего, произойдёт кристаллизация 2-3 полюсов, вокруг которых сформируются самостоятельные общности на пространстве от Филиппин до Магриба.

Индия имеет свой полюс, а также индо-тибетский (в Дхармасале) полюс, к тому же есть исламский анклав (в Кашмире). Выдвижение Индии в разряд мировых цивилизаций современности состоялось в достаточной мере незаметно, буднично. Но как страна с миллиардным населением и древнейшей культурой, родина двух мировых религий, обладающая ядерным оружием, она уже в силу политического авторитета и веса по праву заняла своё место. Как отметил С. Хантингтон, возможно, не без скрытого юмора, «если в какой-то момент Индия отберёт у Восточной Азии титул наиболее быстроразвивающегося региона в мире, то мир должен быть готовым ко всесторонним исследованиям, посвящённым вопросам превосходства индусской культуры, вкладу кастовой системы в экономическое развитие и тому, как возвращение к корням и отказ от губительного западного наследия, оставленного британским империализмом, наконец-то помогли Индии занять должное место среди веду-

щих цивилизаций»⁷⁴.

Мировыми цивилизациями, вероятно, могут стать Африка южнее Сахары, объединённая Америка или отдельно две Америки, или Южная Америка, объединённая с Европой, возможно, ещё несколько крупных общностей, полюсы которых уже обозначились достаточно чётко⁷⁵. Сейчас же эти общности выступают в качестве промежуточных (то есть не совсем легитимных) цивилизаций, так как они либо не отделились от общей массы, либо их полюсы пока находятся в пределах внешних по отношению к ним признанных универсальных общностей – США для обеих Америк или Европа для Латинской Америки, вестернизированная ЮАР для Африки.

За пределами внимания современных исследователей остаётся Внутренняя Азия и её ядро – Монголия, которая, не имея в своём окружении цивилизационно родственных суверенных стран, исключена из перечня известных активных субъектов истории – мировых цивилизаций. В классических трудах основоположников цивилизационного подхода она фигурирует как «отсохшая часть» канувшей в лету кочевой цивилизации, служащая этнографическим материалом подпитки расцветших цивилизаций. У Тойнби она фигурирует в таком качестве в составе тибетской, китайской и русской цивилизаций, а на карте С. Хантингтона «Мир разных цивилизаций: после 1990-х годов» обозначена в качестве северного анклава буддийской цивилизации⁷⁶.

Это весьма неудачный пассаж: в схеме присутствует автономный район Китая – Тибет, но не указаны такие автономии и республики, как Внутренняя Монголия, Бурятия, другие регионы Китая и России, населённые народами, исповедующими северную разновидность буддизма. Создаётся впечатление, что

⁷⁴ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003. С. 162.

⁷⁵ Для Латинской Америки теоретически открываются разные пути: свой собственный, западный, особый ибероамериканский, панамериканский. См.: Шемякин Я.Г. Ибероамериканская политическая культура и ценности модернизации: специфика типа цивилизации и перспективы демократии в Латинской Америке. Цивилизационные исследования. М., 1996. С. 200-222. Африка в цивилизационном плане была до последнего времени, по сути, периферией Запада, его органической частью.

⁷⁶ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. С. 22-23.

Хантингтон обозначил в своей схеме буддийскую цивилизацию только по политическим мотивам: из-за невозможности игнорирования одной из мировых религий и из соображения поддержки сепаратистских устремлений далай-ламы; какого-либо раскрытия темы в книге нет. Перспектива Тибета неясна. Если с уже завершившейся в Китае прокладкой железной дороги на это прежде неприступное горное плато, он повторит путь синицизированной Внутренней Монголии, то о современной тибетской цивилизации говорить не придётся; можно будет говорить лишь о тибетском следе в Монголии и об одном из направлений индийской (и уже во многом западной) мысли. Проводником этого направления пока остаётся лауреат Нобелевской премии тибетский далай-лама XIV, живущий в Индии и разъезжающий по всему свету, но не имеющий возможности вернуться на родину. Судьба Тибета, таким образом, связана с внутривосточными проблемами Китая.

Монголия на карте обозначена, но в тексте традиционно игнорируется и упоминается автором исключительно как объект возможных притязаний Китая⁷⁷. Вместе с тем, Монголия является центральной частью, географическим, историческим и культурным ядром Внутренней Азии. Внутренняя Азия – это обширный исторический мультикультурный регион в центре континента Евразия, который простирается за пределы Монголии вглубь территорий России и Китая. Регион населён людьми, исповедующими буддизм, конфуцианство, православие и ислам. Ядро Внутренней Азии – буддийская Монголия – открыта также для проникновения и восприятия ценностей западного мира, являющегося ещё одним из её главных политических партнёров – «третьим стратегическим соседом».

Игнорирование Монголии в качестве самостоятельного субъекта истории отражает очень серьёзную проблему этического подхода к судьбам народов, населяющих огромный регион Евразии – от Тибета и Северо-восточного Китая до Поволжья – признание исчезновения (или изначального отсутствия) цивилизационных особенностей у этих народов, что автоматически означает констатацию неминуемости прямого и катастрофиче-

⁷⁷ Там же. С. 368.

ского российско-китайского столкновения. Это связано с тем, что низведение «этнографического материала», существующего в лице малочисленных народов Евразии, до уровня «отсохших частей» и «осколков» ведёт к игнорированию амортизирующей роли весьма устойчивой общности на стыке границ двух гигантов. Центром этой общности является Монголия, которая, имея уходящую почти на два с половиной тысячелетия в древность историю империй и государств, письменности и мировых религий, представляет собой малоизученный и интереснейший объект для исследований в области философии истории.

Изучение места Монголии и всей Внутренней Азии в современном мироустройстве имеет ключевое значение для осмысления перспектив цивилизационного взаимодействия в Евразии. При этом необходимо учитывать, что исследование региональных аспектов архитектуры современного политического мироустройства и моделей существующих на Земле цивилизаций связано у разных авторов с использованием большого количества терминов, производных от терминов «регион» и «региональное» – «макрорегион», «мегарегион», «метарегион» и т.д. Ниже используется составленная из двух подобранных в этом ряду терминов понятийная пара «суперрегион – гиперрегион», дефиниции которой выстроены в соответствии с логикой и смыслом изложения.

Под *суперрегионами* подразумеваются только трансграничные районы, каждый из которых охватывает более или менее целостную общность людей, существующую в группе близких по цивилизационным параметрам стран. При этом границы суперрегионов на политической карте мира представлены чёткой внешней линией границ включённых в них государств и территорий⁷⁸.

Для обозначения трансконтинентальных (трансцивилизационных) районов, которые существуют в виде устоявшихся *образов* или только начинающих осуществляться *проектов* (в русле глобализации), представляется подходящим термин «*гиперре-*

⁷⁸ Под территориями в обозримых периодах времени имеются в виду такие политико-географические образования, как Абхазия, Гонконг, Косово, Макао, Приднестровье, Тайвань, Южная Осетия и т.д.

гион». К одному из *гиперрегионов-образов* с такими же чёткими границами государств и территорий, как и у суперрегионов, относится Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР), включающий в себя разные суперрегионы целиком или частично. В качестве примеров *гиперрегионов-проектов* можно привести действующие или только обсуждающиеся глобализационные инициативы в АТР: Ассоциация государств Юго-Восточной Азии+Китай (АСЕАН +Китай), АСЕАН+3, межправительственный форум Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС), а также Восточноазиатское сообщество (ВАС), Азиатско-Тихоокеанское сообщество (АТС) и др. В состав одного гиперрегиона могут включаться государства из разных концов света. Например, в АТР в качестве политических субъектов этого гиперрегиона включают государства, омываемые Тихим океаном в Восточной и Юго-Восточной Азии (вместе с некоторыми странами, не имеющими выхода к морю), Северной и Южной Америке, Россию, Австралию, Новую Зеландию, Папуа Новую Гвинею, а также государства и территории Микронезии, Меланезии и Полинезии.

Активно обсуждаемым гиперрегионом-проектом является БРИКС, страны-участницы которого (Бразилия, Россия, Индия, Китай и Южная Африка) омываются всеми мировыми океанами. Поистине глобальные масштабы приобретают и такие гиперрегионы, как Большая семёрка (G7), Большая восьмёрка (G8), Большая двадцатка (G20) (участники последней – Аргентина, Австралия, Бразилия, Канада, Китай, Франция, Германия, Индия, Индонезия, Италия, Япония, Мексика, Россия, Саудовская Аравия, Южная Африка, Южная Корея, Турция, Великобритания, США и ЕС).

Вычлняя на мировой политической карте суперрегион «Внутренняя Азия», устроенный совершенно по иному принципу формирования внешних границ, следует сделать некоторые пояснения терминологического и понятийного характера. Следует отметить, что Внутреннюю Азию в литературе чаще всего рассматривают только в плане физико-географических границ, которые определены довольно чётко. Это не совсем корректно, поскольку данные границы хотя и являются обширными, но на-

много меньше, чем фактические границы расселения этносов, входящих в состав доминирующей в этом регионе единой общности. Ю.Н. Рерих обозначил физико-географические границы Внутренней Азии следующим образом: «Огромную, не имеющую внешнего стока область Внутренней Азии ограничивают с юга могучие Трансгималаи и унылые высокогорья Каракорума. К северу простираются Алтай и горные цепи южной окраины Сибирской низменности. К востоку и западу от этого огромного бессточного бассейна лежат бесконечные пустынные просторы великой монгольской Гоби и степей Средней Азии»⁷⁹.

Таким образом, Внутренняя Азия даже в чисто в географическом плане сопоставима по размерам с другими суперрегионами – Западной Европой, Южной Азией, Центральной Азией, Юго-восточной Азией и др. Более того, как отмечалось выше, в плане расселения народов, входящих в единую общность, территория Внутренней Азии переходит рамки физических границ и распространяется далеко за пределы бессточной области, за линии изолирующих эту область мировых водоразделов. Одни и те же насельники жили и продолжают жить по разные стороны горных хребтов у истоков рек: только с одной стороны реки несут воды в пустыни, а с другой – в океаны – Тихий и Северный Ледовитый.

Показатель расселения, конечно, не единственный показатель распространения цивилизаций, но в истории прослеживаются знаменательные волны расширения в Азии и Европе зоны расселения народов Внутренней Азии. Это вело к взаимному «переплетению» цивилизационных пространств, к вклиниванию их друг в друга, к многовековым волнам всплесков и угасания цивилизационного диалога. В этом смысле даже в Европе (на Волге) в настоящее время существует анклав социума Внутренней Азии – Калмыкия, где проживают сравнительно недавние выходцы из Западной Монголии, сохранившие свой язык, религию и чувство общей истории с прародиной⁸⁰. Будучи един-

⁷⁹ Рерих Ю.Н. По тропам Срединной Азии. Самара, 1993. С. 4.

⁸⁰ И это несмотря на то, что в период депортации 1943–1956 гг. калмыки на время потеряли материальную основу сохранения своей идентичности (общую территорию проживания). Понесённый ими в результате этого значительный ущерб в области языка, культуры и религии до сих пор не восполнен в пол-

ственным буддийским анклавом в Европе, Калмыкия органично вписалась в окружение, поскольку она входит в степной пояс, идущий в обе стороны от Внутренней Азии – до Хингана на востоке и Паннонии на западе, – являвшийся в течение тысячелетий родной стихией кочевников.

Внутренняя Азия как общность людей распространяется далеко за пределы своих физико-географических границ. Она распространяется на историко-культурные и социально-исторические пространства в России и Китае, при этом государственные границы имеет только ядро этого суперрегиона – Монголия. Границы цивилизационного пространства Внутренней Азии привязаны к общим историческим событиям и вехам, хозяйственно-культурным типам, языкам, религиям народов, проживающих на её территории, и, будучи древними и более стабильными, в значительной степени размыты и выходят за рамки сравнительно недавно установленных на этих территориях политических границ. Сочетание единственных государственных границ у ядра общности с размытыми в значительной степени негосударственными границами вокруг него и создаёт политико-географический феномен Внутренней Азии – монгольской «дрейфующей» цивилизации⁸¹.

Наподобие АТР, включающего целиком, помимо прочих стран, Китай, США и Россию, можно также и Внутреннюю Азию представить в виде глобализационного проекта – транцивилизационным гиперрегионом, включающим в свой состав целиком Монголию, Китай и Россию с чёткими внешними границами этой группы стран. Пока же этот компактный гиперрегион-проект, имеющий богатую историю (начиная с тройственного российско-китайско-монгольского Кяхтинского соглашения 1915 г.), затерялся в совершенно иной конфигурации: Монголия вместе с Индией, Ираном и Пакистаном входит в состав стран-наблюдателей Шанхайской Организации Сотрудничества (ШОС), являющейся гиперрегионом, включающим в качестве стран участниц, кроме России и Китая, ещё и страны Цент-

ной мере.

⁸¹ Подробнее о введённых нами терминах «монгольская цивилизация» и «дрейфующая цивилизация» см.: Железняков А.С. Монгольский полюс политического устройства мира. М., 2009.

ральной Азии – Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан. С появлением в ШОС после саммита в Екатеринбурге (2009 г.) стран-партнёров по диалогу (из Белоруссии и Шри-Ланки) новая схема ШОС выглядит ещё сложнее: «6 (постоянные члены) + 4 (наблюдатели) + 2 (партнёры по диалогу)»⁸².

Итак, в рамках ШОС Монголия занимает весьма специфическое положение по ряду ключевых параметров:

1. В этом гиперпространстве-проекте она занимает по статусу такое же положение, что и такой гигант, как Индия, а также Иран и Пакистан. Вместе с тем, в организации это страна с самым малым по численности населением и вообще самая редко-населённая страна в мире – средняя плотность населения здесь равна 1,7 чел. на 1 км².⁸³

2. Монголия соседствует только с двумя странами: на севере на протяжении границы длиной в 3,5 тыс. км – с Российской Федерацией, на юге, востоке и западе на протяжении свыше 4,5 тыс. км – с КНР. От границ центрально-азиатских стран-участниц ШОС Монголия отделена пусть небольшими, но определяющими и даже символизирующими геополитический расклад сил участками («перемычками») российской и китайской территорий. Таким образом, она не имеет общих границ со сколько-нибудь сопоставимыми с ней по размерам, численности населения, экономическому потенциалу соседями.

3. Зажатая между двумя гигантами, Монголия в культурном и религиозном отношении резко контрастирует не только с ближним, но и дальним своим окружением. Монголия как страна северной ветви буддизма и кочевого скотоводства уникальна по цивилизационным параметрам: близких ей по этим параметрам независимых стран в мире не существует. Это ключевой момент геополитического положения Монголии, определяющий её место не только в рамках ШОС, но и в мире в целом, а также её взаимоотношения с ближними и дальними стратегическими со-

⁸² Лузянин С.Г. Модель ШОС–2009. Семь препятствий и возможно ли обновление? ВРС-Бишкекский пресс-клуб. URL: <http://www.bpc.kg/news/7048-06-07-09>.

⁸³ К тому же это самая глубинно-континентальная страна Земли, которая располагается на площади свыше 1,5 млн кв² при численности населения менее 3 млн человек.

седами.

ШОС, как и любой другой гиперрегион, представляет собой структуру, которую можно проиллюстрировать в виде цивилизационных секторов. Монголия не вписывается в историко-культурное пространство преимущественно православного мира России, конфуцианского мира Китая, исламского мира центрально-азиатских стран-участниц ШОС, индуистского мира страны-наблюдателя Индии. Монголия в структуре ШОС является отдельным сектором, будучи центральной частью, географическим, историческим и культурным ядром особого региона, включающего одну страну целиком и частично ещё две страны – Россию и Китай.

Внутренняя Азия населена за пределами Монголии родственными монголам по языку, религии и культуре бурятами, тувинцами и внутренними монголами, которые, в свою очередь, живут в многовековом соседстве с другими народами и этническими группами, исповедующими православие, даосизм, конфуцианство и ислам. Буряты и тувинцы – со стороны России и внутренние монголы – со стороны Китая связаны далее с русскими и китайцами, алтайцами, якутами, казахами, эвенками, уйгурами и др. Единая религия объединяет монголов с тибетцами. Расположенный в Европейской части России буддийский калмыцкий анклав переплетён с православными и мусульманскими соседями в Поволжье и на Северном Кавказе. На исторической родине буддизма в Индии среди индуистов и мусульман растёт тибетская община, во главе которой стоит лауреат Нобелевской премии мира Далай-лама XIV. Через эти народы и этнические группы и их мировую диаспору, а также через свой след в политической истории Евразии и нынешнюю внешнюю политику Улан-Батора монгольский (монголо-тибетский, внутренне-азиатский) мир весомо и независимо позиционирует себя в системе связей с русским (российским, евразийским), китайским (дальневосточным, тихоокеанско-дальневосточным), исламским (от Магриба до ЮВА), индийским (южно-азиатским) и западным (евроатлантическим) мирами.

Прошло уже более двух десятилетий с того момента, когда можно было говорить о полном и безоговорочном доминирова-

нии в Монголии ценностей и приоритетов, общих для блоковой системы взаимодействия этой страны со своим северным соседом – Россией. Сейчас положение изменилось, причём настолько сильно, что в качестве яркой и довольно-таки хлесткой характеристики целесообразно привести слова известного американского монголоведа Р. Рупена, отмечая тем не менее некоторое «сгущение» им красок: «Современный этап истории Монголии есть переход доминирования от Москвы к Пекину. Китайский бизнес глубоко проник в экономику Монголии, в такие сферы, как строительство, текстильная промышленность, сфера услуг. Имея доступ к мировым рынкам, китайцы не допускают других на монгольский, ограниченный географически рынок»⁸⁴.

Российско-монгольское территориальное соседство является одной из всего лишь двух «половинок» внешней пограничной оболочки, прикрывающей Монголию от остального мира, от всех других сухопутных и морских границ. Другой «половинкой» оболочки является китайско-монгольская граница. Будучи на одну тысячу километров короче китайской «половинки», российская «половинка» в отношении цивилизационной безопасности Монголии и всего региона, тем не менее, является функционально более нагруженной. Этот участок границы обеспечивает Монголии выход за пределы зоны безоговорочного геополитического доминирования Пекина. Именно наличие российского участка границы (то есть выхода к отличному от дальневосточной общности цивилизационному миру Евразии) позволяет монгольским стратегам отстаивать особые интересы своей малонаселённой страны в сфере цивилизационной идентичности «под боком» и даже в «объятиях» с трёх сторон почти полуторамиллиардного Китая. В диалоге с Китаем монголы могут оперировать понятиями «второго стратегического соседа» (то есть России) и «третьего стратегического соседа» в лице не граничащих с Монголией, прежде всего, США, других стран Запада, Японии и Кореи. В связи с этим представляется, что внимание к цивилизационной идентичности Монголии, к усилению её участия в цивилизационном диалоге становится одной из

⁸⁴ Rupen R. *Mongols of the 21st Century – Geopolitical relations between Contemporary Mongolia and Neighboring Asian Countries*. Chinese Culture University. 2004. September 18-19. P. 14.

наиболее приоритетных задач России в развитии равных партнёрских отношений со своими соседями в Евразии.

*Н.Н. Михайлов**

О ЦИВИЛИЗАЦИЯХ И МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Для начала мне как лингвисту хотелось бы прояснить семантику и коннотацию самого термина «цивилизация». Считается, что этот неологизм был впервые введён французским просветителем Мирабо во второй половине XVIII в., а широкое употребление (исключительно в единственном числе) получил в 30-е гг. XIX в. применительно к теории прогресса и идеальному обществу, основанному на принципах разума и справедливости, т.е. «просвещённой, европейской цивилизации». Наряду с этим открытый к середине века богатый этнографический, а затем и археологический материал доказал существование огромного разнообразия традиций и культур за пределами Европы, что привело к возникновению этнографической концепции о множественности культур и соответственно цивилизаций. В итоге в «век просвещения» выявились по крайней мере два различных основных подхода к пониманию цивилизации, начиная с унитарно-стадиального, где объектом цивилизации видится человечество в целом, и, кончая локально-историческим, где объектом и одновременно субъектом цивилизации выступают уникальные этнические или исторические общества.

Как и в случае со многими другими просветительскими нововведениями в сфере социальной философии, понятие «цивилизация» упорно продолжает сохранять целый ряд противоречивых смыслов. В современных толковых и энциклопедических словарях мы, как правило, найдём три значения этого слова. Первое из них относится к человечеству в целом, а именно к человечеству эволюционирующему, что обуславливает его сближение с понятием мирового или общественного прогресса. Вто-

* Михайлов Николай Николаевич, директор американских программ Фонда «Русский мир».

рое его значение укажет нам на близость или синонимичность с понятием культуры; в то время как третье представится не более чем антитезой понятию «варварство», «дикость». Первое и последнее нас мало интересуют по причине их банальной спекулятивности, в то время как второе явно потребует уточнения с тем, чтобы понять, в чём именно «цивилизация» отличается от «культуры».

Первое и главное, с чем мы сталкиваемся при определении понятия цивилизации через культуру, касается вопроса о том, что из них является общим, а что частным. Э. Кант, например, частным посчитал цивилизацию, когда произвольно отделил «культуру воспитания» от «культуры умения», обозначив последнюю в качестве основной характеристики цивилизации. По сути то же самое сделали Г. Морган и Ф. Энгельс, поместившие цивилизацию в конце эволюционной цепи («дикость-варварство-цивилизация»), О. Шпенглер, видевший в стадийном переходе от культуры к цивилизации эпоху духовного упадка, а также целая плеяда западных антропологов-структуралистов, неофрейдистов и экзистенциалистов. В целом в определении цивилизации западная философская мысль мечется от отождествления цивилизации со всём, что сотворено в последнее время «прогрессивным человечеством», к представлению о цивилизации как надприродной, искусственной форме общечеловеческого бытия.

Данный в принципе эволюционный подход позволил его сторонникам выделить следующие базовые признаки цивилизации:

- наличие государства, городов, социальной стратификации;
- наличие правовой (налоговой) системы, производственной специализации;
- наличие письменности, монументальной архитектуры, искусств, науки.

Одного взгляда достаточно, чтобы понять, насколько сужен этот подбор признаков⁸⁵ по сравнению с основными признака-

⁸⁵ Ср. с определением цивилизации в Британской энциклопедии (11 издание, 1910 г.), где она трактуется как нечто, «имеющее отношение ко всему периоду человеческого прогресса, начиная с момента, когда человечество достигло достаточной разумности и социального единства, чтобы создать систему управления. Но на практике «цивилизация» обычно понимается в несколько бо-

ми культуры как системы определённых традиций, образцов поведения, смыслов и целей деятельности, постоянное воспроизведение которых представляет абсолютную ценность и задаёт ориентиры в ходе духовного и материального освоения действительности.

Иной выглядит ситуация с определением понятия цивилизации, стоит представить её как нечто общее по отношению к культурному частному или как нечто качественно более высокое и сложное. Достаточно будет в этой связи сравнить базовые признаки цивилизации и культуры, рассматривая их в абсолютном виде, т.е. за рамками часто весьма лукаво представленной исторической диахронии⁸⁶. И тогда мы получим, что цивилизация немыслима без наличия всеохватывающей, обязательно традиционной системы убеждений, ценностей, идеологии, т.е. некоей системной мифологии и религии, без социальной стратификации, иерархии, где интересы социума доминируют над интересам семьи и индивида, без стремления к гармоничному взаимодействию сообщества (социума) и природы (среды обитания), без национального языка как основного носителя и ретранслятора культуры.

Под цивилизацией здесь и далее мы будем понимать некое традиционное долгоживущее состояние человеческого сообщества, его духовную среду, представляющую собой уникальную комбинацию традиций, государственности, общественной организации и культуры. Вслед за Н.Я. Данилевским⁸⁷, А. Тойнби, Ф. Броделем и другими постараемся дать собственное определение ныне существующим, традиционным локальным цивилизациям, основываясь на их фундаментальных (метафизических) религиозных и этнокультурных особенностях:

1. Китайская цивилизация – восточноазиатский цивилизационный комплекс, образованный на основе субстрата анимиз-

лее узком смысле как имеющая отношение к совсем недавнему и относительно короткому периоду, прошедшему с того времени, как наиболее развитые человеческие расы начали использовать системы письменности».

⁸⁶ По словам О.Уайльда «Одним из наших обязательств перед историей является необходимость переписывать её».

⁸⁷ Н.Я. Данилевский – русский мыслитель, автор книги «Россия и Европа: Взгляд на культурно-исторические и политические отношения славянского мира к германо-романскому», 1869 г.

ма, шаманизма, культа предков (*даосизма*), рано историзированного почитания богов как земных «императоров» и ряда смежных локальных традиций (корейской, японской, вьетонгской), с одной стороны, и суперстрата учений конфуцианства и буддизма, с другой, и оформившийся к настоящему времени в целом нерелигиозное социально-этическое, культовое неоконфуцианство в основе которого лежат пять добродетелей: человечность, справедливость, благородство, самоусовершенствование и верность.

Высшие цели и ценности: коллективизм⁸⁸, семейственность, патернализм; достоинство; нравственное совершенствование личности в гармонии с природой; соблюдение установленных традиций и канонов, уважение к социальной иерархии, почитание предков, патриотизм, чувство долга и социальной справедливости.

Доминирующие установки: мир как материальный, гармоничный баланс противоположностей, где различия относительны, мир как изначально совершенная гармония Неба и Человека, нарушение которой влечёт ухудшение природы и человека⁸⁹. Отсюда необходимость поиска гармонии в себе по аналогии с гармонией в природе⁹⁰, которая является источником творческого начала в человеке. Труд без душевного смятения и помыслов о почестях, наградах и чинах. Восприятие социума как «большой семьи»⁹¹, где интересы личности подчинены интересам семьи, интересы семьи – интересам клана, интересы клана – интересам государства. Приобщённость к семейному клану, коллективу, обществу, сплочённость на основе чёткого распределения мест и ролей.

Особенности психотипа: уравновешенность, спокойствие, фатализм, скромность⁹², стремление к самосовершенствованию,

⁸⁸ Артель и богатыря повалит (китайская поговорка).

⁸⁹ Бедный не отходит от гадателя, богатый не расстаётся с лекарством (китайская поговорка).

⁹⁰ В медовых словах всегда горечь найдётся. В небе тощ орёл, на земле беден бобиль. Доброму человеку и небо помогает (китайские поговорки).

⁹¹ Дома опирайся на родителей, вышел за ворота – опирайся на друзей. Единодушие и гору своротит, и море осушит (китайские поговорки).

⁹² Есть ты – ничего не прибавилось, нет тебя – ничего не убавилось (китайская поговорка).

боязнь «потерять лицо», миролюбие, вежливость, гостеприимство, дружелюбие, сдержанность, энергичность, целеустремлённость, терпеливость, упорство⁹³, неприхотливость, умеренность, приспособляемость, умение наслаждаться жизнью и довольствоваться малым⁹⁴, тяга к рациональной простоте в жизни и деятельности; благоволение, предупредительность, сочувствие и сопереживание.

2. Индуистская цивилизация – южноазиатский цивилизационный комплекс, образованный субстратом индоарийского ведическо-брахманического политеизма и оформившийся к настоящему времени в плюралистический эпический политеизм «закона индусов» (*хинду дхарма*) с адстратами буддизма и ислама и тенденциями к пантеизму и мессианству.

Высшие цели и ценности: освобождение от цепей закона кармы (трансммиграции душ) и слияние с Абсолютом (*Брахманом*); следование должному (*дхарме*) – стремление к добру, истине, праведности, добродетели, добросовестности, чистоте; патриотизм, неприятие насилия и стяжательства⁹⁵.

Доминирующие установки: мир как проекция вечной, неизменной и абсолютно гармоничной Высшей Реальности. Земная жизнь с её обязанностями как необходимое условие подготовки души к последующим, более высоким уровням развития, вплоть до слияния с Высшим Духом (*Брахманом*)⁹⁶; веротерпимость, установка на борьбу с эгоизмом⁹⁷, восприятие социума как данной свыше незыблемой иерархической (сословно-кастовой, надэтнической) системы, полностью соответствующей смыслу земного существования; устремлённость к поддержанию гармонии на всех уровнях социальной организации: следование нормам и правилам, установленным для варн и каст; труд как непреходя-

⁹³ Была бы твёрдая воля – и гора превратится в поле (китайская поговорка).

⁹⁴ Есть дом – живёт в тысяче комнат, нет дома – проживёт и в углу (китайская поговорка).

⁹⁵ Махабхарата: «Два слова обозначают свободу и рабство. Это слова “не моё” и “моё”. Через осознание “моего” живое существо попадает в рабство, и через осознание “не – моего” освобождается».

⁹⁶ «Бог дела творит, а человек за них отвечает» (индийская поговорка).

⁹⁷ Махопанишад: «Бедствия происходят из-за влияния эго, страдания – из-за эго, желания – из-за покорности эго, нет более великого врага, чем эго».

шая обязанность⁹⁸; следование принципу: «приятное для себя» (*кама*) и полезное для семьи и общины (*артха*), почтение предков и уважение к старшим, целомудрие, супружеская верность.

Особенности психотипа: пассивная добросовестность, мудрое спокойствие, религиозность, созерцательность, внутреннее достоинство, дисциплинированность и ответственность, рассудительность, любознательность; миролюбие, доброжелательность, дружелюбие⁹⁹, приветливость, отзывчивость; взаимовыручка, непротиворечивость, терпеливость, безынициативность, неторопливость, умеренность¹⁰⁰.

3. Православная цивилизация – северный евроазиатский цивилизационный комплекс, образованный суперстратом византийской христианской ортодоксии и субстратом восточнославянского и угро-финского анимизма, многобожия и шаманизма, а также адстратами поволжского (тюркского) ислама и уральско-алтайского шаманизма, и оформившийся к настоящему времени в православно-исламский симбиоз с некоторым влиянием социал-дарвинистского «научного» атеизма.

Высшие цели и ценности: «жить по Правде и по совести»¹⁰¹, Родина, Отечество, любовь, смирение, боголюбие и богобоязнь, вера в высшую справедливость, служение Христу; восприятие автократии с её властной иерархией как естественной социально-политической необходимости; Бог как абсолютная разумная и всемогущая сущность, как всесовершенная благодать и любовь, как объединяющая, роднящая людей сила, как источник человеческого счастья; спасение души и достижение блаженства в Царстве Небесном.

Доминирующие установки: мир как арена, где борются добро и зло¹⁰², где происходит самореализация человека через любовь¹⁰³; восприятие социума как открытой, наднациональной

⁹⁸ «Быстро сделанная работа хорошей не бывает» (индийская поговорка).

⁹⁹ «Друг проверяется бедой, герой – сражением. Честность – долгами» (индийская поговорка).

¹⁰⁰ «Щепотка сандала лучше телеги дров», «Расплатиться с долгами – всё равно, что разбогатеть» (индийские поговорки).

¹⁰¹ «Мы на совести сделались», «Глаза – мера, душа – вера, совесть – порука» (русские поговорки).

¹⁰² «Бог дал родню, а чёрт вражду» (русская поговорка).

¹⁰³ «Кого любишь, того сам даришь; а не любишь, и от него не примешь»

русской православной общины вкупе с иноверцами; стремление к упорядочению социального бытия (патриархальность), потребность внешнего контроля наряду со стремлением к самостоятельности; групповая солидарность и взаимовыручка.

Особенности психотипа: совестливость по отношению к окружающим, стремление к всеобщей справедливости, равенству и поведенческому совершенствованию, неприятие жёсткой регламентации, беспечность, расхлябанность; слабость конкурентных установок, отсутствие склонности к эксплуатации кого-либо, безразличие к интриганству, осуждение рвачества и богатства; жертвенность, неприхотливость, стойкость в страданиях, любовь и сострадание к ближним, доверчивость, подверженность отрицательным влияниям.

4. **Исламская цивилизация** – северо-африканский, ближне-, средне- и юго-восточный цивилизационный комплекс, образованный на основе суперстрата проповеди пророка Мохаммеда («Нет божества кроме Аллаха, и Мохаммед – пророк Его») и субстрата в виде восточно-семитского (арабского) доисламского анимизма и многобожия, а также адстратов в виде иудейского монотеизма и христианства и оформившийся к настоящему времени в религиозно-политическую доктрину «покорности» (*ислам*) и «закона» (*шариат*).

Высшие цели и ценности: вера в единого Бога и ревностное его почитание, стремление к гармонии сотрудничества и взаимопомощи в рамках «добродетельного града»; необходимость непримиримой борьбы с неверными, нравственное очищение и совершенствование, терпение и стойкость на пути к нему; верность, справедливость, умеренность, благоразумие, сострадание.

Доминирующие установки: мир как антитеза «земли ислама» (*дар-аль-ислам*) «земле войны» (*дар-аль-харб*), в современных условиях – секуляризованному «западному» миру. Необходимость «реисламизации» мира с целью утверждения в нём исламского закона и порядка¹⁰⁴. Восприятие социума как архипелага родовых единоверческих общин (*умма*) в океане ислама;

(русская поговорка).

¹⁰⁴ Мышь приняла ислам, но число мусульман не увеличилось, а число христиан не уменьшилось (арабская поговорка)

восприятие труда как повинности¹⁰⁵; приятие насилия и двойной морали.

Особенности психотипа: выраженное чувство достоинства и родовой ответственности, благочестивость, высокомерие высших слоёв и подбострастие низших¹⁰⁶, мстительность, бессовестность в плане принятия собственной вины; общительность, старательность, терпеливость, неприхотливость¹⁰⁷, умеренность, любознательность, быстрая приспособляемость к новым условиям, жизнелюбие; восприятие языка как украшения мысли, склонность к гиперболизации, образность мышления и выражения; беспечность, впечатлительность, несдержанность, импульсивность.

Дополнить современную экспозицию мирового цивилизационного разнообразия позволяют рассуждения М. Мелко, С. Хантингтона («Столкновение цивилизаций», 1993) и других по поводу существования западной, японской, африканской, латиноамериканской цивилизаций. Обратимся к генеалогии двух цивилизационных общностей, например, – латиноамериканской и западной. Если считать первую из них «субцивилизацией», всё более удаляющейся от некоей виртуальной «западноевропейской цивилизации», то немедленно возникает вопрос о «цивилизационности» так называемого Запада.

Прежде, чем дать цивилизационное определение Западу, мы вынуждены будем обратиться к судьбе его исторического предка – Римской империи, сомневаться в традиционной «цивилизационности» которой как-то не принято. Первым шагом на пути Рима к цивилизационному строительству (государственность, выход за пределы моноэтнического ядра) следует считать предпринятый в первой половине III в. до н.э. захват территорий этрусков, эквов, вольсков, самнитов, латинов и греческих городов Южной Италии и установление политического контроля над всем полуостровом. Последовавшая за этим полуторовековая экспансия (Пунические войны, войны в Иллирии, Македонии, с государством Селевкидов, Этолийским и Ахейским союзами)

¹⁰⁵ Общайтесь как братья, работайте как чужие (арабская поговорка).

¹⁰⁶ Если стал наковальней – терпи, если стал молотом – бей (арабская поговорка).

¹⁰⁷ «Будет рад тот, кто доволен тем, что имеет» (арабская поговорка).

привела к тому, что к началу I в. до н.э. Рим фактически приобрёл все характеристики империи, просуществовавшей до 476 г. н.э. Однако, концом римской цивилизации с её традиционным многобожием мы вправе считать более раннюю дату, а именно 313 г. н.э., когда на смену языческой парадигме пришло христианство – будущая мировая религия и, потенциально, основа новой евразийской христианской цивилизации.

Состоялась ли она? Похоже, что нет, поскольку уже через 200 лет её западное «крыло» потеряло государственность, а затем и былую этнокультурную (итало-кельтскую) доминанту. Ещё через 300 лет государственность ему была возвращена (правда, только в Европе), но доминирующим теперь стал германский этнос, отказавшийся блокироваться с многочисленными единоверцами на юге и востоке. Несколько веков спустя произошёл раскол по религиозному и этнокультурному стыку между романским (итало-кельто-иберио-вестготским) католицизмом и преимущественно германским (франко-норманно-саксо-фризским) протестантизмом. Что касается восточного «крыла», то его цивилизационное строительство продолжалось в течение целого тысячелетия, а после падения Византийской империи оно было продолжено на базе московского «филиала» по инициативе Великого князя Ивана III. Любопытно, что примерно в то же время (1492 г.) завершилась Реконкиста в Испании и началась колонизация (христианизация) Центральной и Южной Америки.

Таким образом, в период «нового времени» христианство получило три разнокалиберные и стадияльно отличные формы существования¹⁰⁸: евразийскую православную цивилизацию, иберио-латиноамериканскую католическую субцивилизацию и некое североатлантическое новообразование, которому С. Хантингтон поспешил присвоить незаслуженный, но громкий титул «универсальной цивилизации»¹⁰⁹. Потакая тщеславию англосаксов,

¹⁰⁸ По Данилевскому, каждый культурно-исторический тип, т.е. цивилизация, переживает три периода своего становления: этнографический, государственный (исторический) и цивилизационный (культурный).

¹⁰⁹ «Западная цивилизация предстаёт в истории как настоящая аномалия: из всех более или менее нам известных, эта цивилизация является единственной, развивавшейся в чисто материальном направлении... Но самое необычное, может быть, это претензия сделать из этой ненормальной цивилизации образец любой Цивилизации, рассматривать её как «цивилизацию» по преимуще-

попробуем дать и ей «цивилизационное» определение в изначально принятом нами формате:

«Запад» – североатлантический метацивилизационный комплекс, образованный на основе суперстрата доктрины «материалистического теизма» (каббализма, стоицизма, материализма, неоплатонизма, герметической философии, гностицизма, натурфилософии, оккультизма), европейского масонства и субстратов германского протестантизма и еврейского талмудизма, и оформившийся к настоящему времени в причудливую амальгаму культа «Великого Архитектора Вселенной», шовинистического социал-дарвинистского атеизма, миссионерского социального протестантизма, сионизма и широкого спектра сектантства от парахристианского до сатанинского с чётко выраженной претензией на право глобального господства и порабощения.

Высшие цели и ценности: устремлённость к материальному достатку, богатству, власти как цели активной самостоятельности; индивидуальное (редко семейное) мирское благополучие и комфорт («качество жизни», «Don't Worry – Be Happy», «Relax and Enjoy»), склонность к бессовестной эксплуатации, манипулированию, обману и присвоению чужого; самооценку денежного капитала как символа богоугодности личности; религиозная («свобода совести») и индивидуальная свобода¹¹⁰, бессовестность¹¹¹, абстракция свободы и демократии.

Доминирующие установки: мир как материальный объект освоения, эксплуатации, колонизации и произвольного «улучшения», как источник исключительно материальных благ с одновременным антагонизмом и пренебрежением к нему¹¹²; подсознательный страх перед возмездием за свои земные деяния, подчинение высшей силе как карающему судье и грозному вла-

ству...» (Рене Генон, «Восток и Запад»).

¹¹⁰ «Дайте мне поэтому свободу знать, свободу выражать свои мысли, а самое главное – свободу судить по своей совести» (Д. Мильтон). «У нас теперь истине царство свободы – всеобщей ни-к-чему-не-привязанности, никому-не-обязанности, ни-во-что-не-верия...» (Ж. Бодрийяр).

¹¹¹ «Я в души Совесть им вселю, – Вождя и Судию. Кто внемлет ей, от света к свету следуя, стремясь к заветной цели, тот себя спасёт» (Д. Мильтон).

¹¹² И.В. Мичурин: «Мы не можем ждать милостей от природы, взять их у неё – наша задача».

стителю¹¹³; восприятие человечества как объекта эксплуатации, контроля и управления, как пассивного и аморфного стада. Общая установка на борьбу, состязательность и соперничество.

Особенности психотипа: расчётливость, беспринципность, цинизм, склонность к компромиссам, деловитость, организованность, дисциплинированность, законопослушность; бессовестность, моральный эгоизм и нигилизм, стремление к преуспеванию, торопливость, бесчестность, вспыльчивость, интриганство, коварство; самолюбие, надменность, острое ощущение собственной исключительности, избранности¹¹⁴, морального превосходства; приспособляемость, изобретательность, предприимчивость, инициативность, самостоятельность, напористость, азартность; амбивалентность приветливости и замкнутости, отчуждённости и участливости, простоты и снобизма.

В данном контексте страны БРИКС оказываются главными представителями ряда традиционных цивилизаций (за исключением ЮАР). Вместе с тем, если Китай, Индия и Россия (до недавнего времени СССР) в целом эквивалентны соответствующим цивилизационным комплексам, то Бразилия являет собой пусть и существенную, но всё же часть, формирующейся латиноамериканской субцивилизации. Как и все латиноамериканские страны, Бразилия является проекцией иберийского католического культурного ареала, но в отличие от «белых» стран так называемого «южного конуса» (Чили, Аргентина, Парагвай, Уругвай) или преимущественно индейской Мексики испытывает на себе значительное влияние африканского генотипа. Это выражается в виде широко распространённого афрокатолического синкретизма с сохранением отдельных чисто африканских анимистических (шаманско-тотемических) традиций. Негры, мулаты, метисы и самбо Бразилии сегодня составляют половину её 170-миллионного населения, и влияние этого этно-расово-культурного компонента продолжает расти. Наряду с этим в данной стране, как и в Чили и ряде других стран, отмечается ускоренный рост доли протестантского населения (сейчас 20%) в

¹¹³ «К Добру стремиться мы не станем с этих пор, Мы будем счастливы, творя лишь Зло» (Д. Мильтон).

¹¹⁴ Уже Кальвин в ходе дебатов о сущности божественной благодати разделил человечество на «осуждённых» и «избранных».

основном за счёт католиков (доля которых всего за последние 20 лет сократилась с 93 до 73%). Учитывая, что её расово-культурный архетип продублирован в Колумбии, Венесуэле и странах Карибского бассейна, мы можем полагать, что именно в этот регион и будет направлена ближайшая геополитическая экспансия Бразилии.

Всё это позволяет вернуться к проблеме цивилизованности, начав с определения основных критериев цивилизационной «зрелости» вообще:

– наличие непрерывной, духовной традиции в виде «государственной» религии, за исключением, пожалуй, Китая, где роль религии (в западном её понимании) в значительной мере играет древний анимизм и даосизм вкупе с этико-социальными доктринами конфуцианства, буддизма, а в последнее 50-летие и марксизма, и маоизма, и идей Дэн Сяопина;

– наличие многовековой импероподобной государственности, за исключением, пожалуй, исламской, центробежной по своей природе цивилизации, не имеющей в настоящее время единого политического и, тем более, государственного центра. Вместе с тем, проблема определения политического ядра грядущего «всемирного халифата» представляется весьма актуальной, если не с цивилизационной, то с геополитической точки зрения;

– представление о пределах собственного цивилизационного влияния и пространства, то есть о некоем равновесии между центробежными и центростремительными силами. Для Китая, например, – это древний космографический концепт о «Священном красном континенте» или «Срединном государстве» (Чжунго) как ядре, осуществляющем цивилизационный «протекторат» над окружающими его девятью областями (цзю чжоу) вплоть до Памира на западе, Монголии на севере и Мьянмы, Малайзии и Филиппин на юго-востоке. Для России – это концепция «Москва – Третий Рим» вкупе с целеустремлённой «русификацией» Сибири на востоке и идеями панславянизма (Восточная Европа и Балканы) на западе и юго-западе. Для ислама – это потенциально территория всего мира, а кинетически – пограничные бои с зороастризмом и индуизмом на востоке и христианством на западе и севере. Минимум экспансионизма де-

монстрирует лишь не приемлющая насилие индуистская цивилизация, хотя и её границы потенциально могли бы раздвинуться до Ирана, Афганистана и Таджикистана на северо-западе и до Мьянмы, Таиланда и Камбоджи – на востоке;

– непереносимое наличие моноэтнического и монокультурного ядра в окружении полиэтнической и поликультурной оболочки с доминантой «цивилизационного» языка ядра наряду с большим этнолингвистическим разнообразием периферии (минимальное в исламе, максимальное в России и Индии, а в Бразилии – ещё и расовое).

Оценивая зрелость традиционной цивилизации через язык, и, в частности, письменность в качестве мощнейшего культурного и цивилизационного интегратора, нетрудно заметить, что полноценными здесь оказываются православная (церковно-славянский, кириллица, русский язык) и китайская цивилизация, интеграция которой при большом разнообразии языков и диалектов была бы немыслима без китайской иероглифики. Несколько хуже обстоит дело с многоязычной периферией исламской цивилизации, где арабский язык не имеет практически никакого влияния, а арабская алфавитная письменность в силу её фонографической природы не может играть роль цивилизационного интегратора. Не совсем «полноценной» в этом смысле выглядит и индуистская цивилизация, лингвистическое ядро которой (санскрит, пракрит, пали, письменность брахми-нагари-деванагари, хинди) так и не достигло 50%-ной «критической массы» и теперь вынуждено переживать период «лингвистической раздробленности» вместе с 20 официальными языками и используемым только элитой языком британских колонизаторов, оставленным Индии в качестве «дара данайцев». На этом фоне несколько лучше должна чувствовать себя латиноамериканская субцивилизация (церковная латынь, латиница, испанский и португальский), лингвистическому единству которой в виде перспективного гибридного испанско-португальского *портуньола*, ничто, похоже, не угрожает.

А что же мы имеем в цивилизованной Западной Европе? Тут по-прежнему царят этнолингвистическая анархия и раздробленность, преодолеть которые оказалось не по силам даже церков-

ной (средневековой) латыни. Никаких цивилизаторских плодов на континенте не принесло ни вялотекущее противостояние средневековых французского и немецкого, ни короткий триумф французского во времена наполеоновского «Первого евросоюза». Гораздо более преуспела в деле строительства «универсальной цивилизации» Великобритания, успешно насаждавшая английский в большинстве своих многочисленных колоний.

Касаясь проблем межцивилизационных взаимодействий, хотелось бы подчеркнуть, что современное применение понятия «межцивилизационный диалог» требует уточнения.

Здесь необходимо, в частности, обратить внимание на сужение этого понятия при практическом использовании. В современной историографии и культурологии под межцивилизационными отношениями, как правило, понимается двусторонний торговый обмен и производные от него межгосударственные экономические связи, в результате которых заимствуются отдельные знания, навыки и технологии. Характерно, при этом, что заимствование это со времён античности и вплоть до XVI в. шло нередко между «варварским» востоком и «цивилизованным» западом, а сколь-нибудь заметное нематериальное культурное взаимодействие практически отсутствовало как явление. Ещё сложнее назвать «межцивилизационным диалогом» вынужденные взаимодействия культур в результате массовых миграций и завоеваний. Порабощённая культура либо деградирует и сходит с исторической сцены, либо освобождается от инокультурного гнёта и возрождается.

В этом плане культура и цивилизация не эквивалентны, поскольку под цивилизацией следует понимать некое качественно иное состояние культуры и её носителя, способное противостоять «болезням роста» в виде межрелигиозных конфликтов, интервенций и колонизации. Сомнения здесь могут возникнуть лишь в отношении цивилизации Древнего Рима, науа и инков, оправданием слабости которых, вероятно, может быть их незрелость.

Но вернёмся к межцивилизационным взаимодействиям и позволим себе очень кратко суммировать их характер и последствия за последние 500 лет. За этот период европейские «цивили-

затары» (португальцы, испанцы, голландцы, французы, немцы, англичане) захватили и колонизировали почти 75% обитаемой территории суши, уничтожили тысячи самобытных племён, народностей и культур в обеих Америках, включая *субцивилизацию* науа (Мексика) и инков (северо-запад Южной Америки). За четыре столетия европейские работорговцы вывезли с западно-африканского побережья не менее 60 млн человек, из которых живыми доставили в обе Америки не более 16 млн человек. За этот период была колонизирована «большая Индия», а Китай был превращён в полуколониальный протекторат крупных иностранных держав. Была уничтожена и Османская империя.

За этот период православная цивилизация подверглась польской и шведской интервенции (1609–1618), шведской интервенции (1708–1709); наполеоновской интервенции (1812–1813); англо-франко-турецкой интервенции (1853–1856) и германской интервенции (1941–1945), не считая нескольких царевубийств, государственных переворотов, а также революций XX в.

Между тем, значение межцивилизационного и межкультурного диалога невозможно переоценить. Когда он происходит, он, безусловно, позитивен, поскольку позволяет осознать общность целей и интересов, в чём сходятся все цивилизации, и глубже понять значение и ценность собственной культурной традиции. Он также позволяет им сравнивать культурные достоинства и недостатки друг друга, судить о них и понимать их, сохраняя при этом традиционный мир культурного многообразия и культурной идентичности наций и народов. В любом случае культурный обмен развивает национальное самосознание и способствует росту национального достоинства его участников.

И если нельзя допустить слияния разных доктрин, то тем более не может быть и речи о замене одной традиции на другую. Ведь каждая из них по сути самодостаточна и обладает собственным смыслом существования хотя бы потому, что наилучшим образом приспособлена к конкретным природным условиям. Любые попытки привести их к единообразию плачевны и разрушительны.

В этой связи вполне естественной видится постановка вопроса о том, как сформировалась и что в настоящее время пред-

ставляет собой т.н. «глобальная культура».

Идейно-психологической основой для западноевропейского добровольного дезертирства из единого (апостольского) христианского мира следует считать в принципе греховную претензию на исключительность католической церкви и непогрешимость папской проповеди. Непосредственная вовлечённость её епископата в политическую жизнь Европы, начиная с VIII в., влияние духа римского императорского экспансионизма, римского права и римского шовинизма заложили основу будущей агрессивной внешней политики этой теократической федерации. Её апогеем стала стратегия «креста и меча» в Европе и на Ближнем Востоке (крестовые походы), а затем в Центральной и Южной Америке, где колонизация вкупе с насильственной христианизацией индейцев приняла форму жесточайшего расового террора и угнетения.

Всё это, начиная с «эпохи Возрождения», привело к неизбежной духовно-нравственной деградации и коррумпированности (симония, индульгенция) католического священства на всех уровнях. В качестве протестной реакции последовала Реформация и кровопролитные религиозные войны. Аналогичная деградация имела место и в аристократической среде Западной Европы, которая вместе с, якобы, непогрешимым духовно-нравственным потенциалом, в конце концов, потеряла и власть.

Пика духовного истощения деморализованная, расколота на партии и секты Западная Европа достигла в «эпоху Просвещения», когда в целом сформировалась принципиально новое, доселе неизвестное, материалистическое мировоззрение – индивидуалистический гуманизм. Если ключевым аспектом мировоззрения всех традиционных цивилизаций и культур является моральная ответственность за свои действия и убеждённость в неизбежности наказания за любое преступление, когда верховным судьёй выступает всемогущий и всевидящий Творец, то подобные «гуманисты», вывив себя из-под божественной юрисдикции, заодно освободили себя от понятия чести и совести. Восторжествовала личная выгода, ради которой достаточно скрыть преступление от окружающих или откупиться в ходе судебного процесса.

В результате таких лукавых манипуляций социум (народ, племя, род, община) был снят с должности субъекта истории – её передали «освобождённой» личности менялы-торговца. Понятно, что активные буржуа тут же приступили к альтернативному, транснациональному, надгосударственному, «сетевому» проекту, целями которого явились уничтожение автократии и сословной иерархии. На смену ей пришли пародийная демократия, негативный отбор республиканских правителей и, главное, собственная тайная транснациональная иерархия на основе власти паразитарного и преступного денежного капитала.

Вслед за «Просвещением» стартовали и другие не менее глобальные идеологические проекты. Вот их далеко не полный перечень:

– «Идеологизация» или иначе вброс серии ложных или утопических философских и социально-политических концептов: материализм¹¹⁵, рационализм, либерализм, консерватизм, социализм, анархизм, марксизм, интернационализм и т.п.

– «Десоциализация», где главным орудием социального разложения выступает социал-дарвинизм с его «законами» естественного отбора и борьбы за выживание, а также пропаганда атеизма, свободы совести и прочих «свобод».

На психологическом и социокультурном уровне данное мировоззрение естественным образом получило благодатную почву в странах победившей Реформации и, особенно, в среде протестантов-эмигрантов Северной Америки. Несложный психоанализ архетипа эмигрантского сознания позволяет выделить чувство обиды, тоски и ненависти к прошлому наряду с эйфорией личной надежды на успех в новой среде и жадной мести по отношению к отвергнувшему его социуму. В результате противоречивость религиозного самосознания, идейные, моральные и культурные конфликты приводят эмигрантское сознание к невротическому расстройству ноогенного типа, преодолевать которое можно лишь в текущей деятельности, в постоянном движении, где вовсе можно обойтись без обоснованного целеполагания. Одновременно фрустрация и истерия вынуждают созна-

¹¹⁵ Термин «материализм» в современном его понимании был запущен Д. Беркли.

ние опустошаться, вынося вовне, на территорию «противника», всё противоречивое и конфликтное, компенсируя это опустошение ощущением собственной избранности, поиском особой миссии. Поразительно, но практически каждая буржуазная революция в Европе вызывала всплеск вооружённого экспансионизма, принося неисчислимые бедствия как собственному народу, так и его соседям.

Необходимым катализатором активности этого психотипа в Северной Америке послужила стратегия по стимулированию регулярных эмигрантских волн, призванных противодействовать естественному окультуриванию и укоренению этнических общин на завоеванных землях. То есть, были предприняты целенаправленные усилия с целью перемешивания и разбавления этнокультурного «бульона». Из трёх крупных волн иммиграции первая (середина XIX в.) в основном исходила из Северной Европы, вторая (начало XX в.) – из Южной и Восточной Европы, третья (после 1965 г.) – из Азии и Латинской Америки. Всё это позволяло поддерживать на высоком уровне сектантскую агрессивность и культурофобию среднего «тихого американца» по отношению к Старому Свету.

Сформированный, таким образом, психотип «белых англосаксонских протестантов» Америки программировал стратегию их поведения во многих сферах. Он пестовал изоляционизм и некий культурный консерватизм у себя, но активно разлагал всё традиционное вокруг¹¹⁶; защищая собственные рынки, но вскрывая чужие, «выгребая угли» чужими руками.

*А.А. Канунников**

К ВОПРОСУ О МЕСТЕ РОССИИ В МИРОВОМ ЦИВИЛИЗАЦИОННОМ ПРОЦЕССЕ

Всякий раз, когда проходит обсуждение вопросов, касаю-

¹¹⁶ Для Р.У. Льюиса американец – это «индивид, эмансипированный от истории, по счастью, не имеющий предков, незатронутый и неиспорченный обычным наследием семьи или расы; одинокий индивид, полагающийся лишь на самого себя и сам себя побуждающий к деятельности».

* Канунников Анатолий Алексеевич, к.и.н., с.н.с. Центра социальных исследований ИЕ РАН.

щихся развития мировой цивилизации, вклада отдельных стран и интеграционных объединений в решение геополитических, социокультурных, экономических и других проблем человечества, неизбежно возникает вопрос о роли и месте современной России в глобализирующемся мире, её будущем развитии.

Дискуссии по вопросам тенденций цивилизационного развития, организованные Институтом Европы РАН, стали ещё одним подтверждением большого внимания академического сообщества к вопросу о месте России в системе координат сложных взаимоотношений между основными центрами силы современного мира¹¹⁷.

Если попытаться суммировать высказанные в ходе этих дискуссий различные точки зрения, касающиеся будущего России, то, на мой взгляд, они сводятся, в основном, к двум подходам.

Первый подход заключается в том, что Россия уникальное самодостаточное государство, обладающее огромной территорией, сырьевыми ресурсами, природными богатствами, запасами полезных ископаемых, газа, нефти, крупнейшими в мире запасами пресной воды, достаточными для жизни и успешного развития многих поколений. При этом уникальность России заключается ещё в том, что она, будучи расположенной на двух континентах и являясь носителем богатой тысячелетней истории и обладателем великого культурного наследия, синтезировавшего культурные традиции Европы и Азии, объединила вокруг себя многочисленные народы.

Сторонники этого подхода считают, что начавшиеся на постсоветском пространстве интеграционные процессы позволят в перспективе на принципиально новой основе создать объединение государств, которое будет иметь колоссальный рынок с унифицированным законодательством, свободным передвижением капиталов, услуг и рабочей силы. Такое объединение позволит обеспечить эффективное экономическое развитие каждого из участников этого союза.

В нынешних условиях Россия, по мнению сторонников данного подхода, должна идти по пути расширяющейся интегра-

¹¹⁷ См., например, «Перемены в Европе: возможны ли альтернативные модели». ДИЕ РАН № 286. М., Русский сувенир, 2012.

ции, формируя самостоятельный центр силы и выстраивая взаимовыгодные отношения с другими лидерами цивилизационного развития: США, Евросоюзом, Китаем и т.д. При этом Россия ни в коем случае не должна примыкать полностью ни к одному из существующих центров силы, а напротив – должна сохранить полную независимость и самостоятельность, поскольку только такая политика может обеспечить максимальную эффективность социально-экономического развития России и обеспечить преимущества её народам.

Аргументируя справедливость своего подхода, обычно ссылаются на успехи реализации задач, которые ставилась при создании ЕврАзЭС в 2000 г. Именно логика тесного, взаимовыгодного сотрудничества, понимание общности стратегических национальных интересов привели Россию, Белоруссию и Казахстан к формированию Таможенного союза.

Достигнутый успех позволяет на данном этапе интеграционного процесса сделать следующий шаг: от Таможенного союза к Единому экономическому пространству. Ставится конкретная задача создать рынок с более чем 165 млн потребителей, унифицировать законодательство, обеспечить свободное передвижение капиталов, услуг и рабочей силы.

Второй подход сводится к тому, что поскольку Россия всегда была привержена западному типу развития, то она и должна оставаться неотъемлемой его частью, и «естественные союзники» России находятся, в основном, на евроатлантических просторах.

В подтверждение своей правоты сторонники этого подхода утверждают, что всю свою историю Россия и русская элита, считая Россию европейской державой, равнялись исключительно на Запад, на Европу, а не на Восток. И поскольку россияне по своим историческим и культурным корням европейцы, то своё будущее они должны связывать с Европой. Не случайно, считают они, в настоящее время 56% товарооборота России осуществляется именно с ЕС, и именно оттуда она получает 86% иностранных инвестиций.

Обосновывая преимущества западного вектора цивилизационного развития России и доказывая готовность Европы к со-

трудничеству с Россией, часто приводят пример, что уже после революции, в 1920-е гг., Запад активно сотрудничал с Россией, а лидеры Запада вполне положительно воспринимали большевистскую политику НЭПа, предусматривавшую предоставление Западу концессий. На Западе считали, что не будет ничего плохого, если в Россию инвестировать деньги, технологии, а взамен получать полезные ископаемые, золото, пшеницу и другие нужные товары. Так же, говорят сторонники этого подхода, должны строиться отношения с Западом в наши дни: «Мы вам сырьё, вы нам технологии. Вот взаимовыгодное сотрудничество».

Роль и место России в западном варианте цивилизационного развития ёмко выражены в формуле «Россия – младшая сестра Запада»¹¹⁸, которая находит своих сторонников среди определённой части российской элиты.

Заметим, что среди сторонников этого подхода существует и более радикальный взгляд на отношения России и Запада. Так, Михаил Прохоров в 2011 г. от имени «Правого дела» заявил, что для дальнейшего развития России «надо больше ориентироваться на Европу, войдя в «Шенген» и сменив рубль на евро»¹¹⁹. Кто-то идёт ещё дальше, считая, что статус России как стратегического союзника Евросоюза в обозримой перспективе может переформатироваться в постоянное членство, а с существенно изменившейся НАТО Россия, мол, может завершить переговоры о своём вступлении в альянс¹²⁰.

Иногда для большей убедительности сторонники исключительно «европейского выбора» указывают на потенциальную угрозу для России (с её низкой плотностью населения в Сибири и на Дальнем Востоке) со стороны Китая.

Однако обращает на себя внимание тот факт, что многие участники дискуссии, говоря о преимуществах западного пути развития России, практически не упоминают позицию США по этому вопросу, хотя под Западом обычно принято подразуме-

¹¹⁸ <http://trueinform.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=9822>.

¹¹⁹ <http://www.interfax.ru/> 11 августа 2011 г., 20:24.

¹²⁰ Доклад «Россия XXI века: образ желаемого завтра». Авторы доклады – эксперты ИНСОРА: А. Гольц, Е. Гонтмахер, Л. Григорьев, С. Кулик, Б. Макаренко, Н. Масленников, С. Плаксин, А. Рубцов, Е. Шаталова, И. Юргенс. http://rosglobal.polpred.com/upload/pdf/Obraz_gel_zavtra.pdf.

вать именно Европу и США. Возможно, это связано с не оправдавшимися ожиданиями 1990-х гг., возможно, с бесцеремонным вмешательством Соединённых Штатов во внутренние дела России того времени, а, может быть, потому, что стало очевидным пренебрежительное отношение некоторых американских деятелей к России, выраженное З. Бжезинским: «Для Америки Россия слишком слаба, чтобы быть её партнёром»¹²¹, возможно, и по каким-то другим причинам. В любом случае, это существенный недостаток в рассуждениях о «европейском выборе России», если принять во внимание степень политического, экономического и военного влияния США на Европу.

В этой связи вполне уместно вспомнить некоторые высказывания американских политических деятелей, а также посмотреть на отношение к постсоветской России политического истеблишмента США.

В начале 1990-х гг. среди российской политической элиты были широко распространены иллюзии относительно радужных перспектив российско-американских отношений. Но в США не разделяли эйфории российских либералов. Отношение к России там было совершенно иным: «Россия – побеждённая держава. Она проиграла титаническую борьбу. И говорить «это была не Россия, а Советский Союз» – значит бежать от реальности. Это была Россия, названная Советским Союзом. ... Она была побеждена. Сейчас не надо подпитывать иллюзии о великодержавности России. Нужно отбить охоту к такому образу мыслей... Россия будет раздробленной и под опекой»,¹²² – писал в 1997 г. тот же Бжезинский.

Не следует тешить себя иллюзиями, что эти жёсткие высказывания американского политолога не имеют ничего общего с реальной политикой Соединённых Штатов Америки. Вот как совсем недавно отреагировала тогдашний госсекретарь США Хиллари Клинтон на перспективы экономической интеграции на постсоветском пространстве. «В США постараются не допу-

¹²¹ Бжезинский З. «Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы». М. Международные отношения, 1999. С. 143.

¹²² Бжезинский З. «Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство». М., Межд. отношения, 2010 г. С. 127.

стить воссоздания Советского Союза в новой версии под вывеской экономической интеграции» – заявила она в Дублине в декабре 2012 г. Как пишет газета «Financial Times», руководитель Госдепартамента США заявила, что сейчас делаются усилия по ре-советизации региона, хотя официально это будет называться иначе, например, «Таможенным союзом», «Евразийским союзом» и что-то подобное. «Однако не будем обманываться, – сказала Клинтон. – Мы знаем, какова настоящая цель этого, и уже пытаемся проработать эффективные способы замедлить или предотвратить [интеграцию]»¹²³.

Наивно полагать, что это только личное мнение г-жи Клинтон. Вспомним хотя бы слова её предшественника – бывшего госсекретаря США К. Пауэлла: «Россия должна забыть о том, что у неё есть какие-то интересы в республиках бывшего СССР»¹²⁴.

Так что мы видим весьма твёрдую и чётко обозначенную политическую линию американского истеблишмента по отношению к России и интеграционным процессам на постсоветском пространстве.

Совершенно ясно, что евразийский вариант интеграционного развития новой России не устраивает Запад. Из Вашингтона давалась и даётся прямая установка на то, что США и Европа должны «выступать единым фронтом»¹²⁵ против усилий России проводить самостоятельную интеграционную политику на постсоветском пространстве.

У кого-то, похоже, складывается впечатление, что Россия столкнулась с дилеммой – «Восток или Запад?». Кстати, к такому же выводу приходит ряд российских и зарубежных исследователей перспектив цивилизационного развития России. Однако, по нашему убеждению, парадокс заключается в том, что дилеммы «Восток или Запад» для России просто не существует. И вот почему.

Та часть российской политической элиты, которая выступа-

¹²³ <http://www.ft.com/cms/s/0/a5b15b14-3fcf-11e2-9f71-00144feabdc0.html#axzz2IVJR4MJа>.

¹²⁴ См. в кн.: Якунин В.И., Багдасарян В.Э., Сулакшин С.С. «Новые технологии борьбы с российской государственностью». М., Научный эксперт, 2009.

¹²⁵ Brzezinsky Z. The Premature Partnership. Foreign Affairs, vol. 73, № 2, March /April 1994. P. 67-82.

ет за интеграционные процессы на постсоветском пространстве и за евразийский путь развития, не только не исключает возможности европейского выбора, но напротив, считает сотрудничество с Западом необходимым, предлагая своё видение параметров и уровня интеграции России с Европейским Союзом.

Отвергая в принципе скорое вступление России в Европейский Союз как нереалистичное¹²⁶, сторонники такого варианта развития предлагают Европе программу совместного будущего из 5 пунктов¹²⁷.

Кратко столь масштабные предложения можно сформулировать так:

Во-первых, создать «гармоничное сообщество экономик» от Лиссабона до Владивостока, а в будущем – зону свободной торговли.

В-вторых, поощрить новую волну индустриализации в Европе при необходимой модернизации российской промышленности с использованием европейских технологий.

В-третьих, создать единый энергетический комплекс Европы.

В-четвёртых, наладить тесное сотрудничество в сфере науки и образования.

В-пятых, достичь соглашения об отмене визового режима между РФ и странами Евросоюза.

Эти предложения не беспочвенны. Ещё в 2003 г. Россия и ЕС договорились о формировании общего экономического пространства, координации правил экономической деятельности без создания наднациональных структур. После создания Таможенного союза, логично полагать, что он становится участником диалога с ЕС, а в дальнейшем диалог с Европейским Союзом смог бы вести Евразийский союз. Таким образом, Европа получает сильного и полноправного союзника и партнёра в лице участников Евразийского союза. При этом взаимовыгодная система партнёрства Евразийского союза и ЕС будет способство-

¹²⁶ <http://ria.ru/politics/20121025/906794981.html>.

¹²⁷ Эта программа была подробно изложена в 2010 г. в статье В. Путина в немецкой газете *Suddeutsche Zeitung*. <http://top.rbc.ru/politics/25/11/2010/504804.shtml>.

вать формированию позитивной геополитической и геоэкономической конфигурации всего континента, а также будет иметь позитивное глобальное воздействие.

Обращает на себя внимание тот факт, что в последнее время на Западе всё больше людей пытаются взглянуть на отношения с Россией свежим взглядом. Даже Бжезинский приходит к заключению, что необходимо переосмыслить отношение Запада к России. «Я подчёркиваю необходимость создания «широкого Запада», который бы включал в себя евроатлантическое сообщество, а также Россию, Украину или Турцию» – утверждает он¹²⁸. К сожалению, эти настроения пока никак не влияют на общую картину отношений с Россией.

Итак, как мы видим, подходы России и Запада в вопросах сотрудничества и интеграции отличаются. Становится понятно, что альтернатива всё-таки существует, но это отнюдь не дилемма «Восток – Запад». Подлинный выбор лежит в плоскости различия условий, на которых Россия готова сотрудничать с Западом и тех требований, которые для этого выдвигает Запад к России.

Неистребимое желание Запада на протяжении всей своей истории решать собственные проблемы за счёт других заставляет внимательнее отнестись к требованиям, которые предъявляются России.

Фактически альтернатива, предлагаемая нам Западом, состоит в том, сохранит ли Россия в цивилизационном развитии роль, соответствующую её геополитической истории, на основе равноправного партнёрства и взаимного доверия, или утратит свою идентичность и растворится в западной цивилизации. И здесь российскому обществу предстоит принять историческое решение – готово ли оно согласиться с требованиями Запада или пойдёт по пути создания Россией собственного центра силы.

Как считает французский политолог Денни Плювинаж, изменения в поведении России по отношению к США и Европе в последнее время говорят о том, что страна всё-таки считает для себя главным поиск нового, собственного пути. Если в 1990-е гг. Москва пыталась найти партнёров и примеры для подража-

¹²⁸ <http://inosmi.ru/world/20130401/207588148.html#ixzz2RpsN9eYD>.

ния на Западе, то в США она встретила с отношением к себе как к бедной родственнице, а в Европе она натолкнулась лишь на снисходительность и стремление вмешаться в свои внутренние дела¹²⁹.

Похоже, что большинство политиков на Западе до сих пор не поняли огромных положительных перспектив для Европы в равноправном сотрудничестве с Россией.

По многим вопросам цивилизационного развития уже развёртываются и будут продолжаться полезные дискуссии и широкий обмен мнениями в разных форматах, в частности на Саммитах «Группы 20» (включая заседание в Санкт-Петербурге в 2013 г.).

Точка зрения наших известных специалистов по этой проблематике подробно изложена в развёрнутом докладе о последствиях современного цивилизационного кризиса и путях движения к устойчивому развитию. (Важнейшие положения и выводы этого документа были представлены на обсуждение весной 2013 г. в рамках VII Цивилизационного форума в Москве)¹³⁰.

При всей сложности и противоречивости тенденций цивилизационного развития, включая трудности диалога России с США и Европой, всё-таки некоторые прогнозы, как нам представляется, можно сделать уже сегодня. Анализ геополитических, социокультурных и других составляющих устойчивого развития, рассмотрение взаимоотношений между основными центрами силы в мире, а также изучение тенденций развития России, включая и состояние современного российского общества, дают основания утверждать, что Россия в обозримом будущем продолжит движение по пути, соответствующему её геополитической истории, в частности продолжит стремиться к расширению евразийской интеграции и созданию Евразийского союза при сохранении диалога и сотрудничества с Западом и Востоком.

¹²⁹ <http://www.agoravox.fr/actualites/international/article/la-russie-tourne-une-pag-e-125332>.

¹³⁰ См.: «Научные основы стратегии преодоления цивилизационного кризиса и выхода на траекторию глобального устойчивого развития». Проект доклада международного коллектива учёных к Саммиту «Группы 20» в Санкт-Петербурге. (Рук. – д.э.н., проф. Ю.В. Яковец).

К СОТРУДНИЧЕСТВУ, А НЕ К КОНФРОНТАЦИИ

При обсуждении причин, истоков глобальных рисков и других последствий современных кризисных процессов необходим комплексный анализ главных факторов, лежащих в их основе, не допуская здесь каких-либо упрощённых подходов.

Ведь нельзя не учитывать глобальный характер современных кризисных феноменов и их воздействий. В данной связи обращает на себя внимание тот оживлённый отклик во Франции, США и в других странах, который вызвали выводы о наступившем новом «глобальном кризисе» всей цивилизации (Э. Морэн), о необходимости «изменить нашу цивилизацию» (М. Обри и др.), призывы к новой международной экологической политике (А. Гор, Ж. Ширак, Ф. Олланд и др.).

Нынешняя ситуация выглядит очень серьёзной, тревожной. Она требует радикальных решений и более решительных действий, для предотвращения страшных катастроф¹³¹.

Причём, всё более серьёзные угрозы создаёт не только череда природных катастроф, но и ряд глубоких кризисных процессов, затронувших человеческие общества, а также международные отношения. Это, бесспорно, ещё сильнее «обостряет и более широкие проблемы обеспечения мирового порядка, – констатируют известные британские политологи Д. Хелд и К. Юнг. – Современный глобальный финансовый кризис стал лишь симптомом более общей болезни, поразившей сферу глобальной управляемости. Такие крупнейшие недочёты и упущения сказываются не только в системе глобальной финансовой управляемости, но также в сферах безопасности и управляемости глобальной окружающей среды¹³².

¹³¹ Подробнее об этом, например, см.: Charles Perrow. «The Next Catastrophe: Reducing our Vulnerabilities to Natural, Industrial and Terrorist Disasters». Princeton and Oxford, 2007. P. 6-40. См. также: в книге «Будущее цивилизаций». М., МИСК-ИНЭС, 2008. С. 80-81.

¹³² David Held and Kevin Young. «Governance of Global Risks in Finance, Security, and the Environment». In: «The Deepening Crisis: Governance Challenges

К числу недостатков встречающегося ещё нередко декларативно-утопического подхода относится и его безальтернативность. При этом порой проявляется недооценка значимости социально-экономических и иных противоречий в развитии общества.

Жизнь предостерегает нас против игнорирования подобных факторов. История учит, что, при определённой степени обострения общественных противоречий, народные массы могут подерживать не курс на верхушечные изменения, а прибегать к более радикальным путям и формам борьбы¹³³.

Несомненно, в современном мире многое меняется. Но в каких направлениях происходят важнейшие изменения? Уменьшается ли вследствие этого – либо, напротив, растёт – степень необеспеченности человеческого существования? В какой мере увеличиваются при этом риски неустойчивости? Должна ли усиливаться роль государства, госрегулирующего и поддерживающего его социально-политических сил? Неминуемо ли в таких условиях рост влияния альтернативных позиций и решений? Насколько перспективно формирование в данной связи новых коалиций, значимость совместных коллективных акций? Эти вопросы, на наш взгляд, заслуживают более внимательного изучения и обсуждения.

Ведь уроки истории красноречиво показывают, что одномерных, безальтернативных ситуаций не бывает. Вспомним, какой веер позиций и решений выявился в годы кризисных потрясений начала 30-х годов прошлого века. Наблюдался тогда бесповоротный рост госмонополистических, кейнсианских тенденций в крупнейших странах Запада. Но он имел весьма разные идеологические формы и политические последствия: с одной стороны, это укрепление рузвельтовской демократической коа-

After Neoliberalism». (Ed. by G. Calhoun and G. Derlugian) Social Science Research Council. N.-Y., 2011. P. 19-20.

¹³³ Этим вопросам, касающимся иных, альтернативных форм и путей общественных преобразований, уделяется, как известно, немало внимания в трудах ряда зарубежных и отечественных авторов. См. труды социологов, историков ряда стран, в частности, работы: Ш. Эйзенштадт. «Революция и преобразование обществ: сравнительное изучение цивилизаций»; книга М. Калдор «Новые и старые войны: организованное насилие в глобальную эру»; труды Ч. Тили о феноменах коллективного насилия и конфликтов в Европе и др.

лиции в США; а с другой – приход к власти фашизма в Германии (нацисты тоже использовали антикризисную риторику, лозунги борьбы с массовой безработицей и т.д.). Авторитаризм – это многоликое явление. Он может, используя националистическую фразеологию, вести к реальным процессам демократизации, подавлению прав личности, выхолащиванию гражданских свобод.

Ещё одной формой насилия становятся, по сути, чреватые заметно усилившимися моральными и политическими издержками клеветнические нападки на религию, что сопровождается ростом конфессиональных и межцивилизационных противоречий в разных регионах мира. Этим вопросам посвящена обширная литература, публикации растущего числа известных как зарубежных, так и отечественных авторов¹³⁴.

Последствия этого трудно переоценивать. Неслучайно ведь ряд авторитетных учёных сравнивает результаты роста религиозного фундаментализма с «извержением социального вулкана». Проводя такое сравнение, известный экономист, американский профессор Лесли Туроу не без оснований пишет: «Люди, проигрывающие в экономической жизни или почувствовавшие неуверенность перед новой эпохой, не зная, как преуспеть в этой эпохе, отступают в религиозный фундаментализм». И поэтому «прежние способы человеческого поведения не работают. Новые требуемые способы поведения... угрожают старым ценностям, и никто в точности не знает, что нравственно и что безнравственно...»¹³⁵. В таких условиях создаётся питательная почва для возрождения реакционных ксенофобских и расистских тенденций...¹³⁶

¹³⁴ См., в частности, в опубликованном недавно издательским домом Высшей школой экономики полном тексте доклада лауреата Нобелевской премии по экономике Д. Норта, вместе с его сотрудниками, по теме: «В тени насилия: уроки для обществ с ограниченным доступом к политической и экономической деятельности». М., 2012. 48 с.

¹³⁵ Lester C., Throw L. «The Future of Capitalism. How Today's Economic Forces Shape Tomorrow's World». N.-Y., 1996. P. 18.

¹³⁶ Ibid. P. 240-241. Ещё тревожнее и откровеннее о росте антиарабских, других ксенофобских настроениях в ряде европейских стран заговорили в последние годы. Об этом, в частности, см. в книге Christopher Caldwell «Reflections on the Revolution in Europe: Immigration, Islam and the West». L., 2010. P. 4-12, 91-97, 142-244.

Существуют, как показала наша дискуссия, разные точки зрения, в том числе по вопросам классификации цивилизаций и интерпретаций отличительных особенностей каждой из них. Немало дебатов ведётся, например, вокруг оценок прошлого и будущего стран в западном цивилизационном ареале. (Правда, влияние некоторых из старых идей, зарождавшихся в 20-е годы прошлого века, включая спорные право-анархистские концепции Генона и Эволя, которые так любили поднимать на щит иные политики в период восхождения фашизма, вряд ли стоило бы в наши дни переоценивать).

С некоторых пор на Западе вместо прежних форм нетерпимости и открытой апологетики агрессивного экспансионизма, стали прибегать и к новой фразеологии. Она сопровождается декларациями о стремлении к «толерантности», к уважению прав народов, к использованию «мягкой силы» в межгосударственных отношениях и т.д. К подобной терминологии нередко прибегают сейчас в условиях неравномерно развивающейся глобализации, которая (вопреки заверениям неолиберальных идеологов) ведёт на деле к обострению социально-экономических, политических и других противоречий.

Нельзя, конечно, игнорировать того обстоятельства, что последствия кризисных процессов, развернувшихся с начала XXI в., по общему признанию, усилили глобальные риски. Неслучайно в данной связи стал упоминаться целый кластер глобальных кризисов; среди них называют: энергоэкологический, демографический, технологический, экономический кризисы, социокультурные, политические и другие кризисные явления.

Бесспорно, что к важным сдвигам на мировой арене в XXI в. относится и то, что развитие американо-китайских отношений, судя по всему, будут в предстоящие десятилетия оказывать сильное воздействие на мировую экономическую и политическую ситуацию (хотя нельзя закрывать глаза и на стоящие перед ними большие трудности, особенно – в нынешнюю «турбулентную» эпоху).

Серьёзного внимания заслуживают и вопросы развития новой глобальной этики. Во многих документах и публикациях современных политиков, как известно, стали фигурировать при-

звы к тому, что необходимо добиваться перехода к «новой цивилизации», например, «экоцивилизации», к гуманистическому глобальному сообществу.

Разумеется, нельзя недооценивать значимость альтернативных подходов к решению заметно обострившихся экономических, социальных, национально-этнических, конфессиональных, других проблем и противоречий.

Какие могут быть альтернативные решения для предотвращения негативного хода событий? Ясно, что поиски их возможны на путях повышения позитивной роли государств и гражданского общества, усиления их совместной активности в борьбе против угроз и катастроф.

В таких условиях, разумеется, возрастает значимость интернациональных поисков действительно разумных и эффективных альтернатив.

Неслучайно всё громче раздаются голоса в пользу признания двойственного характера обостряющихся глобальных проблем. Речь идёт, прежде всего, об ускорении темпов общественно-исторического развития. И одновременно, в умах части людей растёт неопределённость в восприятии процессов, происходящих в мире. Отсюда и противоречивость реакции на них; это ведёт к появлению разных оценок и теоретических интерпретаций¹³⁷.

Особенно важной представляется систематическая работа по углублённому анализу факторов, которые призваны на деле способствовать ослаблению и, в конечном счёте, преодолению серьёзных трудностей, препятствий, встречающихся на пути развития всестороннего диалога цивилизаций, налаживанию между ними полнокровного партнёрства. Можно согласиться с рядом конструктивных соображений, высказываемых в этом контексте видными учёными и общественными деятелями разных стран¹³⁸.

¹³⁷ Подробнее об этом, см., например: Э. Баталов. Современные глобальные тренды и новое сознание. «Международные процессы». М., № 1, 2012. С. 4-17. См. также: И. Валлерстайн. «Конец знакомого мира». Пер. с англ. М., 2003; А. Greenspan. «The Age of Turbulance». N.-Y., 2007; Т. Тимофеев. «Цивилизационные противоречия и общественная мысль». М., 2004; его же «Назревшие перемены». «Партнёрство цивилизаций», № 1. М., 2012. С. 61-67; и др.

¹³⁸ Отметим, например, интересные идеи и предложения, которые получили

В современном мировидении сталкиваются – и будут проявляться – разные тенденции. Среди них встречаются чисто умозрительные (порою утопические) концепции, которые на практике абстрагируются от всех реалий нашей противоречивой эпохи. Но в конечном счёте большинство объективных исследователей констатирует, изучая основные цивилизационные ареалы и важнейшие пути, формы их сотрудничества, что к категорическим императивам человеческого выживания и прогресса, относится развитие их плодотворных взаимоотношений во имя общих целей – ослабления глобальных рисков, конструктивного решения задач, которые ставят перед всем человечеством вызовы XXI века.

Ответственной задачей учёных является как выявление объективных закономерностей, определяющих характер глобальных вызовов и перемен, так и конкретизация субъективных факторов¹³⁹, включая перемены в общественном сознании, в коллективном поведении, говорящих о назревании серьёзных социально-политических сдвигов и трансформаций.

отражение в ряде выступлений на ежегодно проводимых на о. Родос заседаниях Мирового общественного Форума «Диалог цивилизаций», на систематических встречах интеллектуалов и политиков, проводимых в рамках «Лихачёвских чтений» в Санкт-Петербурге, в ходе разных дискуссий в Москве, на Валдае, в Новгороде, Ярославле, на форумах АТР и др.

¹³⁹ Определённый вклад в более детальное интенсивное обсуждение этой, как и смежной тематики, внесли участники недавних дискуссий, проведённых под эгидой ИЕ РАН, ИНЭС, межинститутского Научного Совета по сравнительному изучению цивилизаций. См., например, в публикациях: «От рисков нестабильности к устойчивому развитию» (М., 2011, ч. I и II); «Перемены в Европе и судьбы моделей развития» (М., 2012) и др.

ТИМУР ТИМОФЕЕВИЧ ТИМОФЕЕВ
(30.11.1929 – 20.11.2013)

Ушёл из жизни Тимур Тимофеевич Тимофеев – человек удивительной судьбы. Он родился в далёком 1929 г., в не менее далёком от его большой Родины Лос-Анджелесе, США. После переезда в СССР Тимур Тимофеевич с 1933 г. и до конца Великой Отечественной войны воспитывался в ставшем легендарным Ивановском интернациональном детском доме. С тех пор и на всю жизнь он сохранил возвращённые там в себе качества верности, дружбы, взаимовыручки.

Золотой медалист Ивановский средней школы, выпускник Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, Тимур Тимофеевич быстро завоевал уважение коллег как глубоко и нестандартно мыслящий учёный, редкого дара организатор науки. В 1966 г. признанием его научных достижений стало звание члена-корреспондента Академии наук Советского Союза. В том же году Тимур Тимофеевич становится директором-основателем Института международного рабочего движения, в котором была воспитана плеяда блестящих учёных-обществоведов. Этот пост он бессменно занимал до 2002 г.

Имя Тимура Тимофеевича Тимофеева было широко известно не только в СССР и России, но и за рубежом. Совместно с проф. И. Валлерстайном он возглавлял американо-российскую комиссию по изучению социальных изменений, был председателем Комиссии международного сотрудничества исследовате-

лей проблем социальных движений и революционных процессов. Область интересов Тимура Тимофеевича была чрезвычайно широка: мировая экономика, международные отношения, социология, политология.

С 2003 г. Тимур Тимофеевич работал в Институте Европы РАН, где возглавлял Центр межкультурных исследований. Со свойственным ему энтузиазмом и аналитической глубиной он развил новое научное направление в деятельности Института, создал Межинститутский учёный совет по сравнительному изучению цивилизаций, выпустил целую серию интереснейших работ.

Тимур Тимофеевич был неустанным тружеником и генератором идей. Был он и душой компании, человек остроумный, внимательный к друзьям и сослуживцам, источник неисчерпаемых жизненных историй. Тимур Тимофеевич был мудрым советчиком и наставником. Его всегда молодой задор, оптимизм, преданность идеалам социальной справедливости навсегда останутся в наших сердцах. Тимур Тимофеевич был заботливым мужем, отцом и дедом; родные отвечали ему любовью и заботой.

Мы скорбим по нашему другу и товарищу.

Светлая тебе память, Тимур Тимофеевич.

**В 2012–2013 гг. были выпущены следующие
доклады Института Европы**

278. Н.М.Антюшина. Арктический вызов для национальной и международной политики. ДИЕ РАН, № 278, М., 2012 г.
279. Германия. 2011. Под ред. В.Б.Белова. ДИЕ РАН, № 279, М., 2012 г.
280. Британия в кризисе: тактические меры и стратегические цели. Под ред. Ал.А.Громыко и др. ДИЕ РАН, № 280, М., 2012 г.
281. А.А.Красиков. Ватикан 2000 лет спустя. Римо-католичество между прошлым и будущим. ДИЕ РАН № 281, М., 2012 г.
282. И.С.Гладков. Внешняя торговля России: ретроспективный анализ и современность. ДИЕ РАН № 282, М., 2012 г.
283. Испания после парламентских выборов. Прогнозный анализ. Под ред. В.Л.Верникова. ДИЕ № 283, М., 2012 г.
284. Большое Причерноморье: поиск путей расширения сотрудничества. Под ред. А.А.Язьковой. ДИЕ № 284, М., 2012 г.
285. Россия и государства Апеннинского полуострова на современном этапе. Под ред. Ал.А.Громыко. ДИЕ РАН № 285, М., 2012 г.
286. Перемены в Европе: возможны ли альтернативные модели. Под ред. Ал.А.Громыко, Т.Т.Тимофеева. ДИЕ РАН № 286, М., 2012 г.
287. Что Россия ждёт от Европейского союза? Под ред. Н.Б.Кондратьевой. ДИЕ РАН № 287, М., 2013 г.
288. Глобальные дисбалансы и кризисные явления в мировой экономике. Часть I. Под ред. А.И.Бажана, К.Н. Гусева и др. ДИЕ РАН № 288, М., 2013 г.
289. Глобальные дисбалансы и кризисные явления в мировой экономике. Часть II. Под ред. А.И.Бажана, К.Н. Гусева и др. ДИЕ РАН № 288, М., 2013 г.
290. Юго-Восточная Европа: между прошлым и будущим. Под ред. А.А.Язьковой. ДИЕ РАН № 290, М., 2013 г.
291. Глобальное управление в XXI веке: инновационные подходы. Под ред. Ал.А.Громыко. ДИЕ РАН № 291, М., 2013 г.
292. Большая Европа в глобальном мире: новые вызовы – новые решения. Под ред. Ал.А.Громыко. ДИЕ РАН № 292, М., 2013 г.
293. Е.В.Ананьева. От «нового лейборизма» к «прогрессивному консерватизму». ДИЕ РАН № 293, М., 2013 г.
294. Германия. 2012. Часть I. Под ред. В.Б.Белова. ДИЕ РАН, № 294, М., 2013 г.
295. Германия. 2012. Часть II. Под ред. В.Б.Белова. ДИЕ РАН, № 295, М., 2013 г.

«Reports of Institute of Europe» published in 2012–2013

278. N.M.Antyushina. Arctic Challenges for the National and International Policy. Reports of the IE RAS, № 278, M., 2012.
279. Germany. 2011. Ed. by V.B.Belov. Reports of the IE RAS, № 279, M., 2012.
280. Britain in crisis: tactical measures and strategical goals. Ed. by Al.A.Gromyko and others. Reports of the IE RAS, № 280, M., 2012.
281. A.A.Krasikov. Vatican 2000years after. Roman Catholicism between the past and the future. Reports of the IE RAS, № 281, M., 2012.
282. I.S.Gladkov. The foreign trade of Russia: retrospective analysis and the present. Reports of the IE RAS, № 282, M., 2012.
283. Spain after the parliamentary election. The prognosis. Ed. by V.L.Vernikov. Reports of the IE RAS, № 283, M., 2012.
284. Great Black Sea area: the quest for enhanced cooperation. Ed. by A.A.Yazkova. Reports of the IE RAS, № 284, M., 2012.
285. Russia and the Apennines states in the contemporary world. Ed. by Al.A.Gromyko. Reports of the IE RAS, № 285, M., 2012.
286. Changes in Europe: are alternatives possible. Ed. by Al.A.Gromyko, T.T.Timofeev. Reports of the IE RAS, № 286, M., 2012.
287. What does Russia expect from the European Union? Ed. by N.B.Kondratyeva. Reports of the IE RAS, № 287, M., 2013.
288. Global imbalances and world economy crises. Part I. Ed. by A.I. Bazhan, K.N.Gusev and others. Reports of the IE RAS, № 288, M., 2013.
289. Global imbalances and world economic crisis. Part II. Ed. by A.I. Bazhan, K.N.Gusev and others. Reports of the IE RAS, № 289, M., 2013.
290. South-Eastern Europe: between the past and the future. Ed. by A.A.Yazkova. Reports of the IE RAS, № 290, M., 2013.
291. Global Governance in the XXI Century: Innovative Approaches. Ed. by Al.A.Gromyko. Reports of the IE RAS, № 291, M., 2013.
292. Wider Europe in the Global World: New Challenges – New Solutions. Ed. by Al.A.Gromyko. Reports of the IE RAS, № 292, M., 2013.
293. E.V.Ananieva. From New Labour to Progressive Conservatism. Reports of the IE RAS, № 293, M., 2013.
294. Germany. 2012. Part I. Ed. by V.B.Belov. Reports of the IE RAS, № 294, M., 2013.
295. Germany. 2012. Part II. Ed. by V.B.Belov. Reports of the IE RAS, № 295, M., 2013.